Краткій очеркъ

церковно-исторической жизни православной Грузіи со времени появленія въ ней христіанства и до вступленія ея въ подданство Россіи.

СОСТАВИЛЪ

законоучитель 1-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи, священникъ Никандръ Покровскій.

Тифлисъ.
Электропечатня газеты „Тифлисскій Листокъ".
1905

N. ШК. ССII П. 3/41

Краткій очеркъ

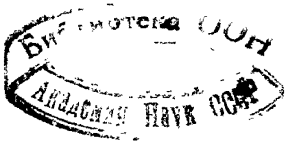
церковно-исторической жизни православной Грузіи со времени появленія въ ней христіанства и до вступленія ея въ подданство Россіи.

Составилъ

законоучитель 1-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи, священникъ Никандръ Покровскій.

ТИФЛИСЪ.
Электропечатня газеты „Тифлисскій Листокъ".
1905

Отъ С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 2 мая 1905 г. Цензоръ, архимандритъ Меѳодій.

393
3Ғ

Оглавленіе.

Введеніе.

Глава I. Подготовленіе грузинъ къ принятію христіанства. Проповѣдь свв. апостоловъ и ихъ учениковъ.

Глава II. Св. равноапостольная Нина, какъ проповѣдница христіанства и просвѣтительница Грузіи. Прибытіе изъ Греціи и Арменіи пастырей церкви. Св. царь Миріанъ. Начало зависимости грузинской церкви отъ греческой.

Глава III. Распространеніе христіанства при преемникахъ св. Миріана и заботы послѣднихъ о религіозно-нравственномъ развитіи народа. Первыя бѣдствія грузинской церкви, вызванныя борьбою ея съ язычествомъ. Начало самостоятельности грузинской церкви.

Глава IV. Появленіе въ Грузіи монашества. Знаменитые подвижники и ихъ монастыри. Значеніе и заслуги монашества для грузинской церкви и общества. Отпаденіе армянской церкви отъ греко-грузинской.

Глава V. Начало борьбы Грузіи съ исламомъ. Нашествіе арабовъ. Св. мученикъ Або тифлисскій. Вторженіе въ Грузію Мурвана Глухого и свв. мученики—братья Давидъ и Константинъ, князья Аргветскіе. Борьба грузинъ съ турками—сельджуками. Св. царь Давидъ III—Возобновитель и Георгій III.

Глава VI. Вѣкъ знаменитой царицы Тамары. Попытка грузинъ принять участіе въ крестовыхъ походахъ. Нашествіе хоросанскаго султана Джелалъ-Эддина Макберни и монголовъ. Начало римско-католической пропаган-

ды въ Грузіи. Царь Димитрій Самопожертвователь. Прибытіе новыхъ латинскихъ миссіонеровъ въ Грузію.

Глава VII. Минуты отдыха Грузіи отъ бѣдствій. Нашествіе Тамерлана. Новое покушеніе Рима. Странный крестовый походъ.

Глава VIII. Нашествіе шаха Аббаса Св. мученица царица Кетевань. Знаменитые дѣятели изъ среды грузинскаго духовенства въ трудныя времена бѣдствій, пережитыя Грузіей.

Глава IX Борьба грузинскаго духовенства съ римско-католической пропагандой. Попытка мусульманъ обратить Сіонскій соборъ въ мечеть. Нашествіе персидскаго шаха Надира. Вторженіе въ страну турокъ и персидскаго шаха Ага-Магомета-хана Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Глава X. Сношенія Грузіи съ единовѣрной Россіей Русскій князь Святославъ у подошвы Кавказа. Возникновеніе Тмутараканскаго княжества. Родственныя связи русскихъ князей съ владѣтелями кавказскихъ народовъ. Монгольское иго—средство тѣснѣйшаго единенія русскихъ съ грузинами. Могущество Россіи привлекаетъ къ себѣ взоры грузинъ въ бѣдственныя времена ихъ политической исторіи. Посольство Грузіи въ Россію и этой послѣдней въ Грузію. Вступленіе Грузіи въ подданство Россіи и подчиненіе церкви грузинской Св. Суноду.

Краткій очеркъ

церковно-исторической жизни православной Грузіи со времени появленія въ ней христіанства и до вступленія ея въ подданство Россіи.

Введеніе.

Грузія (Иверія) для каждаго и особенно для русскаго человѣка представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ странъ въ мірѣ. Въ этой малоизслѣдованной южной окраинѣ нашего обширнаго отечества любопытно все,—и природа и люди.

Въ географическомъ отношеніи Грузія представляетъ собой четырехугольникъ, съ востока и запада омываемый морями (Каспійскимъ и Чернымъ), съ сѣвера ограниченный Кавказскимъ хребтомъ, увѣнчаннымъ высочайшей вершиной—вѣчно бѣлоснѣжнымъ Эльбрусомъ. Южной границей Грузіи служитъ большею частью рѣка Аракъсъ, за которою красуется другой великанъ—двухглавый Араратъ, убѣленный также вѣковыми снѣгами, какъ и Эльбрусъ. Въ этомъ четырехугольникѣ, отрѣзанномъ отъ остального міра и горами и водами, мы видимъ много величественныхъ и прекрасныхъ мѣстъ, невольно возводя-

ищхъ нашъ умъ къ Великому Художнику—Творцу вселенной. Величественныя горы, нависшіе утесы, прелестные холмы, непроницаемые лѣса, огромныя плодоносныя равнины и долины съ разными тропическими растеніями, снѣжныя вершины, бездонныя пропасти,—однимъ словомъ здѣсь можно найти все, что есть въ мірѣ самаго грандіознаго и привлекательнаго

Здѣсь издавна жили народы картвельскаго племени, составившіе нѣсколько самостоятельныхъ государствъ: Грузію (Карталинію и Кахетію), Имеретію, Мингрелію и Гурію, то соединявшихся, то снова распадавшихся. Самую значительную и сильную часть картвельскаго племени всегда составляли грузины, занимавшіе бассейнъ рѣкъ Куры и Алазани, исторія Грузіи есть, поэтому, и исторія всѣхъ другихъ картвельскихъ народовъ, въ тяжелые историческіе моменты всегда соединявшихъ свою судьбу съ ея судьбами и своимъ отдѣленіемъ отъ нея вносившихътолько династическіе и между-племенные споры Преданія глубокой старины, записанныя въ исторію грузинскимъ царемъ Вахтангомъ VI, говорятъ намъ, что родоначальникомъ разныхъ племенъ, съ незапамятныхъ временъ водворившихся на Кавказѣ, былъ Таргамосъ, правнукъ Ноя, внукъ Іафета. Это былъ великанъ, поселившійся съ своимъ безчисленнымъ потомствомъ послѣ вавилонскаго столпотворенія въ нынѣшнемъ Закавказьѣ Прожилъ онъ 600 лѣтъ. Изъ его сыновей особенно отличались восемь великановъ, между которыми онъ и раздѣлилъ свои владѣнія. Одинъ изъ нихъ, Картлосъ, былъ родоначальникомъ (картвельскаго) племени Въ свою очередь, и Картлосъ раздѣлилъ свою землю между пятью сыновьями - великанами, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ былъ Мцхетосъ, основатель города Мцхета, при сліяніи Куры съ Арагвой. Скоро потомки Картлоса, при которомъ религія была строго-монотеистическая, забыли истиннаго Бога, Творца вселенной, и стали поклоняться солнцу (Мзе), лунѣ (Мтавари) и пяти звѣздамъ, а также гробницѣ Картлоса, служившей имъ для завѣренія своихъ клятвъ. Вообще религія древнихъ

грузинъ не имѣла опредѣленнаго характера и культа, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ на нее оказывала свое вліяніе религія той именно страны, которая въ тотъ или другой историческій моментъ владѣла Грузіей. Такимъ образомъ, исторія Грузіи восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ и застаетъ въ ней разрушеніе патріархальнаго быта съ властью старшаго въ родѣ (мамасахлиса). Во времена великихъ народныхъ передвиженій въ Азіи, Грузія утрачиваетъ свою самостоятельность, послѣдовательно завоевываемая ассиріанами, вавилонянами, персами. Послѣдніе имѣли, благодаря своему близкому сосѣдству, самое сильное религіозное и бытовое вліяніе на древнюю Иверію. Подъ предводительствомъ персидскихъ царей народъ грузинскій съ плетеными щитами и въ деревянныхъ шлемахъ бывалъ въ походахъ противъ грековъ и скиѳовъ, и знакомился съ чужими знаніями и обычаями Въ то же время гордыя твердыни близъ лежащаго Кавказа привлекаютъ въ Грузію толпы иноплеменниковъ, бѣгущихъ отъ полчищъ завоевателей, греки пріѣзжаютъ къ ней за золотымъ руномъ, и эти международныя сношенія подготовляютъ въ странѣ зачатки цивилизаціи и способствуютъ развитію религіознаго языческаго культа, а затѣмъ впослѣдствіи открываютъ путь и христіанству.

Когда вавилонскій царь Навуходоносоръ завладѣлъ Іерусалимомъ, многіе выходцы оттуда явились въ Картли и просили у Мцхетскаго мамасахлиса страну для поселенія за ежегодную дань. Мамасахлисъ отвелъ имъ земли въ окрестностяхъ рѣки Арагвы, и эти выходцы - евреи подготовили отчасти ту почву, на которой впослѣдствіи пышно разцвѣло великое ученіе Голгоѳскаго Страдальца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда столько разноплеменныхъ народовъ соединились въ Картли, среди жителей этой страны водворились самые гнусные обычаи: въ бракахъ не обращали вниманія ни на какую степень родства; питались всѣмъ, что только имѣло жизнь; покойниковъ не хоронили, а пожирали ихъ тѣла.

По сказанію грузинской лѣтописи, Александръ Македонскій (336—323 г.), завоевавшій вселенную по всѣмъ направленіямъ, прошелъ, между прочимъ, и черезъ Кавказъ. Завладѣвъ Картлiей, великій завоеватель истребилъ находившійся въ ней сбродъ народовъ, умертвилъ всѣхъ иноземцевъ, обратилъ въ неволю женщинъ и дѣтей не ниже 15 лѣтъ, пощадивъ только однихъ потомковъ Картлоса. Для этихъ послѣднихъ онъ поставилъ эриставомъ патриція, по имени Азона, своего родственника, давъ въ его распоряженіе 100-тысячное войско, и этимъ обстоятельствомъ сдѣлалъ попытку уничтожить даже внѣшніе признаки нѣкоторой самостоятельности въ Грузіи. Отправляясь на дальнѣйшія завоеванія, Александръ Великій повелѣлъ Азону поклоняться солнцу, лунѣ и пяти звѣздамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить Богу (Гмерти), невидимому Творцу вселенной [1]). Такъ какъ въ то время не было ни пророковъ, ни учителей вѣры, для наставленія и исправленія людей, то онъ самъ установилъ эту религію для всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Послѣ смерти Александра Македонскаго, Азонъ оставилъ предписанное ему богослуженіе и сталъ поклоняться идоламъ. Онъ изваялъ изъ серебра два идола (Гаци и Гаймъ) и разрѣшилъ картвеламъ приносить этимъ идоламъ своихъ дѣтей въ жертву. Но эти-то крайнія обстоятельства и вызываютъ въ Грузіи возстаніе во имя своей независимости. Подъ предводительствомъ Фарнаоза, потомка послѣдняго мамасахлиса, грузины изгоняютъ намѣстника, и страна вступаетъ въ эпоху царей. Первымъ царемъ и былъ Фарнаозъ (за 300 слишкомъ лѣтъ до Рождества Христова), который установилъ новое богопочитаніе, отведя первое мѣсто въ сонмѣ небожителей Армазу.

Для привлеченія же народа къ поклоненію названному богу на мѣстахъ, доселѣ чтимыхъ всѣми грузинами, онъ воздвигнулъ капища на высотахъ древней столицы Мцхета, гдѣ драгоцѣнные идолы и пышные обряды новаго язычества съ торжественными процессіями скоро заставили грузинъ забыть національнаго стараго бога

Бочи и всецѣло примкнуть къ культу персидской теософіи. Взамѣнъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, реформаторъ учредилъ другое жертвоприношеніе, состоявшее изъ разныхъ животныхъ, птицъ, растительныхъ, освѣтительныхъ продуктовъ и драгоцѣнныхъ веществъ на особо устроенномъ жертвенникѣ, фундаментъ котораго всецѣло видѣнъ и понынѣ на горѣ Армаза, у церкви св. Нины. Изъ числа всѣхъ жертвоприношеній освѣтительные матеріалы употреблялись больше всего, такъ какъ эти вещества своимъ дѣйствіемъ отождествляли самого бога Армаза, какъ первоистеченіе отъ пресвѣтлѣйшаго солнца, по выраженію древнихъ грузинъ. Впослѣдствіи всѣ приношенія дѣлились на три части. Первая отдавалась служителямъ боговъ и законоучителямъ народа, вторая шла на бѣдныхъ богомольцевъ, третья назначалась больнымъ и заключеннымъ въ темницахъ, все же остальное приношеніе оставалось за капищемъ, въ пользу жрецовъ. Древній обычай приношенія въ храмы съѣстныхъ продуктовъ всецѣло сохранилъ свою силу и въ нынѣшней христіанской Грузіи: клирики празднуемыхъ храмовъ приношеніями богомольцевъ нагружаютъ иногда цѣлыя повозки всякой всячины.

Персидскія божества вытѣснили собою древнѣйшій культъ грузинскихъ боговъ и незамѣтно заняли впослѣдствіи первое мѣсто въ ряду грузинскихъ божествъ, какъ боги царя-властелина. Но затѣмъ, чрезъ различныя сношенія съ греками-колонистами, сынами Адріатическаго моря, грузины познакомились и съ богами греко-римскими.

Въ религіозномъ культѣ персо-грузинъ въ III вѣкѣ христіанской эры мы встрѣчаемъ греческихъ боговъ въ лицѣ Венеры, Діаны, классическаго Прометея и другихъ. Однако боги эти въ ряду древнихъ грузинскихъ боговъ занимали почти послѣднія мѣста. Всѣ они въ тоже время были по преимуществу государственными богами, но въ частности для каждаго отдѣльнаго члена грузинскаго царства они не имѣли никакого нравственнаго значенія и вліянія. На грузина того отдаленнаго отъ насъ времени

болѣе всего вліяла дикая и угрюмая природа, окружавшая его, которая физическими своими явленіями, для ума его необъяснимыми, порождала въ немъ грубѣйшія суевѣрія. Такимъ образомъ, отъ подобнаго смѣшаннаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смутнаго богопочитанія, теософія грузинъ не имѣла опредѣленнаго характера и значенія, и весь народъ привязанъ былъ къ своимъ богамъ только наружно, съ соблюденіемъ одной лишь обрядности. Отсюда, какъ вполнѣ естественное слѣдствіе, и проистекала та полная вѣротерпимость всевозможныхъ религій, какую мы встрѣчаемъ въ древней языческой Грузіи. Подобное отношеніе къ упомянутымъ божествамъ содѣйствовало ослабленію жреческаго сословія, которое положительно не имѣло никакого вліянія на государственныя дѣла Въ Грузіи, напротивъ, царь и вельможи были въ одно и тоже время официальными представителями и государства и религіи. Но заботы объ интересахъ государства поглощали собою все, не оставляя мѣста для религіи, вслѣдствіе чего эта послѣдняя сама по себѣ была отодвинута на второй планъ.

Дуализмъ Персіи и пластическое вѣрованіе классическаго міра, столкнувшись на грузинской почвѣ, положительно разрушали другъ друга, отъ чего и духъ грузинскаго народа не удовлетворялся ничѣмъ и томительно искалъ себѣ чего то высшаго и опредѣленнаго, и это высшее и опредѣленное открылось грузинамъ вполнѣ, какъ скоро слово Евангелія огласило предѣлы древней Иверіи. Христіанство постепенно и незамѣтно входило въ нее, вполнѣ отвѣчая своимъ ученіемъ внутренней настроенности грузинскаго народа.

Многовѣковую жизнь православной Грузіи въ обширномъ смыслѣ слова, въ смыслѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ, называютъ, и это вполнѣ справедливо, мартирологомъ, повѣстью страданій. И едва ли можно пріискать лучшее для нея имя. Съ тѣхъ поръ, какъ исторія замѣтила эту страну, она стала служить центромъ притяженія для многоразличныхъ народовъ, шедшихъ къ ней и съ

сѣвера, и съ востока, и съ далекаго запада и оставлявшихъ за собою разрушительные слѣды. На обнаженныхъ горахъ Карталиніи и среди роскошной растительности Кахетіи и Имеретіи повсюду и до нынѣ видны развалины старинныхъ замковъ и башенъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ народу убѣжищемъ во время вражескихъ нашествій Во многихъ мѣстахъ этого благодатнаго края разсѣяны памятники древняго христіанства: до сихъ поръ еще въ самыхъ глухихъ, лѣсныхъ и горныхъ ущельяхъ, нерѣдко даже на недоступныхъ высотахъ, мы видимъ обширныя развалины церквей, видимъ покрытые мхомъ водруженные кресты на самыхъ отдаленныхъ крутыхъ тропинкахъ Кавказскаго хребта или на берегу горныхъ потоковъ, встрѣчаемъ полуистертыя отъ времени и непогоды надписи на полуразвалившихся храмовыхъ стѣнахъ, на гребнѣ нѣкоторыхъ скалъ и проч. Что же вѣщаютъ намъ эти священные памятники сѣдои древности? Они говорятъ намъ своимъ нѣмымъ языкомъ, что было время, когда благодатный свѣтъ Христовъ и крестъ Господень сіяли яркимъ блескомъ на горныхъ вершинахъ, въ ущельяхъ и долинахъ Закавказья, что тогда, въ давнее время, было много храмовъ и обителей въ этой мѣстности; но потомъ многое отъ времени и, главнымъ образомъ, отъ враговъ христіанства сокрушилось и исчезло съ лица земли.

Много бѣдствій и печалей испытала единовѣрная намъ Грузія, ведя героическую, неравную борьбу съ врагами за вѣру свою православную. Раннее принятіе христіанства наложило особый отпечатокъ на историческую миссію Грузіи. Вступивъ въ христіанскую церковь еще въ IV вѣкѣ, Иверія въ продолженіе длиннаго ряда столѣтій представляла собою самый крайній и изолированный редутъ христіанства на востокѣ, сперва противъ персидскихъ огнепоклонниковъ, а затѣмъ безчисленныхъ полчищъ арабовъ, монголовъ, сельджуковъ, магометанъ, татаръ и другихъ бичей человѣчества, грозившихъ всей Европѣ потопленіемъ. Грузины въ теченіе долгихъ вѣковъ защищали естественный

мостъ между Азіей и Европой отъ этихъ враговъ всякой цивилизации и культуры, и вели эту борьбу съ большею настойчивостью, нежели европейскіе крестоносцы въ Палестинѣ. И едва-ли въ мірѣ найдется еще страна, гдѣ было бы столько же этихъ нѣмыхъ свидѣтелей народныхъ страданій, подобная Грузіи, каждая пядь земли которой полита обильно драгоцѣнною кровью лучшихъ сыновъ ея. Въ то время, какъ въ позабытыхъ и самою природою замкнутыхъ ущельяхъ Кавказа дичала и крѣпла жизнь невѣдомыхъ міру племенъ, на южной покатости горнаго хребта древняя Иверія въ продолженіе 14 вѣковъ отстаивала свѣтъ христіанства и первыя начатки цивилизации отъ кровавыхъ вторженій магометанства и даже язычества Но эти грозныя смертоносныя бури, по временамъ подобно урагану проносившіяся надъ Грузіей, не могли, однако, коснуться тѣхъ божественныхъ основаній, на которыхъ утверждена незыблемо церковь Христова (Еф 11, 20). Грузины ревниво охраняли святыню Христовой вѣры отъ всѣхъ покушеній на нее со стороны иновѣрцевъ. По примѣру христіанъ первыхъ вѣковъ они скорѣе готовы были итти на мучительнѣйшую смерть, нежели измѣнить св. вѣрѣ. Вотъ почему въ исторіи грузинской церкви мы видимъ не только преподобныхъ затворниковъ и столпниковъ, но и мучениковъ и исповѣдниковъ Христовыхъ. Для блага Иверіи Богъ по временамъ воздвигалъ великихъ мужей и женъ, которые распространяли и утверждали Христову вѣру въ этой странѣ, и возбуждали въ грузинскомъ народѣ мужество и терпѣніе въ борьбѣ съ врагами, подавая своею дѣятельностью живой примѣръ непоколебимой твердости въ св. вѣрѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, будучи уроженцами самой Грузіи, являются яркими выразителями національной, культурной и религіозной жизни страны и въ тоже время твердыми носителями завѣтовъ своихъ отцовъ и предковъ [2]).

Задача нашего труда—представить въ краткомъ очеркѣ церковно-историческую жизнь православной Грузіи отъ появленія въ ней христіанства и до вступленія ея въ подданство Россіи.

ГЛАВА I.

Подготовленіе грузинъ къ принятію христіанства. Проповѣдь свв. апостоловъ и ихъ учениковъ

Во мракѣ слѣдовавшихъ въ исторической жизни языческой Иверіи одинъ за другимъ вѣковъ, наполненныхъ оорьбою съ Арменіей и прочими сосѣдями, мелькаетъ лишь нѣсколько славныхъ именъ, изъ которыхъ одно царя Адерка (отъ 2 г. до Р. Хр.—55 г. по Р. Х.) замѣчательно тѣмъ, что въ третій годъ его царствованія родился Спаситель мира [1]). По свидѣтельству одной пергаментной рукописи, сказаніе которой приводитъ въ своей исторіи Грузіи царевичъ Теймуразъ [2]), великое мировое событіе не осталось незамѣченнымъ въ древней Иверіи отголосокъ его немедленно раздался и въ этой отдаленной отъ виѳлеемской пещеры странѣ. Поставленный на одной изъ Мцхетскихъ высотъ еще царемъ Фарнаозомъ великолѣпный истуканъ главнаго бога Армаза неожиданно для своихъ усердныхъ поклонниковъ вдругъ проговорилъ человѣческимъ голосомъ *«рожденъ я Армазъ, отъ святыйшаго свѣта, Новорожденный же устованъ затмитъ мой свѣтъ»*. Въ самомъ же городѣ Мцхетѣ [3]) вскорѣ распространился слухъ, что въ Іерусалимѣ родился Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, и что персы овладѣли Іерусалимомъ. Мцхетскіе евреи впали въ горькое отчаяніе. Но вскорѣ оглаеилось, къ великой радости вѣрныхъ сыновъ Израиля, что персы явились въ Іерусалимъ только для того, чтобы поднести дары родившемуся Божественному Младенцу [4]) Эти то евреи, небольшая часть которыхъ присутствовала впослѣд-

ствіи при страшныхъ страданіяхъ Голгоѳской Жертвы, и явились первыми провозвѣстниками Богочеловѣка въ Грузіи.

Согласно древнему преданію, первыя сѣмена христіанства посѣяны были въ Иверіи потомками первосвященника Или (1137 г. до Р. Х.) [5]) Не смотря на то, что грузинскихъ евреевъ отдѣляло отъ религіознаго центра іудейскаго народа столь огромное пространство мѣста, обѣтованіе отцовъ ихъ гораздо чище и святѣе сохранилось среди этой общины, переселенной вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ, по завоеваніи имъ Іерусалима, въ западную область древней Грузіи, въ 594 году до Р. Х., служившей мѣстомъ ссылокъ сиро-халдейскихъ преступниковъ. Эта община еврейская, замкнутая сама въ себѣ, безъ вліянія на нее разныхъ ученій, вытекшихъ впослѣдствіи чрезъ знакомство библейскаго ученія съ классическою образованностью Греціи,—вѣрная древнему религіозному ученію своихъ предковъ, со дня на день ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ пришествія въ міръ обѣщаннаго Мессіи. Эта вѣра въ близость царства Божія и побуждала грузинскихъ евреевъ, не смотря на огромное пространство мѣста, отдѣлявшее ихъ отъ священнаго города, хотя не ежегодно, но изрѣдка, при какихъ либо особенно важныхъ обстоятельствахъ, посылать отъ себя къ Іерусалимскому храму выборныхъ своихъ членовъ съ богатѣйшими приношеніями и этимъ формально поддерживать всегдашнее общеніе съ центромъ іудейства. Съ своей стороны, и іерусалимскіе евреи, въ лицѣ своихъ первосвященниковъ и иныхъ руководителей народа, вели съ мцхетскими евреями постоянную переписку по поводу тѣхъ или другихъ событій въ жизни палестинскихъ іудеевъ [6]).

Тридцать лѣтъ спустя послѣ взволновавшаго грузинскихъ евреевъ извѣстія о рожденіи Спасителя, явился изъ Іерусалима къ мцхетскимъ іудеямъ посланный отъ первосвященника Анны съ порученіемъ сказать имъ: «*Тотъ Самый, Кому маги поднесли дары, выросши, объявляетъ Себя Сыномъ Божіимъ и проповѣдуетъ новую религію. Нынѣ мы отпра-*

вили нарочныхъ ко всѣмъ евреямъ и приглашаемъ еврейскихъ богослововъ прибыть сюда, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. И такъ, пусть тѣ изъ васъ, которые свѣдущи въ законѣ, прибудутъ въ нашу страну, да укрѣпимъ непоколебимость закона нашихъ отцовъ, предадимся исполненію наставленій Моисея, дабы легковѣрные люди не введены были въ обманъ новымъ проповѣдуемымъ намъ закономъ, а Виновный былъ бы наказанъ смертью» [7]).

Вслѣдствіе этого вызова, изъ Мцхета отправились въ Іерусалимъ два праведныхъ мужа, Элозъ, верховный раввинъ всѣхъ евреевъ, жившихъ въ отдаленной Грузіи и знаменитый въ то время между ними Лонгинъ (Логгинозъ) Карсніискій, съ многочисленною свитою, въ числѣ которой и находилось, между прочимъ, нѣсколько грузинъ —Ужиковъ, предковъ нынѣшнихъ Оссовъ (Ужовъ или Уссовъ). Сестра Элоза, благочестивая дѣвица Сидонія, прощаясь съ братомъ во Мцхетѣ, просила его достать и привезти ей что-нибудь принадлежащее Тому Лицу, надъ Которымъ снаряжали судъ. Любя свою сестру, Элозъ далъ ей слово исполнить просимое.

Грузинскіе путешественники прибыли къ самому времени распятія Спасителя, и, когда распявшіе Христа бросили между собою жребій кому достанется одежда Господа, Божественное Провидѣніе присудило ее евреямъ мцхетскимъ. Уѣзжая изъ Іерусалима, Элозъ и Лонгинозъ вывезли въ г. Мцхетъ хитонъ Спасителя и радостную вѣсть о воскресеніи Сына Божія изъ мертвыхъ.

Прибывъ съ тою же свитою во Мцхетъ, Элозъ былъ встрѣченъ своею сестрою Сидоніею, давно уже увѣровавшею черезъ свою мать въ пришествіе на землю обѣщаннаго Спасителя. Самая же встрѣча произошла на дорогѣ, между двумя заборами царскаго сада, прорѣзываемаго большимъ нагорнымъ ручьемъ, орошающимъ упомянутый садъ, у мостика, гдѣ теперь стоитъ храмъ Свэти-Цховели. Сидонія съ радостью бросилась къ брату въ объятія и, заливаясь слезами, объявила ему о смерти любимой матери ихъ, Сарры, которая, будучи совершенно здоровою, вдругъ въ пятницу предъ Пасхою, въ 9 часовъ дня, почувство-

вала въ сердцѣ сильный ударъ и пораженная имъ, замертво упала при словахъ «*прощай, царство израильское, предавшее смерти Спасителя и Избавителя своего, за что отнынѣ будешь виновно въ крови Создателя и Господа своего. горе мнѣ, не удостоившейся смерти ранѣе сего времени, могущей избавить меня отъ этого страшнаго удара, и я удостоилась бы видѣть Свѣтъ во откровеніе языковъ и миръ Израиля!*»

Услыхавъ о такомъ страшномъ сочетаніи обстоятельствъ, какъ смерть Господа и смерть своей матери въ одно и тоже время, Элоэзъ былъ поставленъ въ невыразимое недоумѣніе и не зналъ, что означало собою подобное обстоятельство Будучи въ неописанной печали отъ внезапной потери матери, Сидонія, не переставая цѣловать брата, напомнила ему о просимомъ ею сокровищѣ Элоэзъ немедленно вынулъ изъ ящика окровавленный хитонъ Господень и отдалъ его своей сестрѣ, которая при этомъ вскричала отъ радости «*любезный братъ, довольно съ меня и съ цѣлой страны этого сокровища: Богъ благоволилъ избавить народъ этотъ отъ рукъ діавола, знаемъ чего служитъ этотъ хитонъ, и даруетъ ему вѣчное спасеніе*». Затѣмъ судорожно сжала кровавый хитонъ въ своихъ объятіяхъ и упала на землю замертво, пораженная, словно стрѣлою, извѣстіемъ о распятіи Спасителя и объ участіи брата своего въ осужденіи на смерть небеснаго Посланника, вопреки завѣщанію любящей и любимой ими матери. Новая неожиданность еще сильнѣе поразила Элоэза, никакія усилія всѣхъ окружающихъ лицъ отнять изъ рукъ св. дѣвы хитонъ Господень не привели ни къ чему: онъ какъ бы приросъ къ ея мертвому тѣлу.

Слухъ объ этомъ необыкновенномъ событіи распространился почти мгновенно среди всѣхъ обитателей столицы, и вотъ весь городъ, по выраженію лѣтописи, сошелся видѣть это странное чудо; туда же поспѣшилъ и царь Адеркъ, узнавъ о неслыханной дотолѣ вѣсти Всѣ старанія повелителя Грузіи отнять изъ рукъ умершей Сидоніи св. хитонъ, были тщетны, послѣ чего онъ, оставивъ тѣло ея, вмѣстѣ съ великимъ сокровищемъ, на землѣ,

приставилъ людей охранять покойницу. Эліозъ же, съ нѣкоторыми благочестивыми еврейскими старцами, предался усердной молитвѣ, во время которой сдѣлалось сильное землетрясеніе, подъ св тѣломъ дѣвицы образовалась довольно большая разсѣлина, поглотившая собою умершую Сидонію съ нетлѣннымъ хитономъ Господнимъ; земля, снова соединившись, не оставила и слѣдовъ бывшей разсѣлины.

Царь Аверкій, благоговѣя предъ этимъ новымъ чудомъ, приказалъ огородить и стеречь это мѣсто отъ осквернения. Спустя нѣсколько времени надъ могилою св. Сидоніи выросъ кедръ, сдѣлавшійся впослѣдствіи источникомъ и началомъ христіанства въ Грузіи. Народъ, окружавшій могилу святой, не зналъ ничего о причинѣ неожиданной смерти дѣвицы, и Эліозъ принужденъ былъ разсказать ему о всемъ случившемся въ Іерусалимѣ [b]).

Эта была первая проповѣдь о Богочеловѣкѣ въ древней языческой Иверіи.

Вѣра Христова впервые была насаждена въ Грузіи, по преданію, св апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. Одна грузинская лѣтопись объ этомъ разсказываетъ такъ: «по вознесеніи Господа на небо, апостолы съ Маріею, Матерью Іисусовой, собрались въ Сіонскую горницу, гдѣ и ожидали пришествія обѣщаннаго Утѣшителя. Здѣсь апостолы бросили жребій, куда кому итти съ проповѣдью слова Божія. Во время метанія жребіевъ Пресвятая Дѣва Марія сказала апостоламъ: желаю и Я принять, вмѣстѣ съ вами, жребій, чтобы и Мнѣ имѣть страну, которую изволитъ дать Мнѣ Самъ Богъ. Брошены были жребіи, по которымъ Пресвятой Дѣвѣ досталась въ удѣлъ Иверія. Владычица съ великой радостью приняла Свой удѣлъ и уже готова была туда итти со словомъ благовѣстія, какъ передъ самымъ выступленіемъ Ея въ путь, явился Ей Господь Іисусъ и сказалъ: Матерь Моя, не отвергну жребія Твоего и не оставлю народа Твоего безъ участія въ небесномъ благѣ; но отправь вмѣсто Себя Первозваннаго Андрея въ удѣлъ Твой. И пошли съ нимъ образъ Твой,

который изобразится приложеніемъ приготовленной на то доски къ Твоему лицу. Образъ тотъ будетъ замѣнять Тебя и послужитъ хранителемъ людей Твоихъ во вѣки. Послѣ этого божественнаго явленія Пресвятая Дѣва Марія призвала къ Себѣ св. апостола Андрея и передала ему слова Господни, на которыя апостолъ только отвѣтилъ: Святая воля Сына Твоего и Твоя будетъ во вѣки. Тогда Пресвятая умыла лице Свое, потребовала доску, приложила ее къ Своему лицу, и на доскѣ отразился образъ Владычицы съ Предвѣчнымъ Сыномъ Ея на рукахъ».

Получивъ этотъ образъ изъ рукъ Богоматери въ знакъ покровительства и помощи Ея въ наступающемъ своемъ высокомъ служеніи, св. апостолъ отправился на проповѣдь слова Божія. Онъ направилъ благовѣстническій свой путь къ сѣверу отъ Палестины, къ приморскимъ областямъ Чернаго моря, и чрезъ приморскій городъ Трапезундъ достигъ Иверіи, западной ея страны [9]).

Въ 8—9 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Ацхура, по Ахалцыхскому почтовому тракту видна маленькая деревня, расположенная на небольшой плоской возвышенности, и среди нея—маленькая церковь. Деревня эта въ настоящее время носитъ названіе «*Саконети*» (вѣчность).

Преданіе, гласитъ, что, по прибытіи своемъ сюда, св. апостолъ Андрей Первозванный остановился здѣсь и проводилъ дни и ночи сначала въ тайнѣ, обозрѣвая отсюда окрестныя мѣста и изучая нравы и обычаи жителей. Передъ нимъ стояла принесенная имъ же самимъ икона Богоматери. Отъ иконы исходилъ дивный лучезарный свѣтъ, озарявшій собою всю мѣстность и видимый даже издалека. Мѣстные жители—язычники долго смотрѣли на этотъ необыкновенный свѣтъ и удивлялись. Пришли, наконецъ, нѣкоторые изъ города Ацхура и ближайшихъ деревень и спрашивали о причинѣ этого необычнаго явленія. Саконетскіе жители сказали, что въ ихъ владѣніяхъ живетъ какой-то необыкновенный чужестранецъ и оттуда исходитъ этотъ дивный свѣтъ, сущность котораго они объяснить себѣ не могутъ. Всѣ пошли къ тому мѣсту, гдѣ

находился св. апостолъ Андрей, передъ которымъ стояла икона Пресвятой Богородицы, и вотъ между пришедшими и св. апостоломъ начинается слѣдующая бесѣда.

Язычники: «Кто ты и откуда?»

Св. Андрей «Я рабъ Бога Всевышняго, Который сотворилъ небо и землю и все, что въ нихъ. Онъ послалъ въ міръ сына Своего Единороднаго, Господа нашего Іисуса Христа, родившагося въ Виѳлеемѣ отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, Богочеловѣкъ училъ всѣхъ въ землѣ іудейской путямъ царствія Божія и вѣчнаго блаженства, но іудеи не поняли Его и распяли недавно въ Іерусалимѣ, какъ преступника и нарушителя ихъ отечественнаго закона; но въ третій день Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, въ сороковой вознесся на небо, въ пятидесятый ниспослалъ Св. Духа на своихъ апостоловъ и учениковъ, которые, по Его заповѣди, разошлись въ разныя страны возвѣщать всѣмъ людямъ Его ученіе, дабы всѣ увѣровали въ Бога и раскаялись. Я же—ученикъ Его—пришелъ къ вамъ, чтобы обратить васъ отъ суетнаго и пагубнаго идолопоклонства къ Богу живому и истинному».

Язычники: «Значитъ, ты—еврей?»

Св. Андрей «Я—еврей, и до сихъ поръ жилъ по закону еврейскому».

Язычники: «Такіе люди, какъ ты, живутъ и у насъ, въ нашемъ городѣ Ацхурѣ; много ихъ и во Мцхетѣ, гдѣ цари царствуютъ и боги чтутся; но они богамъ нашимъ не поклоняются и насъ чуждаются, хотя и разсказываютъ о своемъ Богѣ много удивительнаго; они ведутъ у насъ торговлю, доставляютъ намъ кое-какіе товары, потому и терпимъ ихъ. А это что за доска у тебя съ человѣческимъ изображеніемъ?».

Св. Андрей: «Это—изображеніе Пречистой Матери Христа Бога нашего».

Язычники: «Для чего носишь его съ собою и какую силу имѣетъ это изображеніе?».

Св. Андрей: «Оно имѣетъ для вѣрующихъ въ Бога такую-же силу, какъ истинная Мать истиннаго Бога,—можетъ все сдѣлать».

Язычники Можетъ-ли воскресить мертваго?»

Св. Андрей. «Живя на землѣ, Іисусъ Христосъ воскрешалъ умершихъ, кого хотѣлъ; по просьбѣ Матери, и теперь можетъ сдѣлать все».

Язычники. «Вотъ въ городѣ Ацхурѣ у нашего начальника умеръ единственный сынъ, и онъ безутѣшно плачетъ о немъ и сокрушается. Если ты воскресишь его, то сдѣлаешь великое дѣло, обрадуешь горестныхъ родителей и докажешь истинность своихъ словъ».

На этомъ бесѣда закончилась, и св. апостолъ Андрей Первозванный, нимало не сомнѣваясь въ успѣхѣ своего дѣла, отправился, сопровождаемый своими спутниками и собесѣдниками, въ домъ ацхурскаго начальника, гдѣ лежалъ умершій отрокъ, взявъ съ собою и чудотворную икону Богоматери. Приложивъ къ тѣлу умершаго св. образъ и призвавъ имя Господа Іисуса, онъ воскресилъ его. Трепетный ужасъ объялъ всѣхъ присутствующихъ свидѣтелей перваго совершеннаго св. Андреемъ чуда въ землѣ грузинской. Оно произвело впослѣдствіи, когда слухъ о немъ распространился въ окрестностяхъ города, весьма сильное впечатлѣніе какъ на іудеевъ, такъ и на язычниковъ-иверійцевъ, жившихъ въ Ацхурѣ и окружающихъ его селеніяхъ, и всѣми прославлялось повсюду имя Господа Іисуса Христа

Здѣсь прекращается лѣтописный разсказъ, заимствованный изъ древнѣйшаго преданія, о пребываніи св. апостола Андрея Первозваннаго въ языческой Иверіи. [10]). Вѣроятно, дальше, т. е. въ самую глубь страны, онъ и не входилъ она была предназначена для просвѣщенія христіанствомъ впослѣдствіи чрезъ Св. Нину.

Изъ Ацхура св. Андрей Первозванный отправился въ сѣверо-западныя страны Чернаго моря, минуя восточныя, куда онъ не былъ, вѣроятно, допущенъ Духомъ Святымъ (ср. Дѣян. XVI, 67); былъ въ Мингреліи, Абхазіи и даже въ горной малодоступной Сванетіи, и проповѣдь его о Христѣ нигдѣ не была безъ успѣха, хотя, къ сожалѣнію, достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ и не имѣется.

Сохранилось только преданіе о томъ, что въ Мингреліи св апостолъ былъ принятъ очень дурно—у него украли здѣсь верхнюю одежду, и онъ предсказалъ, что этотъ порокъ у мингрельцевъ никогда не искоренится. Здѣсь св. Андрею Первозванному довольно долгое время пришлось бороться съ суевѣріемъ грубаго народа, который однажды, во время проповѣди апостола, чуть было не убилъ его, причемъ одинъ мингрелецъ, схвативъ святого за руку, откусилъ у него палецъ, и за это мингрельцевъ даже до нашихъ дней называютъ въ насмѣшку суевѣрными пальцеѣдами

Вытерпѣвъ всевозможныя оскорбленія и испытанія отъ наиболѣе ревностныхъ язычниковъ, св. Андрей Первозванный обратилъ наибольшую часть населенія Картли въ христіанство, рукоположилъ священниковъ, установилъ богослуженіе и правила вѣры и соорудилъ великолѣпный храмъ во имя Пресвятой Богородицы. Затѣмъ онъ удалился въ Іерусалимъ. Но царь Адеркъ узнавъ, что картвелы отступили отъ вѣры отцовъ, отправилъ въ Картли своихъ эристововъ, которые силою заставили народъ возвратиться къ прежней религіи. [11])

Но отъ этого память о св. апостолѣ Андреѣ Первозванномъ не умерла среди грузинъ, но продолжаетъ жить и теперь, особенно она дорога для жителей Ацхура, слѣды пребыванія въ которомъ св. апостола и до сихъ поръ еще не искоренились. Здѣсь былъ воздвинутъ впослѣдствіи громадный соборъ, гдѣ свято хранилась принесенная св. Андреемъ икона Богоматери. По разрушеніи турками собора въ XVI в., она была перенесена въ Гелатскій монастырь, въ Имеретію, гдѣ и показывается посѣтителямъ, какъ рѣдкая драгоцѣнная святыня глубочайшей древности.

Ацхурскій соборъ служилъ каѳедрою митрополита, который занималъ 3-е мѣсто между іерархами грузинской церкви. Въ алтарной части собора хорошо сохранились мозаическія и стѣнныя изображенія Спасителя, Божіей Матери, пророковъ, апостоловъ и святителей, а въ про-

чихъ частяхъ они пострадали отъ вліянія погоды и отъ меча враговъ христіанства. у многихъ священныхъ изображеній выколоты глаза остроконечнымъ мечемъ (кинжаломъ) и изуродованы лица. Грустно до боли смотрѣть на такіе памятники когда-то цвѣтущаго здѣсь христіанства. Не безъ грусти смотрятъ на это и ацхурскіе жители, коихъ предки, быть можетъ, видѣли и слышали св. апостола Андрея, но они сами, въ силу несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, исповѣдуютъ теперь исламъ.

Нѣчто загадочное и знаменательное въ религіозномъ и историческомъ отношеніяхъ наблюдается и донынѣ въ деревнѣ Саконети. Здѣсь существуетъ небольшая церковь во имя св. великомученика Георгія въ обновленномъ видѣ, въ которой богослуженіе совершалось, что—къ слову сказать—не рѣдкость въ современной Грузіи, однажды въ годъ, да и теперь, вѣроятно, совершается очень рѣдко. Причина этого заключается въ слѣдующемъ. Около той церкви, хотя и она была прежде въ развалинахъ, съ незапамятныхъ временъ показывается каждую ночь, преимущественно наканунѣ праздниковъ, таинственный свѣтъ, въ родѣ свѣта отъ большого костра или фонаря. Иногда онъ мѣняетъ видъ и мѣсто, свѣтитъ, то очень ярко, то слабо, то надъ церковью и около церкви, то выше—на горѣ или въ воздухѣ; но въ самой деревнѣ и около церкви никто не видитъ этого свѣта· онъ особенно хорошо виденъ изъ Ацхура. Подобнаго рода явленіе наблюдается и надъ развалинами другихъ древнихъ храмовъ. [12]).

Естественнымъ образомъ объяснить его невозможно, но въ немъ скрывается какой-то таинственно-пророческій смыслъ. Не есть ли это указаніе на то, что наступитъ когда либо время, благопріятное для христіанской миссіи, и насильственно-отторгнутые исламомъ отъ православной церкви снова будутъ возвращены въ нее, и снова возсіяетъ здѣсь тотъ свѣтъ, какой предкамъ ихъ возсіялъ чрезъ св. Андрея Первозваннаго?

Изъ другихъ проповѣдниковъ христіанства въ Грузіи извѣстны святые апостолы: *Симонъ Кананитъ, Матѳій и Варѳоломей* со своими учениками.

Первый изъ нихъ проповѣдывалъ Христа въ Абхазіи, въ горахъ которой, по словамъ историка Платона Іосселіани, въ настоящее время показываютъ могилу этого апостола, служащую предметомъ особеннаго религіознаго почитанія для самыхъ дикихъ обитателей кавказскихъ горъ. Мужественный проповѣдникъ былъ преданъ мучительной смерти въ гоненіе, воздвигнутое грузинскимъ царемъ Адеркомъ (отъ 2 г. до Р. Х.—55 г. по Р. Х.) въ 55 году христіанской эры, недалеко отъ города Сухума, древняго Цхума или Севастополиса (Никопсіи), по берегу Чернаго моря.

Тамъ среди развалинъ древняго города, на лѣвомъ берегу р. Псыртсхи, сохранилась довольно большая церковь изъ тесанныхъ камней, во имя св. апостола Симона Кананита, вновь реставрированная въ недавнее время трудами ново-аѳонскихъ иноковъ на щедрыя пожертвованія православныхъ русскихъ людей. Она и теперь привлекаетъ къ себѣ для благоговѣйнаго поклоненія не только горскихъ христіанъ, но даже и язычниковъ. На юго-западъ отъ этой церкви красуется развѣсистое орѣховое дерево, фонтанъ, увѣнчанный каменнымъ крестомъ, изъ вѣтвей котораго струится вода; цвѣтникъ изъ душистыхъ кустарниковъ и цвѣтовъ; позади, на сѣверъ, хата малороссійскаго типа для старца—хранителя церкви и его помощника, окруженная огородомъ, за нимъ растутъ кипарисы, плодовыя и лѣсныя деревья. Вообще древняя возобновленная церковь св. апостола Симона Кананита въ настоящее время приняла вполнѣ благолѣпный видъ, все въ ней просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественно, особенно рѣзной дубовый иконостасъ съ самой незначительной позолотой вокругъ прекрасныхъ иконъ. Уединенность этого уголка, грандіозныя скалы, покрытыя лѣсомъ и образующія такъ называемое Трахейское ущелье, шумъ водопада, и среди уединенія тишины высящійся одиноко св. храмъ,—все это навѣваетъ миръ и благоговѣніе на душу посѣтителей. Сидя подъ тѣнистымъ орѣхомъ, вслушиваясь въ рокотъ водопада, вглядываясь въ свѣтлыя струи

рѣчки—«*эти потоки, веселящіе жилище Всевышняго* (Псал. 45, 5), невольно возвышаешься мыслію, прославляешь сотворившаго все такъ премудро, и изъ устъ вырывается восторженная хвала Творцу «*Дивны дѣла Твоя, Господи вся премудростію сотворилъ еси*»!

Слѣдовало бы обратить на эту церковь серьезное вниманіе мѣстной власти. Вѣроятно, по тщательному розыску, подъ большимъ алтаремъ упомянутаго храма возможно было бы отыскать св. останки апостола Симона Кананита, такъ какъ, согласно обычаямъ древней церкви, гробы апостоловъ и мучениковъ служили въ тоже время и алтарями для совершенія безкровной жертвы [13]).

Сотрудникъ св. апостола Симона Кананита, апостолъ *Матѳій*, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима и отцовъ грузинской церкви, проповѣдывалъ ученіе Христа во второй Эѳіопіи, подъ которою въ древности разумѣли древнюю Колхиду или нынѣшнюю юго-восточную часть Имеретіи. По свидѣтельству Плинія, древняя Колхида съ другими областями грузинскаго царства была покорена между 1565 и 1469 г.г. до Рождества Христова египетскимъ фараономъ Сезострисомъ или Рамзесомъ. Плодороднѣйшія долины этихъ мѣстностей были заселены выходцами изъ Египта, вслѣдствіе чего и вся страна, заселенная ими получила названіе у современниковъ и позднѣйшихъ писателей «*второй Эѳіопіи*». Здѣсь св. апостолъ проповѣдывалъ недолго и былъ замученъ язычниками, отдавъ свою жизнь за великое дѣло христіанскаго просвѣщенія грузинской страны [14]).

Соучастникъ въ проповѣди и страданіи св. апостола Матѳія, св. апостолъ *Варѳоломей*, по словамъ историка Софронія, проповѣдывалъ вѣру Христову въ Албаніи (нынѣ Дагестанъ), и мученически окончилъ жизнь свою въ г. Альбанополѣ (нынѣ Баку) въ 71 году по Рожд. Хр., будучи распятъ, по однимъ сказаніямъ, на крестѣ, а по другимъ, съ него съ живого была содрана кожа, послѣ чего онъ былъ обезглавленъ [15]).

Подробныхъ же свѣдѣній, кромѣ вышеприведенныхъ, объ апостольской дѣятельности св. Варѳоломея на Кавказѣ въ исторіи совершенно не сохранилось.

Христіанскую проповѣдь въ этой странѣ продолжалъ ученикъ его, св. *Елисей* съ тремя подвижниками своими изъ албанцевъ, съ которыми онъ и прибылъ въ провинцію Уды. Упомянутые ученики его, именъ которыхъ исторія не называетъ намъ, вскорѣ подверглись казни отъ своихъ родственниковъ за распространеніе ими новаго ученія на родномъ ихъ языкѣ. А блаженный Елисей отправился въ албанскій городъ Китъ, гдѣ послѣ долгой проповѣди Слова Божія многіе увѣровали во Христа. Для новообращенныхъ онъ устроилъ церковь и поставилъ іереевъ, самъ же ушелъ въ пустое ущелье Аргунъ и на горѣ у подошвы Кавказа, близъ нынѣшняго селенія Бушъ, впослѣдствіи былъ побитъ камнями жителями этой мѣстности и брошенъ въ яму. Спустя долгое время, нетлѣнное тѣло св. Елисея было найдено въ заброшенной и заваленной камнями ямѣ, отвезено и предано землѣ на мѣстѣ нынѣшняго армянскаго монастыря Червапштыкъ. Надъ ямой впослѣдствіи албанскій царь—христіанинъ поставилъ столбъ въ память страданія св. Елисея, апостола его страны. Въ настоящее время столба нѣтъ, а яма служитъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія жителями той мѣстности, какъ христіанъ, такъ и не-христіанъ. Ученики же св. Елисея погребены, какъ указываютъ, въ Удинскомъ селеніи Ниджъ, недалеко отъ развалинъ древней столицы Албаніи Кабалы, гдѣ надъ могилою ихъ построена церковь. На мѣстѣ же древняго города Китъ находится нынѣ небогатое селеніе въ 2-хъ верстахъ отъ города Нухи съ древнѣйшею христіанскою церковью [16]).

Не смотря на гоненіе, воздвигнутое въ 55 году Адеркомъ, проповѣдь святыхъ апостоловъ все-таки сдѣлала то, что язычество не имѣло уже прежней силы среди обитателей Кавказа, которые чрезъ это обстоятельство въ значительной степени были подготовлены къ принятію высокихъ истинъ христіанской религіи [17]).

Этимъ краткимъ изложеніемъ кончаемъ свое описаніе о проповѣди святыхъ апостоловъ въ Грузіи, не принимая на себя обязанности доказывать несомнѣнную подлинность всѣхъ этихъ преданій во всѣхъ подробностяхъ. Но мы, однако, думаемъ, что эти преданія имѣютъ такое же право быть выслушанными и принятыми въ соображеніе при послѣдующей разработкѣ грузинской церковной исторіи, какъ и преданія другихъ существующихъ въ настоящее время христіанскихъ церквей, и что фактъ непосредственнаго апостольскаго основанія грузинской церкви можетъ быть доказанъ на основаніи этихъ преданій съ такою же степенью вѣроятности, съ какою онъ доказывается и относительно другихъ церквей, построяющихъ свой фундаментъ на историческомъ существованіи подобныхъ же фактовъ.

ГЛАВА II.

Св. равноапостальная Нина, какъ проповѣдница христіанства и просвѣтительница Грузіи. Прибытіе изъ Греціи и Арменіи пастырей церкви. Св. царь Миріанъ. Начало зависимости грузинской церкви отъ греческой.

Христіанство окончательно водворилось и объявлено въ Иверіи господствующею религіею во времена блаженной Нины, просвѣтительницы Грузіи, въ IV вѣкѣ. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ оно сохранилось въ неповрежденной своей чистотѣ и цѣлости, не смотря на то, что враги Креста Христова пытались не разъ уничтожить его.

Св. равноапостольная Нина родилась въ концѣ III вѣка. Она была дочь римскаго полководца Завулона, же-

натаго на Сусаннѣ, сестрѣ іерусалимскаго епископа Ювеналія. Просвѣтительница Грузіи приходилась двоюродной сестрой св. великомученику Георгію, котораго она какъ бы сроднила съ этой страной, поручивши его покровительству новое свое отечество. И св Георгій какъ бы сообщилъ и воинскія доблести, и мученическія свойства цѣлому народу, который, по имени своего покровителя, и сталъ, быть можетъ, называться грузинами. По мѣсту своего рожденія Св. Нина происходила изъ каппадокійскаго города Коластры. Когда св. Нинѣ было 12 лѣтъ, родители ея продали все свое имущество; Завулонъ сдѣлался пустынникомъ, а Сусанна, по назначенію своего брата—епископа, должна была въ качествѣ діакониссы, прислуживать бѣднымъ, оставивъ свою дочь на воспитаніе у одной армянки изъ Двина. Юная дѣва въ этомъ раннемъ возрастѣ любила внимать разсказамъ своей воспитательницы о дальней Иверіи, куда унесенъ былъ хитонъ Господень, и мысль сдѣлаться просвѣтительницей этой страны и отыскать святую одежду всецѣло овладѣла ею. День и ночь пламенно молилась Нина Пресвятой Дѣвѣ, прося Ея помощи.

Богоматерь явилась ей въ сонномъ видѣніи, вручила крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ, и сказала: *„иди въ Иверскую страну и благовѣствуй Евангеліе, Я буду тебѣ Покровительницей“* Проснувшись и увидавъ въ своихъ рукахъ чудный крестъ, св. Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами.

Когда св. Нина подросла, изъ Ефеса прибыла прислужница царицы Елены и сообщила будущей просвѣтительницѣ Иверіи, что царица сама жаждетъ вѣры Христовой. Св. дѣва, получивъ благословеніе на предстоящій свой великій подвигъ отъ дяди—епископа, отправляется съ прислужницей Елены въ Римъ, чтобы проповѣдывать царицѣ христіанство. По прибытіи въ этотъ городъ, св. Нина, по рекомендаціи своей спутницы, поселилась въ домѣ царевны Рипсиміи и ея наставницы Гаіаны, съ которыми жили здѣсь 53 дѣвственницы, давшія обѣтъ не-

премѣнно креститься въ Іерусалимѣ. Воодушевленное слово юной проповѣдницы Христа скоро заставило ихъ измѣнить своему обѣту и немедленно принять св. крещеніе. Царица Елена, хотя сдѣлала это и тайно, послѣдовала ихъ примѣру.

Скоро св. Нинѣ представился удобный случай прибыть въ Грузію. Жестокій соправитель Деоклетіана (284—305 г.), Максиміанъ, пожелалъ жениться на прекрасной Рипсиміи, которая, по совѣту Гаіаны, немедленно, вмѣстѣ съ прочими подругами, оставила Римъ и устремилась бѣгствомъ къ предѣламъ армянскаго царства чрезъ городъ Ефесъ. Императоръ же воздвигъ жестокое гоненіе на всѣхъ христіанъ. Святыя дѣвы, въ числѣ которыхъ была и св. Нина, изъ Ефеса тайкомъ добрались до столицы армянскаго царства Двинъ, и поселились за городомъ, питаясь трудами рукъ своихъ Вскорѣ спутницы св. Нины были преданы жестокимъ мученіямъ, въ которыхъ и окончили свою много-страдальную жизнь, а будущая просвѣтительница Иверіи, получивъ указаніе свыше, отправилась на сѣверъ, къ предѣламъ грузинскаго царства. Достигнувъ юго-западныхъ его провинцій, она, утомленная отъ продолжительнаго путешествія, испытывая страхъ, голодъ и холодъ, босая, въ рубищахъ, съ крестомъ въ рукахъ, остановилась у озера Паравань, въ виду снѣжныхъ высотъ Джавахетскихъ горъ. Доблестная дѣва, увидѣвъ впервые снѣжныя высоты дикаго Кавказа поражена была новымъ для нея зрѣлищемъ величественной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрюмой природы. Оплакивая свое скитальчество, она подложила большой камень подъ голову и заснула на берегу упомянутаго озера. Во снѣ явился св. Нинѣ Господь Іисусъ Христосъ и вручилъ ей запечатанную хартію съ нижеслѣдующими изреченіями.

1) «Гдѣ будетъ проповѣдано евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ, тамъ будетъ сказано и о женѣ сей (Мѳ. XXVI, 12)».
2) «Нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго, ибо всѣ вы едино о Христѣ Іисусѣ (ср. Гал. III, 28)».

3) «Идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа (Мѳ. XXVIII, 10)».
4) «Свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Твоихъ Израиля (Лук. II, 32)».
5) «Идите по всему міру и проповѣдуйте евангеліе всей твари (Мрк. XVI, 15)».
6) «Принимающій васъ, принимаетъ Меня, а принимающій Меня, принимаетъ Пославшаго Меня (Мѳ. X, 40)».
7) «Ибо Марія была такъ возлюблена Богомъ, что Онъ всегда внималъ истиннымъ словамъ Ея».
8) «Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити (Мѳ. X, 28)».
9) «Іисусъ говоритъ Маріи Магдалинѣ· иди къ братіи Моей и скажи имъ—проповѣдуйте всегда во имя Отца, и Сына и Святого Духа».

Подкрѣпленная такимъ образомъ и ободренная на предшествующій ей трудный путь, св. Нина, не смотря на всѣ препятствія среди окружающей ее дикой и угрюмой природы Кавказа, безъ страха вступила наконецъ, въ грузинское царство, неся съ собою источникъ жизни—св. крестъ и данныя ей Господомъ девять заповѣдей. Водрузивъ крестъ на горахъ Джавахетскихъ, она проповѣдуетъ евангеліе въ городахъ Ахалцалакахъ и Урбниси, а затѣмъ при основателѣ династіи Сассанидовъ, царѣ Миріанѣ (+342 г.), современникѣ Константина Великаго, является на истокахъ невѣдомой ей рѣки Куры, слѣдуя по теченію которой, достигаетъ Мцхета въ день празднованія народомъ Армазу. На высокой горѣ стоялъ исполинскій кумиръ, горѣвшій золотомъ; по сторонамъ его два другіе, поражавшіе огнемъ, какъ говоритъ преданіе, всякаго дерзавшаго подступать къ нимъ безъ воли жрецовъ. Гремѣли трубы, курился ѳиміамъ, текла кровь жертвъ; царь Миріамъ со всѣмъ народомъ распростирался ницъ передъ идолами, и только одна чуждая, никому невѣдомая дѣва, не преклонила колѣна. Внезапно, среди яснаго дня, разразилась страшная буря съ молніями и громомъ; капище ру-

шилось, и среди развалинъ его лежали остатки разбитыхъ, поверженныхъ кумировъ. Въ ужасѣ бѣжалъ народъ, и на развалинахъ осталась одна св. Нина, спокойно смотрѣвшая на возникшую и утихшую около нея бурю стихій. Это было 6 августа, и день Преображенія Господня сталъ для Иверіи днемъ, смѣнившимъ тьму язычества на свѣтъ христіанской истины.

Съ этого дня начинается рядъ подвиговъ и чудесъ св. равноапостольной Нины, память о которыхъ сохранилась въ мѣстныхъ преданіяхъ, записанныхъ и царемъ-лѣтописцемъ.

Въ царскомъ саду, у таинственнаго кедра, укрывшаго хитонъ Господень, часто молилась св. Нина, и тамъ посѣщали ее дивныя пророческія видѣнія. Однажды стая черныхъ птицъ, омывшись въ водахъ Арагвы и ставши бѣлыми, какъ снѣгъ, сѣла на вѣтвяхъ кедра и огласила весь садъ райскими пѣснями,—это былъ символъ крещенія народа иверійскаго. Въ другой разъ она видѣла страшное паденіе окрестныхъ горъ Армаза и Задена съ ихъ идолами, слышала звуки битвъ и вопли бѣсовскихъ полчищъ въ образѣ персидскихъ воиновъ, какъ бы вторгавшихся въ столицу Грузіи, и страшный голосъ царя ихъ, повелѣвавшаго все истреблять. Пораженная видѣніемъ, св. Нина подняла знаменіе креста и тихо сказала: «*кончилось владычество ваше, ибо вотъ Побѣдитель*»,—и все исчезло.

Но свѣтъ христіанства не сразу побѣдилъ тьму, обнимавшую языческую Иверію: Божественному Провидѣнію чрезъ св. Нину угодно было путемъ поразительныхъ и чудныхъ явленій убѣдить царя и его приближенныхъ въ истинности евангельскаго благовѣствованія. Св. Нина исцѣлила силою Божіею жену царя Миріана, лежавшую уже на смертномъ одрѣ, и одного изъ родственниковъ персидскаго царя, заболѣвшаго въ домѣ Миріана; оба они изъ первыхъ просвѣтились св. крещеніемъ. Тогда же крестился и главный раввинъ грузинскихъ евреевъ Авіаѳаръ, близкій потомокъ вышеупомянутаго достойнаго Эліоза, вмѣстѣ съ своею дочерью Сидоніею. Какъ тотъ, такъ и

другая немало помогали св. равноапостольной Нинѣ въ распространеніи христіанства среди мцхетскихъ евреевъ.

Самъ царь еще колебался. Но вотъ 20 іюня 318 года когда онъ со своими приближенными охотился въ лѣсахъ, расположенныхъ на горѣ Тохатъ или Тхоти, гдѣ теперь стоитъ селеніе Каспи, вдругъ налетѣла страшная буря, которая разметала всю царскую свиту, и Мріанъ, поверженный на землю съ конемъ, ослѣпъ. Понятно, онъ призывалъ своихъ боговъ, но видя, что они не приходятъ къ нему на помощь, пораженный ужасомъ воскликнулъ: *«если Богъ Нины—Богъ истинный, Онъ спасетъ меня, и я съ моимъ народомъ поклонюсь Ему»*. Буря стихла разомъ, и царь прозрѣлъ. Тогда онъ приказалъ сыскать дерево одинаковаго съ нимъ роста, срубилъ изъ него крестъ и, въ предшествіи его, съ торжествомъ возвратился въ столичный городъ Мцхетъ, и тамъ этотъ крестъ водруженъ былъ на высокой горѣ, гдѣ впослѣдствіи возникъ монастырь, и теперь еще плѣняющій взоръ путешественника своими поэтическими развалинами [18]а).

Вся царская семья и народъ, узнавъ о чудесномъ событіи, вышли царю навстрѣчу. «*Славьте Бога Нины, Бога вѣчнаго*»—говорилъ онъ народу, и, не заѣзжая во дворецъ, посѣтилъ хижину Нины, палъ на колѣни передъ животворящимъ ея крестомъ и исповѣдовалъ Христа

Св. Нина оглашаетъ всѣхъ христіанскимъ ученіемъ, и весь городъ невольно покоряется воодушевленному голосу дивной наставницы и волѣ своего царя, главнаго представителя ихъ язычества. Народъ въ огромныхъ массахъ слушалъ проповѣдницу Христову и принималъ отъ нея благодатныя исцѣленія. Желаніе царя не ограничивается одной только вѣрой въ проповѣданное ему великое ученіе, онъ хочетъ, по данному имъ обѣту, построить домъ Богу, живущему въ нерукотворенномъ храмѣ, и испрашиваетъ по этому поводу совѣта у своей наставницы. Она одобряетъ намѣреніе его, и царь немедленно посылаетъ письмо къ императрицѣ Еленѣ и къ ея сыну, императору

Константину Великому (306—337 г.), съ извѣстіемъ о всемъ случившемся, испрашивая у него пастырей церкви.

До прибытія епископа изъ Греціи, царь Міріанъ, съ согласія св. Нины, по обѣщанію своему, началъ постройку временнаго деревяннаго храма, который впослѣдствіи сдѣлался основаніемъ для грузинскихъ церквей [18б].

Мѣстомъ для постройки былъ избранъ садъ, расположенный при сліяніи рѣкъ Куры и Арагвы, въ которомъ росъ 300-лѣтній величественный, чудный и густотѣнистый кедръ, удивляющій всѣхъ своею необыкновенною красотою. Таинственный этотъ кедръ подъ корнями своими скрывалъ неоцѣненное сокровище грузинской церкви—св. хитонъ Господень, какъ это удостовѣряли св. Нинѣ разныя видѣнія и разсказы раввина Авіаѳара о судьбѣ св. одежды Спасителя. Несмотря на всѣ старанія найти его, просвѣтительница Иверіи не могла достичь желаемой цѣли, но за-то кедръ этотъ послужилъ источникомъ новыхъ чудесъ и исцѣленій. Предположено было срубить его и изъ большихъ вѣтвей составить нѣсколько колоннъ для новаго созидаемаго деревяннаго храма, а самый стволъ назначался для подпорки потолка. Срубили огромныя вѣтви. изъ которыхъ сдѣлали, какъ было предположено, шесть столбовъ для боковыхъ сторонъ храма, но главнаго ствола не могли срубить съ корня и, по свидѣтельству св. Нины, никакая человѣческая сила не въ состояніи была сдвинуть его съ мѣста.

Фактъ этотъ поставилъ св. Нину въ самое затруднительное положеніе,—она не знала, что ей предпринять; народъ оставилъ работу и, вмѣстѣ съ царемъ, разошелся по своимъ домамъ. Тогда св. просвѣтительница Иверіи съ семью преданными своими ученицами, въ числѣ которыхъ была и Сидонія, дочь бывшаго раввина Авіаѳара [19а] осталась при этомъ кедрѣ и всю ночь провела въ молитвѣ къ Богу и горячихъ слезахъ, прося Его помощи въ начатомъ ею дѣлѣ. Ночныя видѣнія испугали ея учениць, и онѣ подъ вліяніемъ страха готовы были уже оставить свою дорогую наставницу, но св. Нина въ немногихъ словахъ ус-

покоила боязливыхъ и уговорила ихъ не покидать ее, а сама до ранняго утра продолжала молиться.

На зарѣ кедровый столбъ осѣнился свѣтлымъ облакомъ, и явившійся съ неба ангелъ, приблизившись къ св. Нинѣ, прошепталъ ей на ухо три таинственныхъ слова, подошелъ затѣмъ къ кедру, охватилъ его рукою и поднялъ на воздухъ. Тогда, по выраженію лѣтописи, глазамъ присутствующихъ праведницъ открылось зрѣлище, невыразимое никакими человѣческими словами: таинственный столбъ окружило радужное сіяніе, освѣтившее собою всю, близъ лежащую, мѣстность, и онъ сталъ то опускаться, то подниматься надъ своимъ пнемъ. Казалось, что небо соединилось съ землею, и все пространство надъ столицею озарилось чуднымъ свѣтомъ; ангелы въ безчисленномъ множествѣ, какъ это было въ видѣніи библейскаго патріарха Іакова, то восходили на небо, то нисходили на св. столбъ, въ верху надъ которымъ въ необыкновенно-ярком ь и ослѣпительномъ сіяніи видѣнъ былъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Нижній же пень чуднаго кедра нѣсколькими ручьями испускалъ изъ себя самого благовонное мyро. Царь Міріанъ и всѣ жители Мцхета, придя сюда, были свидѣтелями этого знаменательнаго для грузинской земли чуднаго явленія. Всякаго рода больные стали приноситься къ св. столбу, и здѣсь чрезъ возложеніе рукъ св. Нины и помазаніе св. мyромъ они получали мгновенное исцѣленіе. Нѣсколько дней изумленный народъ не отступалъ отъ св. столба: давка и тѣснота вокругъ него были невыразимы. Чтобы сохранить столь дорогое сокровище, царь Міріанъ приказалъ устроить вокругъ него временную деревянную ограду, а затѣмъ, не теряя напрасно времени, приступить къ сооруженію самаго храма. Вскорѣ послѣдній былъ совершенно готовъ, величественно возвышаясь надъ тѣмъ священнымъ для христіанскаго міра вообще, а для грузинъ въ особенности, мѣстомъ, гдѣ былъ сокрытъ еще въ I вѣкѣ св. хитонъ Спасителя.

По окончаніи постройки храма Свэти-Цховели, въ Грузію, по волѣ византійскаго императора Константина

Великаго, согласно просьбѣ царя Миріана, прибылъ епископъ Іоаннъ съ нѣкоторыми священниками и діаконами, посланный сюда патріархомъ Евстафіемъ изъ Антіохіи Нельзя сомнѣваться, что и изъ сосѣдней Арменіи прибыли тогда же въ Грузію нѣкоторые пастыри и проповѣдники св. христіанской вѣры.

Наступилъ, наконецъ, торжественный знаменательный моментъ въ исторической жизни народа грузинскаго—его крещеніе водою и духомъ. Св. Нина осѣнила крестнымъ знаменіемъ быстро текущія волны двухъ сестеръ—Куры и Арагвы, и въ нихъ крестился царь и народъ иверійскій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ упорныхъ евреевъ, твердо стоявшихъ за свой ветхій законъ. Не принялъ св. крещенія также и зять царя Миріана Ферозъ, владѣвшій мѣстностями Грузіи отъ Рани до Бардовани (нынѣ Сигнахскій уѣздъ со степями Ширакскою и Ганджинскою). Это происходило въ *326*-мъ году по Рождествѣ Христовомъ.

По крещеніи жителей города Мцхета, царь Миріанъ пожелалъ для окончательнаго обращенія въ христіанство всѣхъ безъ исключенія своихъ подданныхъ имѣть для этого дѣла наибольшее число священниковъ, а также и опытныхъ въ своемъ искусствѣ строителей каменныхъ храмовъ, и съ этою цѣлію отправляетъ вторичное посольство къ императору Константину, во главѣ котораго находился самъ епископъ Іоаннъ. Исполнивъ свою миссію, посольство возвратилось обратно въ Грузію, принеся сюда подножіе [20]) св. креста, гвоздь [21]) Спасителя, весьма много церковной утвари, свв. иконы [22]) и большія денежныя суммы, пожертвованныя самимъ императоромъ Константиномъ, на предметъ постройки въ новопросвѣщенной странѣ свв. храмовъ. Съ посольствомъ этимъ вернулся на родину и наслѣдникъ грузинскаго престола Бакаръ (Вакурій), бывшій до этого времени заложникомъ въ Византіи.

На пути изъ Константинополя въ Грузію епископъ Іоаннъ заложилъ первый храмъ въ селеніи Эрушети [23]), на границѣ Карталинской земли, при чемъ оставилъ здѣсь гвоздь отъ креста Господня. Оттуда съ проповѣдію сло-

ва Божія прибылъ въ Манглисъ, находящійся въ 60 верстахъ къ югу отъ г. Тифлиса. Здѣсь, освятивъ мѣсто, положилъ основаніе другому храму въ честь Животворящаго Креста Господня и оставилъ подножіе св. креста. Царь Миріанъ, узнавъ о томъ, что послы его прежде, чѣмъ явиться въ столицу, занялись постройкою храмовъ и оставили при нихъ дары императора, предназначенные для мцхетской столицы, сильно опечалился, но былъ утѣшенъ св. Нино: *«не печалься, царь,*—говорила святая—*такъ и должно быть этому, такъ какъ черезъ это вѣра Христова болѣе утвердится въ предѣлахъ твоего царства, для столицы же довольно и того, что въ ней находится славный хитонъ Господень»*.

По прибытіи пословъ во Мцхетъ, приступлено сначала къ постройкѣ каменныхъ храмовъ въ различныхъ частяхъ города, а затѣмъ къ крещенію остальныхъ народовъ грузинскаго царства. Прежде всего, по желанію царя и указанію св. Нины, былъ построенъ каменный храмъ на мѣстѣ шалаша св. просвѣтительницы Иверіи, во имя Божіей Матери.

Св. Нинѣ не довелось видѣть окончанія постройки этого знаменитаго храма (нынѣ Самтаврскій монастырь) во Мцхетѣ.

Одновременно съ этими событіями св. Нина, предшествуя съ крестомъ въ рукахъ пастырямъ церкви и уча народъ, заботилась также и о постройкѣ свв. храмовъ на высотахъ горъ, на которыхъ предъ тѣмъ стояли главные идолы Мцхета и всей Грузіи. Сперва, по ея повелѣнію, устроенъ маленькій храмъ и на горѣ Тхоти, а на остальныхъ главныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, священныхъ для языческой Грузіи горахъ, воздвигнуты большіе кресты, освященные небесными знаменіями и окропленные святыми слезами небесной посланницы.

Царь Миріанъ, признательный къ благодѣяніямъ св. Нины, хотѣлъ наградить ее, но виновница спасенія, избѣгая почестей, удаляется въ гору, на противоположный берегъ Арагвы; здѣсь она находитъ маленькую пещеру,

прикрытую древесными вѣтвями, и, поселившись въ ней, источаетъ молитвами и слезами воду изъ камня.

Въ это время вниманіе жителей Мцхета было обращено на слѣдующее дивное явленіе На утесѣ, за Арагвою, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ источникъ «Дзусъ-дзусъцкали», изведенный изъ земли молитвами св. Нины, съ давнихъ временъ росло одно чрезвычайно рѣдкое дерево, помимо замѣчательной красоты, необыкновеннаго размѣра и ароматичности, оно отличалось тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что раненые дикіе звѣри и птицы, съѣдая листья или сѣмена его, исцѣлялись отъ ранъ. Изъ этого дерева, послѣ крещенія царя и народа, рѣшено было, по совѣту епископа Іоанна, въ честь и славу Распятаго на крестѣ, соорудить честные кресты и поставить на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ передъ тѣмъ стояли главные идолы Мцхета и всей Грузіи. По приказанію царя, срубается дерево и цѣликомъ, вмѣстѣ съ вѣтвями и листьями, съ торжествомъ переносится въ городъ, гдѣ кладется у южной стороны дверей храма. Срубленное въ пятницу 25-го марта, оно простояло въ теченіе 37 дней въ свѣжемъ видѣ. Глядя на него, нельзя было считать его срубленнымъ. Величавость дерева, красота и свѣжесть листьевъ въ то время, когда другія деревья стояли оголенными, производили пріятное впечатлѣніе на всякаго. Сдѣланные изъ того дерева 1-го мая кресты, 7-го числа того же мѣсяца были внесены и поставлены въ новой церкви въ присутствіи царя, царскаго семейства и народа И вотъ дивное знаменіе Божіе: вслѣдъ за этимъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, ночью, съ неба спускался свѣтлый крестъ съ вѣнцами изъ звѣздъ и осѣнялъ новосооруженную церковь. Изъ креста на разсвѣтѣ выдѣлялись двѣ звѣзды, изъ которыхъ одна направлялась къ востоку, а другая къ западу, при чемъ главная, болѣе блестящая звѣзда уходила въ сторону рѣки Арагвы и, остановившись немного выше надъ пещерою, гдѣ св. Нина источила изъ камня источникъ, поднималась къ небу. Ни епископъ Іоаннъ, ни народъ не могли понять значенія этого необыкновеннаго яв-

ленія. Св. Нина посовѣтовала царю отправить людей на самыя высокія горы, до Кахетіи на востокѣ и предѣловъ царства Миріана на западѣ, и на вершинахъ, гдѣ остановятся звѣзды, воздвигнуть кресты. Царь такъ и сдѣлалъ. Чудеса и исцѣленія, совершившіяся св. крестами, подали поводъ св. Нинѣ царю и епископу учредить празднованіе воздвиженія крестовъ этихъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Царевичъ, засвидѣтельствовавшій силу св. креста, вслѣдствіе исцѣленія единственнаго его болѣзненнаго сына, выстроилъ часовню вокругъ креста на горѣ, получившей съ тѣхъ поръ названіе Крестовой. Въ виду безчисленныхъ чудесъ отъ св. креста, многіе безъ различія вѣроисповѣданія, даже невѣрные, приходили сюда часто изъ отдаленныхъ мѣстъ и получали исцѣленіе. Въ знакъ благодарности пришельцы часто приносили богатые дары. И въ настоящее время бездѣтныя и потерявшія молоко женщины испрашиваютъ себѣ у честнаго креста мцхетскаго чадородіе и возвращеніе молока.

Слухъ о принятіи народомъ грузинскимъ христіанства быстро распространился и охватилъ почти весь тогдашній христіанскій міръ. Всюду прославляли Нину, ублажая ее, какъ святую подвижницу.

Апостольскимъ трудомъ св. Нины христіанство было утверждено только въ одной части Грузіи—въ Карталиніи. Ей предстоялъ теперь многотрудный подвигъ обращенія къ вѣрѣ Христовой другой части Грузіи—Кахетіи. Съ этою цѣлью св. Нина, въ сопровожденіи вельможи царскаго, священника Іакова и одного діакона, отправляется съ проповѣдью Евангелія въ горныя страны къ сѣверу отъ Мцхета, гдѣ обитали чартальцы, пховельцы, цилканцы и гудамакарцы, которые враждебно отнеслись къ проповѣдываемой имъ новой религіи и отказались принять крещеніе, оставили свою страну и скрылись въ неприступной Тушетіи. Затѣмъ св. Нина со своими спутниками переправляется на лѣвый берегъ Арагвы. Придя въ Жалети, въ мѣстечко Эдемъ, обратила въ христіанство эрцо-тіонетинцевъ.

Отсюда она отправилась въ Кахегію, гдѣ въ присутствіи созванныхъ ею правителей страны проповѣдывала народу евангеліе. Высоко-подвижническая жизнь св. равноапостольной Нины скоро обратила на себя вниманіе окрестныхъ жителей. Каждый день приходили къ ней толпы язычниковъ, чтобы только послушать ея вдохновенную проповѣдь о Христѣ. Кахетинцы легко приняли христіанство, побуждаемые къ этому, съ одной стороны, примѣромъ царя Миріана, а съ другой—слухомъ о тѣхъ безчисленныхъ чудесахъ, которыя совершались въ столичномъ городѣ Мцхетѣ отъ животворящаго столпа. Крещеніе надъ ними совершилъ священникъ Іаковъ, неразлучный спутникъ св. Нины въ ея подвигахъ и трудахъ, впослѣдствіи второй архіепископъ Грузіи. Отсюда св. просвѣтительница Иверіи вступаетъ въ Кхуеты, гдѣ былъ городъ Бодиси (Бодбе), куда, узнавъ о ея прибытіи, является царица кизикинская Суджа (Софія) со своими подданными, тѣлохранителями и слугами. Убѣжденные ея проповѣдью, всѣ они принимаютъ св. крещеніе, причемъ царица Суджа становится ревностною распространительницею христіанства. Наконецъ, проповѣдью св. Нины оглашается и вся долина рѣки Алазани.

Послѣ многолѣтнихъ апостольскихъ трудовъ, сдѣлавъ все, что только возможно было сдѣлать слабымъ женскимъ силамъ, св. Нина избрала послѣднимъ мѣстомъ своего пребыванія на землѣ мѣстечко въ нижней Кизикіи—Бодбе, куда она удалилась отъ суеты міра, построивъ предварительно во многихъ мѣстахъ Грузіи храмы во имя родственника своего св. великомученика Георгія. Мѣстечко это представляетъ собою высокую площадку между горъ, покрытую роскошною зеленью и развѣсистыми чинарами. Чудные виды открываются отсюда на всю долину рѣки Алазани и на сумрачное чело Кавказа, снѣжными уступами восходящаго къ небу. Здѣсь все дышетъ какою-то райской отрадой, навѣвая на душу, измученную суетой міра, неземное спокойствіе. Здѣсь, въ бѣдной кущѣ, она посвятила себя неусыпнымъ молитвамъ, учила и наставляла при-

ходящій къ ней народъ въ правилахъ истиннаго богопознанія и богопочитанія. Наступилъ, наконецъ, тридцать пятый годъ апостольскаго подвига великой просвѣтительницы Иверіи, и она отошла въ лучшій міръ, чтобы найти себѣ вѣчный покой отъ непрестанныхъ земныхъ трудовъ, гдѣ и наслаждается неизреченнымъ блаженствомъ отъ сознанія свято исполненнаго ею долга по отношенію ко второй своей родинѣ—православной Грузіи.

Смерть св. Нины произошла между 338—340 годами по Рождествѣ Христовомъ 14 января. Царь и епископъ желали перенести останки ея въ соборную церковь Мцхета, гдѣ она любила такъ часто молиться надъ хитономъ Господнимъ. Тогда совершилось новое чудо: никакъ немогли сдвинуть изсохшаго тѣла подвижницы съ избраннаго ею мѣста для своего упокоенія. Для Карталиніи ею сдѣлано было много, и она какъ бы хотѣла своимъ присутствіемъ утвердить въ вѣрѣ вновь обращенную Кахетію. Царь Міріанъ соорудилъ здѣсь первую церковь во имя св. Георгія, въ предѣлѣ которой и положилъ мощи святой проповѣдницы. Впослѣдствіи при этой погребальной церкви учредилась митрополія Бодбійская, старшая во всей Кахетіи, и оттуда распространилась евангельская проповѣдь въ горы Кавказа. Знаменитый по древности храмъ—усыпальница святой расположенъ недалеко отъ города Сигнаха, въ 105 верстахъ отъ Тифлиса и въ 3-хъ верстахъ отъ древняго города Буди, нынѣ большого села Бодбе.

Прошли и исчезли со всемірной карты цѣлые народы и царства, зданіе же съ могилою св. Нины незыблемо стоитъ до нашихъ дней со дня своего основанія (въ 340 году).

Не смотря на бури и треволненія, потрясавшія Грузію цѣлыми вѣками, храмъ этотъ свидѣтельствовалъ торжество креста Христова о православіи. Ни одинъ историкъ, ни одинъ лѣтописецъ, ни мемуары древности не могутъ указать намъ, чтобъ когда-нибудь храмъ этотъ подвергался бы опустошенію или разоренію, напротивъ, они

ясно свидѣтельствуютъ намъ, что онъ. подобно ветхозавѣтному кивоту, охраняемъ былъ большимъ густымъ облакомъ въ то время, когда враги креста Христова намѣревались опустошить его, невидимою рукою постигала ихъ кара Божія, т. е слѣпота, и, такимъ образомъ, храмъ св. Нины, какъ кивотъ завѣта грузинской церкви, врученъ былъ нашему времени цѣлымъ и неповрежденнымъ.

Скромно и тихо это послѣднее убѣжище неутомимой проповѣдницы братства, любви и мира. Здѣсь, среди вѣчно молодой зелени, подъ сѣнью возобновленной русскими женской обители, прямо подъ голубымъ небомъ высоко надъ суетою грѣшной земли,—лучшая могила для чистаго сердца, страстно стремившагося къ небу, смѣло стряхнувшаго съ себя ничтожный прахъ низкихъ заботъ земныхъ.

По смерти св. равноапостольной Нины. недолго жилъ и благочестивый царь Миріанъ, такъ много потрудившійся въ дѣлѣ распространенія и утвержденія христіанства въ Иверіи. Онъ умеръ въ 342 году по Рождествѣ Христовомъ, собственноручно вѣнчавъ на царство, съ возложеніемъ креста св. Нины, внука своего Бакара (342—364-й), возвращеннаго Миріану Константиномъ Великимъ. Миріанъ завѣщалъ ему искоренять идолослуженіе и строго блюсти мѣсто погребенія св. Нины, какъ главную святыню всей страны.

За неусыпныя заботы въ дѣлѣ утвержденія и распространенія вѣры въ Иверіи и высоко-святую жизнь церковь причислила Миріана къ лику святыхъ, составивъ ему особый канонъ. Заботами покойной игуменьи Самтаврскаго монастыря Нины, въ которомъ погребены св. останки перваго христіанскаго царя Грузіи, могила его снабжена неугасаемой лампадой и его изображеніемъ. Великія заслуги царя Миріана передъ церковью такъ изображены католикосомъ Грузіи Антоніемъ I. «*другимъ Савломъ явился Миріанъ, избранный святой, сокрушитель кумировъ и водрузитель креста Христова. Онъ первый и начало царей благочестивыхъ, который, предводительствуя картвелами, привелъ ихъ къ Богу и получилъ*

вѣнецъ апостольскій». Богъ явилъ въ немъ великаго свѣтильника и громогласнѣйшаго вѣстника богопочитанія. Царь Миріанъ—единственный изъ грузинскихъ царей, который съ глубочайшимъ благоговѣніемъ чтилъ царя всѣхъ царей—Бога. Онъ одинъ столько прославилъ церковь Христову какъ никто до и послѣ него: ниспровергъ заблужденія язычества и распространилъ вѣру Христову по всѣмъ предѣламъ своего царства. Въ то же время онъ является народнымъ учителемъ благочестія, смиренія, простоты и покорности воли Божіей. Памятниками его набожности и преданности вѣрѣ Христовой служатъ воздвигнутые имъ храмы въ предѣлахъ его царства. Самтаврскій, Мцхетскій патріаршій, Эрушетскій, Манглійскій, Тхотскій, Бодбійскій во имя св. Нины и проч. Страхъ Божій, благочестіе и украшеніе церквей Божіихъ, утвержденіе вѣры и нравственности христіанской, уваженіе къ духовенству, призрѣніе бѣдныхъ и нищихъ являются основными заботами этого царя во все время его славнаго царствованія. Въ этомъ отношеніи св. царь Миріанъ, по своему характеру и дѣятельности въ христіанскій періодъ своей жизни, представляетъ въ исторіи Грузіи особенно знаменательное явленіе, которое черезъ 500 съ небольшимъ лѣтъ повторяется въ Россіи въ лицѣ ея перваго князя—христіанина, св. Владиміра равноапостольнаго.

Со времени Миріана и его приснопамятной наставницы св. Нины, начавшая свое историческое существованіе, грузинская церковь становится въ непосредственную зависимость сначала отъ патріарха Константинопольскаго, а потомъ, спустя немного лѣтъ, присоединяется къ антіохійскому патріархату, можетъ быть, какъ думаетъ покойный историкъ Платонъ Іосселіани, изъ уваженія къ трудамъ патріарха Евстафія, которому принадлежала слава утвержденія грузинской церкви и рукоположенія для нея перваго епископа [26]).

ГЛАВА III.

Распространеніе христіанства при преемникахъ св. Миріана и заботы послѣднихъ о религіозно-нравственномъ развитіи народа. Первыя бѣдствія грузинской церкви, вызванныя борьбою ея съ язычествомъ. Начало самостоятельности грузинской церкви.

Христіанство въ Грузіи, какъ это можно видѣть по историческимъ ея памятникамъ, утвердилось не сразу, но постепенно, шагъ за шагомъ отвоевывая себѣ преимущественное господство надъ сердцами языческихъ племенъ величественнаго Кавказа, Преемникъ св. царя Миріана, Бакаръ (342—364 г.), поставивъ себѣ задачею смягчить путемъ христіанскаго просвѣщенія и притомъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ грубые нравы обитателей скалъ и ущелій, старается завести школы, для которыхъ вызываетъ наставниковъ изъ Греціи и Персіи, въ этихъ школахъ положено было начало переводу богослужебныхъ книгъ съ греческаго языка на грузинскій; причемъ, такъ какъ еще не было грузинскаго алфавита, переводчики употребляли греческія и персидскія буквы; затѣмъ Бакаръ вводитъ церковное пѣніе греческаго напѣва; основываетъ, съ согласія константинопольскаго архіепископа, какъ верховнаго правителя грузинской церкви, епархію Цилканскую, гдѣ строитъ величественный храмъ во имя Пресвятой Богородицы, столь прославленный въ позднѣйшія времена чудесами и могилою св. Іессея (Исе), епископа Цилканскаго, одного изъ 13 сирійскихъ подвижниковъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; дѣятельно заботится о распространеніи Христовой вѣры среди кавказскихъ горцевъ, особенно хевсуръ, живущихъ по южному и сѣверному склонамъ кавказскаго хребта и занимающихъ ущелья рѣкъ: хевсурской Арагвы, Аргуна и Ассы. Хотя они, какъ сообщаетъ «Картлисъ-Цховреба», и слышали изъ устъ св.

равноапостольной Нины ученіе Христа, но эта первая проповѣдь не имѣла между ними никакого успѣха: хевсуры наотрѣзъ отказались отъ принятія христіанства, введеніе котораго, впрочемъ, не повсемѣстное, и выпало на долю второго по счету христіанскаго царя Грузіи Бакара; просвѣщеніе же всей Хевсуретіи, сохранившей даже до нашихъ дней, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и языческія вѣрованія и обряды, принадлежитъ трудамъ св. Авива, епископа Некресскаго, подвижника VI вѣка [27]).

Но особенно много заботился о крещеніи кавказскихъ горцевъ византійскій императоръ Юстиніанъ (527—565 г.), который въ 541 году къ покореннымъ его войсками абхазцамъ посылаетъ священниковъ, строитъ церкви и учреждаетъ архіепископскую каѳедру въ Пицундѣ, подчинивъ ее юрисдикціи константинопольскаго патріарха. [28]) Объ этомъ императорѣ, славянинѣ по происхожденію, которому приписываютъ преимущественную честь распространенія евангельскаго ученія въ западномъ Кавказѣ, до сихъ поръ сохраняется живое воспоминаніе въ адыгскихъ пѣсняхъ. Памятникомъ просвѣтительной дѣятельности императора Юстиніана является знаменитый и величественный храмъ Питіусскій-Пицундскій во имя успенія Пресвятой Богородицы, бывшій престольнымъ храмомъ первосвятителей Абхазіи—сначала автокефальныхъ архіепископовъ, а потомъ католикосовъ абхазскихъ и имеретинскихъ, и обновленный въ послѣдній разъ 3 сентября 1885 года, при экзархѣ Грузіи, архіепископѣ Павлѣ. И славенъ и многострадаленъ этотъ храмъ, какъ большая часть храмовъ нашей окраины; по своимъ страданіямъ онъ, поистинѣ, великомученникъ. Первую тысячу лѣтъ своего существованія онъ прожилъ въ славѣ и величіи, стоялъ въ полномъ блескѣ своей красоты. Какъ памятникъ лучшихъ временъ византійскаго зодчества, какъ памятникъ блестящаго царствованія Юстиніана I, онъ былъ украшеніемъ Пицунды,—средоточіемъ церковнаго управленія западной Грузіи, былъ главнымъ мѣстомъ священнодѣйствія первосвятителя Пицундскихъ, средоточіемъ православія въ

Абхазіи, нѣкогда хорошо населенной, и во всеи западной Грузіи.

Но вступаетъ онъ во второе тысячелѣтіе своего бытія, и тяжкія времена наступаютъ для св. храма Пицундскаго. Година испытаній начинается для него со времени утвержденія и усиленія мусульманскаго могущества и мусульманской власти на берегахъ Чернаго моря. Съ XVII вѣка стопа мусульманская начинаетъ попирать эту страну, и мерзость запустѣнія появляется на св. мѣстѣ Пицундскаго храма. Въ XIX столѣтіи, уже подъ русскимъ владычествомъ, Пицундскій храмъ дважды подвергался опустошенію со стороны турокъ и абхазцевъ-мусульманъ Враги имени Христова опустошеніемъ храма какъ будто мстятъ ему за прежнее христіански-благотворное значеніе его для абхазскаго народа; разоряя его и оскверняя, какъ будто стараются отнять у него возможность и въ будущемъ имѣть благотворное вліяніе на этотъ край, столь сильно въ настоящее время нуждающійся въ свѣтѣ истины Христовой, въ ученіи жизни христіанской. Но Господь не до конца оставилъ это мѣсто святое. Разрушительная рука времени и враговъ не могла совершенно сокрушить величественный храмъ Пицундскій, она повредила его въ несущественномъ, а самый храмъ, его величавый остовъ, остался цѣлымъ, невредимымъ [29])

Отсюда, изъ этого священнаго мѣста, при императорѣ-строителѣ Юстиніанѣ, многочисленные греческіе проповѣдники проникли въ нѣдра горъ до самой Кабардинской плоскости, и множество разрушенныхъ древнихъ церквей, часовенъ, крестовъ и полуистертыхъ надписей на камняхъ,—этихъ нѣмыхъ для нашего времени свидѣтелей прежняго, хотя и въ зачаточномъ только видѣ, состоянія христіанской культуры и гражданственности,—въ недоступной глуши горъ, обитаемыхъ теперь магометанами, въ верховьяхъ Кубани, на Тебердѣ и въ другихъ ущельяхъ и дебряхъ Кавказа,—относится, по всей вѣроятности, еще къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ вѣкамъ, когда крестъ Христовъ былъ лучезарнымъ знаменіемъ, около

которато соединялись въ одну христіанскую семью различныя племена кавказскихъ горцевъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ распространенія христіанства для его окончательнаго успѣха не доставало одного великаго условія—*національной самостоятельности* Книги священнаго писанія не были переводимы на туземные языки, богослуженіе совершалось на *греческомъ* діалектѣ; христіанство находилось въ *строгой зависимости отъ Византіи*, съ паденіемъ которой угасъ источникъ евангельскаго свѣта для Кавказа. Туземцы еще не успѣли высвободиться изъ переходнаго состоянія отъ язычества къ христіанству; первое имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ послѣдніе. Мнимые кавказскіе христіане оказывались въ дѣйствительности язычниками. И теперь предъ многими, сохранившимися до нынѣ, вещественными памятниками угасшей тѣмъ вѣры Христовой горцы шепчутъ свои молитвы, но, конечно, не Тому Богу, въ Чье имя они сооружены.

Кромѣ того, нашествіе на Кавказъ арабовъ въ VII—VIII столѣтіяхъ подавило едва начавшееся здѣсь христіанство. Оно было истреблено почти повсемѣстно въ горахъ Кавказа, не только среди лезгинъ и чеченцевъ, но даже и въ болѣе далекой Осетіи. Возникшія мусульманскія правительства, по самому географическому и историческому положенію, имѣли на горцевъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ грузинскіе цари и католикосы, и съ успѣхомъ распространяли въ горахъ исламизмъ, который—кстати сказать—въ настоящее время успѣлъ на большомъ протяженіи кавказскихъ горъ слиться съ бытомъ народнымъ. Впрочемъ, въ Осетіи приверженность къ христіанству всетаки укоренилась глубже, чѣмъ въ восточномъ Кавказѣ. Однако, и этотъ народъ, по сообщенію арабскаго писателя Масуди, въ 931 году выгналъ изъ страны своихъ священниковъ, разрушилъ свои христіанскія церкви и принялъ исламъ.

Великая царица Грузіи Тамара (1174—1204 г.) скоро возстановила православіе, и путешественники XII, XIII и

позднѣйшихъ вѣковъ говорятъ объ осетинахъ и другихъ кавказскихъ горцахъ, какъ о христіанахъ, врагахъ магометанъ. Генуэзецъ Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, нашелъ христіанство даже въ тамошнемъ черкесскомъ населеніи. «Черкесы называютъ себя христіанами—пишетъ онъ—и имѣютъ греческихъ священниковъ, но дѣтей крестятъ не ранѣе, какъ когда имъ минетъ 8-мь лѣтъ. Священники обливаютъ ихъ водою на свой ладъ, къ чему присовокупляютъ краткую молитву. Знатные люди не входятъ въ церковь до шестидесятилѣтняго возраста, опасаясь осквернить ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ всѣ они живутъ грабежомъ. Перейдя эти лѣта, они перестаютъ воровать и грабить, и присутствуютъ тогда при богослуженіи, которое въ молодости слушали не иначе, какъ сидя на конѣ передъ дверьми церковными. У народа этого нѣтъ азбуки, ихъ священники для богослуженія употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ [30]).

Въ этомъ была великая ошибка всѣхъ просвѣтителей горскаго Кавказа. Ни апостолы и ихъ первые ученики, ни греки, ни грузины, ни императоръ Юстиніанъ, ни царица Тамара, никто не позаботился о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ проповѣдью Евангелія, создать письменный языкъ для обращенныхъ народовъ и сдѣлать переводъ необходимыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыя, внѣ всякаго сомнѣнія, могли бы упрочить въ сердцахъ людей христіанскія понятія даже въ отсутствіе учителей. Если нашлись въ ихъ исторіи люди, ревностно исполнявшіе дѣло св. Владиміра равноапостальнаго, то, къ сожалѣнію, не нашлось никого, способнаго на просвѣтительный подвигъ свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, первоучителей всего славянства. Нечего, разумѣется, и удивляться, что сѣмена Христовой вѣры, посѣянныя при такихъ печальныхъ и неблагопріятныхъ для своего дальнѣйшаго роста условіяхъ, не дали въ горахъ Кавказа роскошнаго всхода. Сообщенія съ горами во всѣхъ отношеніяхъ были крайне опасны и затруднительны, а потому и вліяніе пра-

вославной Грузіи на горскія племена Кавказа всегда было весьма ограничено; большею частью оно уступало мѣсто ожесточенной враждѣ. Да и самое христіанство среди обитателей дикихъ скалъ и ущелій не имѣло никакой самостоятельности, при разрывѣ съ равниной оно лишалось всякой поддержки. Эти разрывы случались безпрестанно; мы знаемъ, что грузинскіе владѣтели для наказанія горцевъ за частыя грабежи иногда даже поставляли ихъ въ непрерывное блокадное положеніе, не позволяя имъ выходить изъ ущелій. Блокадное положеніе, въ какое, напримѣръ, поставилъ Сванетію имеретинскій царь Александръ, повлекло за собою разореніе и совершенное одичаніе страны. При такихъ неблагопріятныхъ для церковнаго дѣла условіяхъ постоянное и безпрерывное рукоположеніе духовенства въ горахъ Кавказа сдѣлалось невозможнымъ. Вмѣсто прежнихъ грузинскихъ священниковъ, охранителями опустѣлыхъ церквей явились «деканозы», т. е. духовенство туземное, нерукоположенное, чуждое самыхъ основныхъ понятій о христіанской религіи. Теперь въ христіанскихъ храмахъ, деканозы приносятъ жертвы, читаютъ непонятныя какъ для нихъ самихъ, такъ и для слушателей, молитвы, совершаютъ нелѣпые обряды. Вся религія этихъ одичалыхъ христіанъ заключается въ обоготвореніи тайныхъ силъ природы, которыя олицетворяются въ видѣ различныхъ фантастическихъ существъ, обитающихъ въ извѣстныхъ рощахъ или на извѣстныхъ скалахъ Ихъ религіозныя обязанности ограничиваются тѣмъ, что они собираются иногда на тѣхъ или другихъ святыхъ мѣстахъ и тамъ приносятъ въ жертву быковъ и барановъ, мясо которыхъ съѣдается на мѣстѣ-же, послѣ чего происходятъ скачки, стрѣльба въ цѣль и т. п.

Слѣды дѣятельности христіанскихъ проповѣдниковъ и просвѣтителей обозначались въ горахъ сооруженіемъ нѣсколькихъ большихъ церквей или часовенъ въ честь разныхъ святыхъ и водруженіемъ въ иныхъ мѣстахъ крестовъ. Все представлялось горцами лишь въ видѣ дополненій къ прежнимъ ихъ вѣрованіямъ; церкви, часовни

и кресты сдѣлались предметами благоговѣнія народнаго на-ряду съ рощами и скалами, Св. Георгій, св. Илья, Маріамъ и другіе святые христіанской церкви примкнули къ сонму мѣстныхъ языческихъ боговъ, какъ ихъ не разлучные спутники и сожители, одинаково благосклонные или враждебные къ дикому обитателю кавказскихъ горъ. Празднованіе дней памяти христіанскихъ святыхъ отличалось по преимуществу языческимъ характеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обычай горскихъ племенъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне умѣренны въ употребленіи пищи. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинялись, такъ, напримѣръ, супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями. Нечего и говорить, что обычай кровомщенія сохранился у нихъ во всей своей силѣ, вопреки евангельскому ученію о кротости и прощеніи обидъ. Словомъ, свѣтъ христіанскаго ученія среди кавказскихъ горцевъ явился въ видѣ молніи, мгновенный блескъ которой среди непроглядной тьмы смѣнился для нихъ глубочайшимъ мракомъ. [31]).

Съ паденіемъ въ 1453 году Константинополя и генуэзскихъ колоній Чернаго моря, владыкою кавказскихъ береговъ сдѣлалась магометанская Турція Христіанская Грузія, эта единственная въ то время защитница кавказскаго христіанства, сама все слабѣла и расшатывалась подъ безпощадными ударами мусульманскаго фанатизма. Понятно, что исламъ долженъ былъ торжествовать все болѣе и болѣе надъ горами Кавказа. Уже 50 лѣтъ спустя послѣ Интеріано, доминиканецъ Іоаннъ Луккскій, посѣтившій Черкессію около 1637 года, пишетъ о ней: «Черкесы говорятъ и по-черкесски и по-турецки; нѣкоторые изъ нихъ магометане, другіе—греческаго вѣроисповѣданія. Но магометанъ болѣе. Священникъ, который живетъ въ Терки, иногда креститъ ихъ, мало объясняетъ имъ Законъ Божій. Съ каждымъ днемъ число мусульманъ возрастаетъ: отъ греческаго исповѣданія сохранился лишь обычай но-

сить пищу на могилы и нѣсколько постовъ... Абхазцы неграмотны; они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ встрѣчается много водруженныхъ крестовъ. Жители величайшіе мошенники... Они носятъ усы, но брѣютъ бороду, за исключеніемъ «папаровъ». Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ. Покойниковъ кладутъ въ колоды, которыя потомъ ставятъ на четыре кола»... Рейнеггсъ, путешествовавшій по Кавказу между 1782 и 1784 годами, разсказываетъ объ абхазцахъ; «каждый изъ нихъ имѣетъ особыя заблужденія, которыя называетъ своею вѣрою. Ихъ догматы весьма разнообразны; упомяну лишь о тѣхъ, которые наиболѣе распространены. Слѣдуя древнему обычаю, они празднуютъ весеннее равноденствіе, окрашивая яйца въ разные цвѣта, причемъ пируютъ. Въ этотъ день и два, слѣдующіе за ними, происходятъ скачки и другія увеселенія... Въ началѣ мая собираются въ густомъ лѣсу, который почитаютъ священнымъ и въ которомъ никто не имѣетъ права срубить дерева, что, по ихъ мнѣнію, прогнѣвало бы Всевышняго, Которому достойно и успѣшно молиться можно лишь въ этомъ лѣсу. Посреди лѣса, какъ увѣряютъ, находится большой и тяжелый желѣзный крестъ, охраняемый благочестивыми отшельниками. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ онъ былъ поставленъ. Но отшельники разсказываютъ о немъ много чудеснаго и сверхъестественнаго, неимѣющаго никакого отношенія къ христіанству: этимъ привлекаютъ они даянія народныя» [32]). Магометанство и въ настоящее время на сѣверномъ Кавказѣ представляетъ собою довольно внушительную силу. По статистическому [33]) обзору Владикавказской епархіи за 1900 годъ видно, что въ ней на 1,532,477 человѣкъ населенія обоего пола приходится магометанъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 1045434.

Вообще ко всѣмъ горцамъ Кавказа могъ бы вполнѣ примѣниться эпитетъ «одичавшихъ христіанъ», данный въ 1818 году жителямъ устья Пшата, путешественникомъ Тебе-де-Мариньи, и это потому, что у нихъ, какъ и у осе-

тинъ, хевсуръ, тушиновъ, абхазцевъ и другихъ образовалась въ высшей степени своеобразная религія, въ которой отрывочныя воспоминанія христіанскаго культа перепутались съ народными суевѣріями и остатками древняго язычества [34]). Вотъ, что, напримѣръ, пишетъ іеромонахъ Леонидъ, нынѣ епископъ имеретинскій, миссіонеръ горскихъ племенъ Кавказа въ своихъ запискахъ [35]). «въ Хевсуретіи, этой грузинской запорожской сѣчи, не смотря на отдаленное вѣками насажденіе христіанства въ этой странѣ, нельзя встрѣтить ни одного болѣе или менѣе замѣчательнаго памятника христіанства, никакихъ, сколько нибудь замѣчательныхъ развалинъ христіанскихъ храмовъ, коими такъ обильна и славна вообще Грузія... Современное исповѣданіе хевсуровъ такъ пестро и разноцвѣтно, что много заключаетъ въ себѣ постороннихъ, не христіанскихъ элементовъ, такъ что хевсуровъ положительно и нельзя назвать христіанами. Религіозные обряды хевсуровъ даютъ вамъ видѣть, что часть изъ нихъ заимствована изъ мусульманства, часть взята изъ Моусеевыхъ ветхозавѣтныхъ предписаній, часть напоминаетъ языческіе обычаи и, наконецъ, часть носитъ христіанскій характеръ. Почитая и уважая Крестъ Христовъ, Св. Георгія, Архангела Михаила и проч., хевсуръ въ тоже время чтитъ какихъ-то боговъ: Атенгени, Яхсари, Адгиллисъ-дэда,—празднуетъ пятницы и субботы, брѣетъ голову, не ѣстъ свинины, практикуетъ двоеженство и проч. Словомъ, хевсуръ только по имени христіанинъ, скорѣе онъ магометанинъ или разновѣръ». И теперь еще, въ дикихъ ущельяхъ Галгая и Ако народъ по-прежнему поклоняется богамъ своимъ, не сознавая между исламизмомъ и христіанствомъ другого различія, кромѣ того, что одна вѣра запрещаетъ ѣсть свиное мясо, а другая дозволяетъ. Почти то же самое, за немногими исключеніями, можно сказать и о всѣхъ остальныхъ горскихъ христіанахъ нашей отдаленной отъ центра Россіи окраины, которые и ждутъ въ настоящее время своихъ Кирилловъ и своихъ Меѳодіевъ, способныхъ не на бумагѣ только, но и въ дѣйствительности внести, въ ихъ сре-

ду истинное христіанское просвѣщеніе и христіанскую культуру.

Не только среди горскихъ племенъ Кавказа, органически связанныхъ съ древней Грузіей, христіанство утвердилось не сразу, но и среди иверійцевъ оно долго еще не могло окончательно восторжествовать надъ языческимъ самосознаніемъ народа. Были цари отступники; персы упорно стремились изгнать христіанство изъ грузинской земли и замѣнить его огнепоклонствомъ. Такъ, когда они при царѣ Мирдатѣ IV (408) овладѣли Грузіей, жители ея принуждены были спрятать кресты, и обожаемый персами огонь запылалъ во всѣхъ церквахъ, спасшихся отъ разоренія. Дань персамъ лежала тяжелою ношею на грузинскомъ народѣ во все время господствованія надъ ихъ страною персовъ. Естественно, что при такихъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ для своего развитія условіяхъ христіанство не было въ состояніи проникнуть въ самое сердце народа, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не настали для Грузіи времена могущества и славы при царѣ ея, Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ, царствовавшемъ 53 года (съ 446—499 г.) [36]).

Соединяя въ своемъ лицѣ мудрость правителя съ доблестями полководца, этотъ государь оставилъ странѣ многочисленные памятники своей дѣятельности. При немъ грузинская церковь вздохнула свободно, такъ какъ онъ своими побѣдами надъ многочисленными врагами своей родины снялъ съ наболѣвшей груди народа тяжелыя цѣпи иноземнаго владычества. Защищая независимость страны, онъ окончательно свергнулъ персидское иго, завоевалъ Мингрелію, Абхазію, побѣдилъ печенѣговъ, овладѣлъ Арзерумомъ и простеръ славу своего имени до самой Индіи. На стѣнахъ одной изъ древнихъ церквей, развалины которой и по нынѣ видны въ горахъ Алагирскаго общества, есть надпись, [37]) нередающая подробности о борьбѣ Вахтанга съ Осетіей.

Но не однѣ безмолвныя развалины—печальные остатки прошлаго величія—хранятъ для Грузіи память о ея

Гургъ-Асланѣ. Великолѣпные соборы Двѣнадцати Апостоловъ во Мцхетѣ, Сіонскій и Метехскій въ Тифлисѣ— суть памятники славнаго царствованія Вахтанга [38]). По даннымъ лѣтописей Грузіи, Мцхетскій храмъ, построенный изъ дерева, первоначально во имя Спаса, въ 326 году царемъ Міріаномъ, при царѣ Арчилѣ I (413—434 г.) обрушился и животворящій столпъ вслѣдствіе сего былъ перенесенъ въ загородную церковь (Самтаврскую). Въ исходѣ V вѣка царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ придалъ Мцхетскому храму тотъ величественный видъ, которымъ мы любуемся въ настоящее время. Онъ же далъ этому храму названіе во имя 12 апостоловъ. Великая душа Вахтанга задумала оставить позднѣйшему потомству величественный памятникъ, соотвѣтственный величественной природѣ Кавказа, титаническимъ громадамъ его горъ. Уступая по высотѣ Алавердскому храму въ Кахетіи, Мцхетскій соборъ превосходитъ всѣ другіе храмы Грузіи своими размѣрами. Въ отношеніи же архитектурномъ Мцхетскій храмъ относится къ числу лучшихъ памятниковъ грузинскаго зодчества. Стиль его считается грузино-византійскимъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями. Его строгія формы, обширные размѣры, необыкновенная соразмѣрность частей, изящество скульптурныхъ изваяній, арабесковъ и плетеній, остроконечный куполъ, легкія арки по стѣнамъ съ лѣпными украшеніями, крыша изъ тесаннаго камня, фресковыя изображенія и проч., дѣлаютъ его предметомъ величайшаго вниманія для знатоковъ византійской церковной архитектуры. Невольно останавливается человѣкъ и погружается въ разсмотрѣніе этой громады тесаннаго камня, этой массы желтосѣраго цвѣта, обращенной рукой человѣческой въ гигантское строеніе, уносящееся въ высь и окаменѣвшее какъ бы налету. Кому бы не случилось бывать здѣсь, нельзя удержаться, чтобы, благоговѣйно обнаживъ голову, не войти въ самый соборъ [39]).

Одновременно съ основаніемъ новой своей столицы —Тифлиса, Вахтангъ Гургъ-Асланъ заложилъ и Сіонскій соборъ, который, несмотря на многоразличныя бури, его

посѣтившія, какъ неподвижная скала вѣры, стоитъ вѣковымъ и тысячелѣтнимъ свидѣтелемъ непреоборимаго православія, и въ которомъ благоговѣйно сохраняется нынѣ среди другихъ памятниковъ христіанской Грузіи и величайшая ея святыня—крестъ изъ виноградныхъ лозъ св. равноапостольной Нины. Свое названіе храмъ получилъ отъ Іерусалимскаго Сіона, горы, на которой библейскій Авраамъ видѣлъ день искупленія всего человѣчества Сыномъ Божіимъ. Отъ Сіона іерусалимскаго, какъ центра, произошли сіоны—храмы въ царствѣ грузинскомъ. Съ такимъ названіемъ извѣстны изъ исторіи Грузіи 10 храмовъ [40]) которые, какъ неподвижныя звѣзды небеснаго свода, стоятъ донынѣ безмолвными, но краснорѣчивыми для вѣрующаго сердца, указателями пути къ жизни и небесамъ. Самыя руины ихъ, заключающія въ себѣ глубокій и таинственный смыслъ знаменательно—пророческаго, проникаютъ, по выраженію одного писателя (les ruine ont quelque chose prophetique) человѣческую душу идеями высокой философіи, единственной для счастья царствъ и народовъ.

Заложенный во имя Успенія Пресвятой Богородицы, Сіонскій соборъ, начатъ былъ постройкой уже при преемникѣ Вахтанга I, царѣ Дачи (499—514 г.), и оконченъ былъ при царѣ Адарнасѣ (—639 г.). Слѣдовательно, постройка его продолжалась около 64 лѣтъ, т. е. между 575 и 639 годами. Храмъ этотъ, величайшій изъ всѣхъ тифлисскихъ, представляетъ особою, какъ и мцхетскій соборъ, живую лѣтопись церкви грузинской и несокрушимыя скрижали того народа, которому въ то отдаленное отъ насъ вѣками время удивлялись и Востокъ и Западъ міра христіанскаго. Будучи въ древности каѳедральнымъ для митрополитовъ тифлисскихъ, Сіонскій соборъ съ 1811 года, при новомъ іерархическомъ раздѣленіи, сдѣлался таковымъ же и для экзарховъ Грузіи [41]).

Ко времени же царя Вахтанга Гургъ-Аслана, вмѣстѣ съ Сіонскимъ соборомъ, исторія относитъ и построеніе другого древнѣйшаго храма г. Тифлиса, извѣстнаго подъ именемъ «церкви Метехской», т. е. придворной, въ при-

дѣлѣ которой находится могила св. Шушаники, замученной супругомъ своимъ, армянскимъ владѣтелемъ Васкеномъ въ 560 году, за рѣшительный отказъ свой измѣнить православію. [42]).

Народъ грузинскій свято хранитъ въ своемъ сердцѣ память о Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ, вѣнценосномъ строителѣ пережившихъ его величественныхъ храмовъ. Недалеко отъ Тифлиса, въ развалинахъ древнѣйшаго изъ монастырей Иверіи, Мартмкопскаго, на двухъ столбахъ главнаго храма, поддерживавшихъ все зданіе и куполъ, нарисованы во весь ростъ два грузинскіе царя: одинъ изъ нихъ—Вахтангъ Гургъ Асланъ, основатель этого храма, другой—славный Давидъ—Возобновитель (1089—1125). [43]).

Заботясь о просвѣщеніи народа, еще не успѣвшаго въ полной мѣрѣ проникнуться идеями христіанства, но въ которомъ, однако, уже пробудилось сознаніе итти къ религіозно-нравственному развитію путемъ самостоятельнымъ, внѣ рабской зависимости отъ чуждыхъ имъ по всему пастырей грековъ,—Вахтангъ Гургъ-Асланъ основалъ по-всемѣстно школы, повелѣлъ исправить и вновь перевести церковныя книги и издалъ кодексъ, гдѣ помѣстилъ, между прочимъ, законъ о томъ, чтобы ни одинъ изъ его подданныхъ не смѣлъ болѣе исповѣдывать Зороастрова ученія, представителей котораго онъ изгналъ всѣхъ изъ страны, разрушивъ до основанія алтари этихъ огнепоклонниковъ. Правда, еще при второмъ христіанскомъ царѣ Грузіи—Бакарѣ—положено было начало переводу богослужебныхъ книгъ съ греческаго языка на грузинскій во многихъ новооткрытыхъ тогда школахъ, но дѣло это шло очень медленно и мало удовлетворяло религіознымъ потребностямъ народа, для котораго, кромѣ того, греческіе пастыри, незнакомые съ обычаями страны и заботящіеся большею частію только о своихъ личныхъ интересахъ, являлись скорѣй наемниками, нежели истинными отцами, и совершенно почти не прилагали усилій къ религіозно-нравственному просвѣщенію своихъ пасомыхъ. Даже богослуженіе въ храмахъ долгое время совершалось на малопонятномъ

для грузинъ языкѣ греческомъ или сирійскомъ. Только уже впослѣдствіи, при энергичной дѣятельности ближайшихъ предшественниковъ Вахтанга Гургъ-Аслана, явилась возможность пользоваться грузинскими церковно-богослужебными книгами, да и то уже послѣ того, какъ были изобрѣтены грузинскія буквы армянскимъ ученымъ Месропомъ, прибывшимъ въ Иверію въ царствованіе Арчила I (413—434). Вѣнценосная вдова послѣдняго и мать Вахтанга Гургъ-Аслана—Сандухта—около 440 года впервые позаботилась перевести на грузинскій языкъ книги Новаго Завѣта.

Всѣ эти многолѣтнія попытки къ поднятію на надлежащую высоту просвѣщенія страны въ чисто-христіанскомъ направленіи и къ приведенію въ должный порядокъ церковно-богослужебнаго строя окончательно завершились въ царствованіе Вахтанга Гургъ-Аслана.

446-й годъ христіанской эры, когда началось это счастливое для всей Иверіи царствованіе, открылъ собою и для церкви грузинской новый періодъ ея исторіи, призвавъ ее къ новой, уже самостоятельной съ этихъ поръ жизни.

Посѣтивъ во время своего путешествія Антіохію и Іерусалимъ, Вахтангъ Гургъ-Асланъ былъ пораженъ тамъ наблюдаемымъ имъ церковнымъ блескомъ и упорядоченнымъ въ высшей степени устройствомъ этихъ первопрестольныхъ апостольскихъ каѳедръ, а потому и пожелалъ у себя, на родинѣ, имѣть тотъ же церковный строй и ту же іерархію, съ тѣми же самостоятельными правами, и дать отечественной церкви полную независимость отъ антіохійскаго патріарха, по усмотрѣнію котораго обыкновенно назначался въ Грузію тотъ или другой правитель церкви, большею частію безъ воли и указанія самого царя, не знающій, кромѣ того, ни языка своей епархіи, ни церковныхъ обычаевъ страны, и управлявшій церковью по своему личному произволу.

Самоуправство и своенравность большинства греческихъ пастырей въ это время дошла до того, что они безъ

всякаго стѣсненія и очень даже часто давали чувствовать свою силу не только простымъ смертнымъ, но и самимъ царямъ, какъ это и обнаружилось въ царствованіе Вахтанга Гургъ-Аслана.

Въ 457 году архіепископъ Михаилъ, по происхожденію грекъ, человѣкъ высокомѣрный и въ высшей степени грубый, вслѣдствіе неизслѣдованной имъ клеветы на царя и на все его войско со стороны подпольныхъ крамольниковъ, будто бы Вахтангъ Гургъ-Асланъ, въ бытность свою въ Персіи, измѣнилъ христіанской религіи, недолго думая, отлучилъ мнимыхъ виновниковъ отъ церкви. А затѣмъ, когда царь, какъ покорный сынъ къ своему отцу, смиренно пріѣхалъ къ архіепископу и, сдѣлавъ земной поклонъ, просилъ у него благословенія, то архіепископъ оттолкнулъ его отъ себя ногою и, снявъ съ своей ноги туфлю съ высокимъ каблукомъ, нагло размахнулся ею и ударилъ царя по лицу, причемъ вышибъ у него передній зубъ. Вахтангъ Гургъ-Асланъ снесъ это неожиданное для себя оскорбленіе, нанесенное ему рукою архіепископа, и только тихо замѣтилъ послѣднему: «*этотъ поступокъ— плодъ твоей гордости, внушенной тебѣ діаволомъ; безчисленность моихъ грѣховъ возбудила тебя совершить подобное дѣло. Знай, что ты не имѣешь надо мной никакой власти, какъ не имѣлъ и никакого права на этотъ поступокъ... Ты не исполняешь своихъ прямыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на тебя Евангеліемъ,—быть смиреннымъ по званію, особенно предъ своимъ государемъ... Пошлю тебя къ патріарху константинопольскому, который и распорядится тобою, какъ должно*».

Спустя нѣсколько времени, архіепископъ всей Грузіи Михаилъ дѣйствительно былъ высланъ въ Константинополь, гдѣ патріархъ Анатолій заключилъ его въ монастырь «*Неусыпающихъ*» [44]),

Проступокъ архіепископа Михаила для царя Вахтанга Гургъ-Аслана послужилъ достаточнымъ вполнѣ основаніемъ потребовать отъ константинопольскаго патріарха освобожденія грузинской церкви отъ зависимости ея церкви греческой. Чтобы сдѣлать это свое требованіе

внушительнымъ, царь объявилъ грекамъ войну и, послѣ блистательной побѣды надъ ними, заявилъ византійскому императору Льву Великому (457—474) и константинопольскому патріарху Анатолію, что грузинская церковь не желаетъ оставаться болѣе въ подчиненіи антіохійскому патріарху. Требованіе побѣдителя немедленно было исполнено, и на помѣстномъ константинопольскомъ соборѣ рѣшено было, чтобы въ Грузіи католикосомъ былъ грекъ, посвященіе получалъ въ Антіохіи, но находился подъ властью царя. Затѣмъ, по желанію Вахтанга, въ Грузію католикосомъ былъ назначенъ архіепископъ Петръ, достойный ученикъ св. Григорія Чудотворца (Назіанзина), хорошій знакомый самого царя.

Заботливостью этого перваго грузинскаго католикоса была усилена проповѣдь христіанства въ языческихъ мѣстностяхъ; умножено духовенство; заведены при церквахъ училища, гдѣ должна обучаться грузинская молодежь,—и увеличено было количество епархій чрезъ открытіе новыхъ двѣнадцати. Съ открытіемъ новыхъ епископскихъ каѳедръ, подъ верховнымъ управленіемъ полунезависимаго отъ Византіи католикоса Мцхетскаго, царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ предоставилъ отечественной церкви полное самоуправленіе, не отдавая никакого отчета ни одному изъ патріарховъ Востока.

Но такою постановкою дѣла церковнаго, грузины всетаки не были удовлетворены: имъ непремѣнно желалось имѣть на первопрестольной каѳедрѣ своего единоплеменника, вслѣдствіе чего мы видимъ въ исторіи Грузіи со стороны правительства попытки окончательно освободиться отъ зависимости церкви греческой. И вотъ, при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ (527—565) и грузинскомъ царѣ Парсманѣ VI (542—557), въ 553 году, иверійцы испросили себѣ право избирать католикосомъ своей отечественной церкви грузина, и *«съ того времени не приводили католикоса изъ Греціи, а возсѣдали высокопоставленные грузины»*. Всетаки посвященіе иверскаго католикоса должно было совершаться по-прежнему въ Антіохіи, и это обстоятель-

ство шло въ разрѣзъ съ желаніемъ грузинъ—быть внѣ какой-бы то ни было зависимости отъ церкви греческой.

Между 619 и 639 годами грузинскій царь Адарнасъ, какъ только скончался католикосъ Варѳоломей (+620 г.), посадилъ на освободившійся престолъ Іоанна I (620—629), котораго и отправилъ для посвященія въ Антіохію, поручивъ ему испросить у патріарха разрѣшеніе, чтобы на будущее время католикосы посвящались въ самой Грузіи. Ходатайство это было уважено, и на соборѣ антіохійскомъ было постановлено: «*позволяемъ церкви грузинской, по смерти ея католикоса, собирать духовенство и весь народъ, и избирать въ католикосы человѣка достойнаго, и, съ утвержденія грузинскаго царя, митрополитамъ и архіепископамъ посвящать его въ Мцхетскомъ соборѣ*».

Дарованное право Иверской церкви подтвердилъ и VI вселенскій соборъ въ 680 году, и съ этого только времени грузинская церковь становится вполнѣ *автокефальной*, т. е. самостоятельной въ своемъ управленіи и внутренней жизни.

Отличительными знаками католикосскаго достоинства считались: 1) низанные изъ жемчуга и дорогихъ цвѣтныхъ камней два серафима, пришитые на воскриліяхъ чернаго клобука, 2) на челѣ онаго большой жемчужный съ камнями крестъ, 3) бархатная зеленая мантія съ серебряными источниками, съ жемчужными скрижалями и такіе же сандаліи; 4) митра съ крестомъ наверху, обложенная по опушкѣ зубчатою короною; 5) въ служеніи на груди двѣ панагіи крестъ на крестъ; 6) во время служенія выходилъ изъ покоевъ въ храмъ въ мантіи съ предношеніемъ большого креста, съ множествомъ свѣчей, съ нѣсколькими дикиріями и трикиріями; 7) посвящалъ епископовъ одинъ и, наконецъ, 8) одинъ возлагалъ корону на царей, по праву духовнаго царя.

Мцхетско-иверскіе католикосы до XIV вѣка были вполнѣ самостоятельными владыками на всемъ кавказскомъ перешейкѣ; съ этого же вѣка, со времени отдѣленія Имеретіи отъ Грузіи, именно въ 1390 году, на берегу

Чернаго моря явилось особое самостоятельное католикосство Имеретино-Абхазское, имѣвшее своею каѳедрою великолѣпный Бичвинтскій храмъ, основанный византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ Великимъ. Какъ тотъ, такъ и другой католикосъ, завѣдывали своими епархіями, не отдавая въ дѣлахъ управленія никому никакого отчета. Подчиненные католикосовъ, по примѣру западно-европейскихъ феодаловъ въ средніе вѣка, образовали государство въ государствѣ, а потому оба эти владыки считались духовными царями своихъ странъ. Католикосы, наравнѣ съ своими государями, пользовались одними и тѣми же правами и почестями въ народѣ; подобно имъ, и нѣкоторые отдѣльные члены духовной іерархіи всецѣло сравнялись въ достоинствѣ съ представителями свѣтской власти.

Юрисдикціи Мцхетскаго католикоса подчинялись: верхняя Карталинія (нынѣшній Ахалцихскій уѣздъ), нижняя Карталинія, Кахетія, Осетія, Шеки и Албанія съ Ширванскою областью до границъ Персіи.

Духовная же власть Абхазско-Имеретинскаго католикоса обнимала собою: Имеретію, Мингрелію, Сванетію и Абхазію почти до береговъ рѣки Кубани. На всемъ этомъ обширномъ пространствѣ древней Иверіи, какъ показываетъ составленный въ позднѣйшіе вѣка списокъ епископій, существовало 38 епархій.

Мцхетско-иверскіе католикосы имѣли въ своемъ распоряженіи довольно большое населеніе, войско и свою администрацію. Кромѣ личнаго штата, въ составъ котораго входили такъ называемые *«сыны Мцхета»*, они имѣли въ своихъ земляхъ и поселеніяхъ еще и управляющихъ или моуравовъ, собиравшихъ повинности деньгами или натурою. Въ пользу католикосовъ взимались въ опредѣленныхъ пунктахъ даже таможенныя пошлины. Имъ принадлежали рыбныя ловли на главныхъ рѣкахъ Грузіи. Войско ихъ подлежало, главнымъ образомъ, ихъ вѣдѣнію: они имѣли въ своемъ распоряженіи генераловъ, ими же самими назначавшихся и отъ нихъ же получавшихъ

какъ жалованье, такъ и самыя приказанія. Во время особыхъ войнъ католикосы сами предводительствовали своими войсками, а въ другихъ случаяхъ—ихъ генералы; отдѣльными же отрядами, принадлежащими той или другой церкви, командовали епископы и настоятели важнѣйшихъ монастырей или ихъ капитаны. Даже остальная часть Грузіи, бывшая подъ властью царей и вельможъ, въ отношеніи суда не избѣгала вліянія духовной власти.

Впрочемъ, нужно сказать, что такому привилегированному положенію своему въ странѣ духовные владыки Грузіи были исключительно обязаны своимъ царямъ и вельможамъ, питавшимъ къ нимъ неограниченное довѣріе. Но не силою они похищали свои права и привилегіи у свѣтской власти, и справедливость требуетъ прибавить къ этому, что большинство духовныхъ владыкъ съ честью проходило свое служеніе церкви и государству, являясь въ годину бѣдствій главнымъ оплотомъ Грузіи въ ея борьбѣ съ врагами за христіанскую вѣру и христіанскую культуру во все время тысячелѣтняго самостоятельнаго существованія страны. [45]).

ГЛАВА IV.

Появленіе въ Грузіи монашества. Знаменитые подвижники и ихъ монастыри. Значеніе и заслуги монашества для грузинской церкви и общества. Отпаденіе армянской церкви отъ греко-грузинской.

Въ 552 году царь Парсманъ VI (542—557 г.), по выбору отечественнаго собора во Мцхетѣ, возвелъ на первопрестольную каѳедру Евлавія (552—560). Имя этого католикоса навсегда останется памятнымъ въ грузинской цер-

ковной исторіи, главнымъ образомъ, потому, что при немъ прибыли изъ Сиріи (между 552—557 г.) во Мцхетъ 13 каппадокійскихъ подвижниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый наставникъ ихъ и руководитель, св. Іоаннъ Зедазнели. Въ Иверію святые отцы явились босые, въ рубищахъ, изнеможенные на видъ, въ клобукахъ, по обычаю сирскихъ отцовъ, преслѣдуя единственную цѣль—поддержать своимъ личнымъ высоко-нравственнымъ вліяніемъ и просвѣтительною дѣятельностью новообращенную страну въ ея борьбѣ противъ язычества, а также и противъ энергической и успѣшной еретической пропаганды монофизитовъ, неправильно учившихъ о способѣ соединенія въ одномъ лицѣ Христа двухъ природъ—божественной и человѣческой. Поклонившись св. мѣсту чудеснаго явленія животворящаго мироточиваго столпа, св. Іоаннъ Зедазнели съ своими 12-ю учениками пожилъ нѣкоторое время во Мцхетѣ, а затѣмъ отправился на востокъ отъ этого города, на гору Зедазени, на пути къ которой одинъ изъ учениковъ его, св. Шіо, силою Божіею совершилъ первое чудо на землѣ грузинской. Вслѣдствіе сильнаго разлива рѣки Арагвы, переходъ черезъ нее былъ совершенно невозможенъ. Тогда св Іоаннъ обратился къ преподобному Шіо съ просьбой: «*помолись, отче, да сподобитъ насъ Господь благополучно перейти на ту сторону рѣки*». Св. Шіо тотчасъ обратился лицомъ къ востоку, сдѣлалъ три земныхъ поклона, осѣнилъ рѣку крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: «*отецъ нашъ Іоаннъ повелѣваетъ тебѣ, вода, остановись, доколѣ мы не перейдемъ на ту сторону рѣки*». Вода остановилась, и подвижники перешли на другой берегъ рѣки. Они обошли съ евангельскою проповѣдью почти всю Картлинію (по долинѣ рѣкъ Куры и Арагвы), были и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ блаженная Нина учила вѣрѣ Христовой и, наконецъ, избрали для своего жительства ту пустынную гору Заденъ (близъ Мцхета), на вершинѣ которой нѣкогда сокрушенъ былъ идолъ по молитвамъ великой просвѣтительницы Грузіи. Здѣсь сирскіе отцы, какъ солнце, просіяли высокими христіанскими подвигами. Мѣстные жите-

ли, узнавъ о глубоко-нравственной христіанской жизни новыхъ поселенцевъ, во множествѣ стали стекаться къ нимъ за благословеніемъ и наставленіями. Самъ царь и его вельможи часто приходили къ нимъ слушать ихъ бесѣды. Глава сирскихъ отцовъ—Іоаннъ—въ одной изъ пещеръ Зедазенской горы соорудилъ храмъ Божій. Высокая жизнь св. Іоанна и чудеса, по молитвамъ его совершившіяся въ Иверіи, донынѣ воспѣваются грузинскою церковью въ 7-й день мѣсяца мая. [46]).

Спустя нѣкоторое время, каппадокійскіе подвижники, слѣдуя руководству своего великаго учителя, св. Іоанна Зедазнели, основали въ различныхъ мѣстностяхъ Иверіи многочисленные монастыри на вершинахъ недоступныхъ горъ, вертепахъ и подземельяхъ, всюду распространяя вокругъ себя благодатный свѣтъ христіанскаго ученія. Католикосъ Евлавій предоставилъ всецѣло свв. подвижникамъ право проповѣдывать по всей Грузіи, при чемъ трехъ изъ нихъ даже возвелъ на епископскія каѳедры: св. Авиву предоставилъ упразднившуюся епархію Некресскую, св. Іессею (Исе)—Цилканскую, а впослѣдствіи для св. Іосифа въ сѣверо-западной Кахетіи открылъ новую каѳедру—Алавердскую.

Преданіе сохранило до нашего времени и самый разсказъ объ избраніи на епископскія каѳедры—Цилканскую (близъ Мцхета) и Некресскую (въ г. Некреси, за р. Алазанью)—двухъ учениковъ св. Іоанна Зедазнели. На одномъ изъ совѣщаній съ своими епископами католикосъ Евлавій предложилъ имъ избрать на праздныя каѳедры двоихъ изъ 13 сирійскихъ подвижниковъ. Предложеніе это единогласно было принято, но затрудненіе оказалось въ томъ, кого именно изъ 13 избрать во епископа. Было рѣшено рукоположить тѣхъ, которые въ день прибытія католикоса на гору Зедазенъ будутъ совершать литургію. Католикосъ отправился къ пустынникамъ и, придя въ храмъ, увидѣлъ, что божественную службу въ немъ совершалъ священникъ Авивъ съ діакономъ Іессеемъ. По окончаніи литургіи, католикосъ, взявъ правою рукою Авива, а лѣвою—Іессея,

поцѣловалъ каждаго изъ нихъ и сказалъ: «*радуйся, Авиве, епископъ Некресскій, и ты, Іессей, епископъ Цилканскій*»! Смущенные такимъ высокимъ призваніемъ, пресвитеръ и діаконъ умоляли католикоса не налагать на нихъ столь тяжкаго ига; но Евлавій возразилъ имъ. «*живъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ! не возвращу назадъ своего слова, объявленнаго вамъ по волѣ Божіей*». Подошедшій въ это время св. Іоаннъ Зедазнели сказалъ своимъ ученикамъ. «*дѣти мои, не противьтесь волѣ святительской; для того мы и пришли въ страну сію, чтобы въ различныхъ мѣстахъ ея трудиться во славу Божію*». Послѣ этого избранники не стали прекословить и послѣдовали за католикосомъ во Мцхетъ, гдѣ и были хиротонисаны во епископовъ, каждый въ назначенную ему епархію.

Удалившись въ свою епископію, св. Авивъ построилъ въ г. Некреси, на высокой горѣ, обитель, названную Виѳлеемомъ, во имя Рождества Христова, гдѣ и продолжалъ свои иноческіе подвиги, часто спускаясь въ самый городъ для священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія. Между тѣмъ Некресская епархія, равно какъ и вся южная часть Грузіи и Кахетіи подверглись нападенію персовъ. Пользуясь внутренними безпорядками Кахетіи, Хозрой, сынъ персидскаго шаха, завоевалъ Кахетію и заалбанскія области и разсѣялъ туземныхъ правителей. Не довольствуясь совершеннымъ покореніемъ Кахетіи, персы старались вездѣ истреблять слабые зачатки христіанства, обращали неутвержденныхъ въ вѣрѣ христіанъ вновь къ огнепоклонству, разрушали храмы Божіи и строили огнилища. Вся южная часть Грузіи и Кахетіи, тѣснимыя персами, готовы были принять огнепоклонство. Тоже было и съ епархіею Некресскою: она, по выраженію лѣтописца, «*со всѣхъ сторонъ была объята огнемъ*». Въ самомъ городѣ Некресѣ было огнилище, и жители какъ города, такъ и окрестностей, ходили къ нему для принесенія молитвъ и жертвъ языческимъ богамъ

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ св. Авивъ, ревнуя о славѣ Божіей, много и самоотверженно потру-

дился для искорененія огнеслуженія въ своей епархіи. Онъ залилъ водою огнилище въ Некресѣ, часто гасилъ священный языческій огонь и въ другихъ мѣстахъ своей епископіи. Съ крестомъ въ рукахъ ходилъ св. Авивъ по городамъ и селеніямъ епархіи, истребляя вездѣ грубыя заблужденія и суевѣрія. Дидойцы и другіе обитатели Кавказа, убѣжденные словомъ и жизнію этого подвижника, совершенно отпали отъ огнепоклонства и снова вступили въ нѣдра церкви православной. Въ короткое время своей проповѣднической дѣятельности св. епископъ Авивъ успѣлъ совершенно искоренить въ своей епархіи огнеслуженіе, потушить огнилища и даже обратить къ христіанству многихъ изъ персовъ.

Язычники сильно озлобились за это на архипастыря и рѣшились его погубить. Преслѣдуемый ими, св епископъ вынужденъ былъ удалиться изъ города Некреси въ одно укромное мѣсто, однако, онъ не покинулъ совершенно своей паствы, продолжая тайно посѣщать ее. Но онъ недолго оставался въ безопасности: онъ былъ схваченъ и, послѣ суда надъ нимъ, побитъ камнями. Страдальческое тѣло его похоронено было на мѣстѣ самой казни, а затѣмъ уже впослѣдствіи, по сверженіи персидскаго владычества, торжественно было перенесено другомъ его и сподвижникомъ, св. Шіо, при участіи католикоса, въ Мцхетскій каѳедральный соборъ, гдѣ оно покоится и донынѣ, сокрытое подъ престоломъ. Память его грузинская церковь установила совершать 29 ноября [47]).

Сподвижникъ св. Авива, преподобный Іосифъ Алавердели избралъ мѣстомъ своихъ апостольскихъ трудовъ *верхнюю часть* Кахетіи. Здѣсь онъ поселился недалеко отъ верховья рѣки Алазани, въ непроходимой, безлюдной и безплодной мѣстности, называемой Алавердской, гдѣ путемъ строгаго самовоспитанія, соединеннаго съ аскетическими подвигами, подготовлялъ себя къ просвѣтительной дѣятельности среди язычниковъ и нѣкоторое время жилъ въ совершенной неизвѣстности. Но вотъ однажды совершенно случайно встрѣтилъ преподобнаго въ пустынѣ одинъ

царедворецъ-звѣроловъ. Разспросивъ подвижника о его жизни, онъ былъ пораженъ тѣми великими подвигами, которымъ добровольно предавалъ себя отшельникъ. Эта встрѣча заставила царедворца подумать о своей прошлой жизни и рѣшиться оставить все мірское. Снова явившись къ нему, царедворецъ испросилъ у него позволеніе поселиться около него и, принявши постриженіе, жить подъ его руководствомъ. Скоро по всей Кахетіи разнеслась молва о постриженіи царедворца, а также и о святой жизни Іосифа. Отовсюду стали приходить къ нему ревнители подвижничества, и скоро изъ бѣдной палатки одинокаго отшельника образовалась обширная обитель. Стараніемъ и усердіемъ постриженнаго царедворца былъ построенъ храмъ во имя св. великомученика Георгія. Блаженный Іосифъ сдѣлался настоятелемъ многочисленной братіи; съ отеческою любовью онъ заботился о своемъ монастырѣ, который впослѣдствіи сдѣлался разсадникомъ духовнаго просвѣщенія въ верхней Кахетіи.

Наступило, наконецъ, время и апостольскихъ подвиговъ Іосифа Алавердели. Христіанство, насажденное въ Кахетіи св. Ниною, не успѣло еще окрѣпнуть въ умахъ и сердцахъ жителей страны; почти всюду держались языческихъ суевѣрій, съ которыми смѣшивались чистыя истины христіанства. Обстоятельство это побуждало св. Іосифа часто оставлять свое уединеніе и обходить съ Евангеліемъ и крестомъ въ рукахъ города и селенія Кахетіи. Народъ охотно слушалъ его наставленія и оставлялъ свои языческія заблужденія и обычаи. Для болѣе прочнаго успѣха своей проповѣди, а также для огражденія чистоты православія отъ другихъ вѣрованій, св. Іосифъ написалъ краткій катихизисъ, до насъ, впрочемъ, недошедшій, и роздалъ его священнослужителямъ, обязывая ихъ по этому руководству учить ввѣренную имъ паству. Предчувствуя свою близкую кончину, преподобный затворился въ своей келіи, предался совершенному безмолвію и постоянной молитвѣ и тамъ окончилъ мирно свою жизнь (во 2-й половинѣ VI вѣка). Братія похоронила тѣло его въ Алаверд-

с комъ храмѣ великомученика Георгія, гдѣ оно и почиваетъ подъ спудомъ. Память его 15 сентября [48]).

Послѣ смерти католикоса Евлавія († 560 г.), царь Парсманъ VI, по совѣту и вліянію св Іоанна Зедазнели, возвелъ на католикосскій престолъ Макарія, человѣка высоконравственной жизни и ученика свв. сирійскихъ отцовъ. При немъ собственно и начали строиться монастыри, изъ которыхъ особенно выдѣлялась по своему просвѣтительному значенію лавра св. Шіо, гдѣ впослѣдствіи была сосредоточена вся духовная образованность западной Грузіи. Исторія сохранила намъ въ своихъ древнихъ хартіяхъ простой по содержанію, но замѣчательный по своему внутреннему глубокому значенію для церкви иверской въ ея дальнѣйшей церковно-общественной жизни, разсказъ объ основаніи этой обители, расположенной въ 30 верстахъ отъ города Тифлиса, на сѣверо-западъ отъ него, въ мѣстности, называемой «Саркинети». Преподобный Шіо, любившій одинокую отшельническую жизнь, отправился съ горы Заденъ въ непроходимыя мѣста, лежащія на западъ отъ Мцхета. Вотъ онъ проходитъ ужасныя дикія скалы и безтрепетно вступаетъ въ глухое, безводное и безотрадное ущелье, наполненное дикими звѣрями и ядовитыми гадами. Это мѣсто, куда не ступала еще нога человѣка, понравилось преподобному. Онъ помѣстился здѣсь въ одной маленькой пещерѣ, гдѣ и началъ свою трудную подвижническую жизнь, въ пустынномъ уединеніи и въ безпрерывной внутренней борьбѣ воспитывая свой духъ для будущаго плодотворнаго служенія Грузіи, этой второй для себя родинѣ. Озаряемый по временамъ чудными видѣніями небожителей, особенно Богоматери, предсказавшей ему, что эта безотрадная пустыня впослѣдствіи наполнится благочестивыми людьми, подражателями его подвиговъ, св. Шіо еще ревностнѣе сталъ относиться къ дѣлу своего нравственнаго развитія и приближенія къ наивозможному на землѣ совершенству человѣческой души. Скоро Господу угодно было открыть и для міра этотъ дивный свѣтильникъ, чтобы онъ свѣтомъ евангель-

ской жизни озарилъ, какъ яркое солнце своими лучами, страну грузинскую. Однажды начальникъ Мцхетской крѣпости Евагрій отправился со своими рабами на охоту въ лѣса, за которыми было скрыто для міра скромное убѣжище великаго отшельника. Охотники. сопровождавшіе Евагрія, разсѣялись по разнымъ сторонамъ, а самъ онъ остановился недалеко отъ скрытой зеленью пещеры св. Шіо съ цѣлью выслѣдить звѣря, и вдругъ видитъ голубя съ ношею во рту, влетѣвшаго въ пещеру. Явленіе это повторилось и на другой день. Удивленный Евагрій пожелалъ узнать, чтобы это значило. Приблизившись къ пещерѣ, куда влетѣлъ голубь, онъ замѣтилъ монаха, стоящаго на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками. «*Кто ты и откуда, человѣкъ Божій?*»—спросилъ Евагрій преподобнаго. «*Я странникъ земли, всю надежду свою возложившій на Христа. Пребываю же въ этой малой пещерѣ, вдали отъ суеты мірской, чтобы безмятежно окончить здѣсь дни моей жизни и, всегда прославляя Бога, сдѣлаться Ему угоднымъ*»,—отвѣтилъ преподобный.

Дальнѣйшія бесѣды съ подвижникомъ заставили Евагрія отказаться отъ высокаго положенія въ свѣтѣ и стать ученикомъ св. Шіо, съ которымъ онъ сталъ раздѣлять съ этихъ поръ тернистый иноческій путь къ небу и нравственному совершенству. Поступокъ Евагрія привелъ къ тому, что имя преподобнаго Шіо получило широкую извѣстность въ окрестностяхъ и къ нему стали приходить многіе изъ грузинъ, которые и селились вокругъ пещеры отшельника, подражая примѣру его святой жизни. Такъ основалась великая лавра Шіо, обитатели которой, во время наибольшаго расцвѣта иноческой жизни, числомъ болѣе 5000, жили въ пещерахъ, выдолбленныхъ въ высокихъ скалахъ, окружающихъ св. обитель. Отсюда иноки, какъ яркія звѣзды на небѣ, свѣтили грузинской землѣ святостью своей жизни, и, сбрасывая съ себя оковы суетнаго міра, восходили къ небесамъ, спасаясь отъ бурь, волновавшихъ міръ, являли примѣры самоотверженія, святой вѣры и чистой нравственности. Грузинскіе

цари и вельможи, неоднократно испытавшіе на себѣ силу молитвъ преподобнаго Шіо, щедро одаряли великую лавру. Извѣстно, напримѣръ, завѣщаніе царя Давида Возобновителя, построившаго въ монастырѣ большую церковь въ честь Успенія Богоматери, подъ сводами которой похоронены предки знаменитыхъ людей Грузіи, какъ-то князей Амилохваровыхъ, Зедгинидзе, Тусіевыхъ, Гурамовыхъ и другихъ, а также и бренные остатки тѣхъ изъ католикосовъ Иверіи, которые, удалившись отъ управленія, послѣдніе дни своей жизни проводили въ Шіо-Мгвимской обители. Этотъ царь подарилъ монастырю множество селъ и деревень и освободилъ принадлежащія ему имѣнія отъ всякаго рода пошлинъ и податей [49]).

Одновременно съ св. Шіо другой ученикъ великаго Іоанна Зедазнели, преподобный Давидъ, прозванный впослѣдствіи по мѣсту своей отшельнической жизни Гареджійскимъ, избралъ для своихъ апостольскихъ трудовъ городъ Тифлисъ. Здѣсь онъ уединился вдали отъ населенной части города, на горѣ Мтацминда, находящейся на западной его сторонѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь св. Давида. Устроивъ себѣ небольшую пещеру для жилья, а для молитвы—маленькую часовню съ поставленною въ ней иконой Спасителя, св. отшельникъ горячо здѣсь молился за погибающихъ и уклоняющихся отъ евангельскаго ученія людей. Преданіе говоритъ, что дивный старецъ спускался съ горы къ жителямъ Тифлиса каждый четвергъ и своими увлекательными бесѣдами поддерживалъ и утверждалъ въ нихъ христіанское ученіе. Это не понравилось огнепоклонникамъ и нѣкоторымъ недоброжелателямъ св. Давида. Желая парализовать его вліяніе на народъ, враги возвели на преподобнаго страшную клевету.

Вотъ что передаетъ объ этомъ одно сказаніе, досихъ поръ сохраняемое въ памяти грузинскаго народа. На мѣстѣ нынѣшней Квашоэтской св. Георгіевской церкви жила дочь (по другому сказанію—монахиня) одного изъ обывателей города Тифлиса. Дѣвица эта, соблазненная кѣмъ то, сдѣлалась беременной. Когда о такомъ безчестіи узналъ

народъ, то потребовалъ отъ нея выдачи виновника, и она, подученная и подкупленная врагами преподобнаго Давида, оклеветала послѣдняго, указавъ на него, какъ на своего соблазнителя. Великаго подвижника потребовали на судъ. Святой явился и всенародно обнаружилъ свою правоту. Дотронувшись посохомъ до чрева клеветницы, онъ спросилъ зачатаго въ немъ ребенка «*Я ли отецъ твой*»? Совершилось дивное чудо. Изъ утробы обольщенной дѣвицы явственно для всѣхъ присутствующихъ послышался голосъ: «*Не ты*», и при этомъ назвалъ какого-то кузнеца. Тогда св. Давидъ сказалъ ей: «*Да родишь ты камень*». Вдругъ она почувствовала мучительно-страшныя боли и, дѣйствительно, родила камень, который и послужилъ, какъ говорятъ, основаніемъ Квашоэтской св. Георгія церкви въ Тифлисѣ (по—грузински «ква» значить «камень», а «шва»—родила»).

Въ память этого событія преподобный Давидъ испросилъ у Бога источникъ живой воды, который имѣлъ бы силу оплодотворять неплодныхъ женщинъ. Это—тотъ самый источникъ чистой ключевой воды, который находится на сѣверо-западномъ углу отъ церкви св. Давида, привлекая къ себѣ по четвергамъ множество бездѣтныхъ богомолокъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого событія, преподобный Давидъ удалился съ своимъ ученикомъ Лукіаномъ въ Гареджійскія горы, расположенныя между рѣками Курою и Іорою, въ 60 верстахъ къ юго-востоку отъ Тифлиса. Эта пустыня весьма сурова и дика: сверху жгучее солнце, подъ ногами раскаленный песокъ и камни; на всемъ пространствѣ пустыни ни привѣтливой пальмы ни лѣсного деревца. Гранитныя скалы, тамъ и здѣсь раскиданныя въ безпорядкѣ, грозно и дико смотрѣли на пришельца. Однако, великій подвижникъ поселился въ такомъ безлюдномъ и безплодномъ мѣстѣ и сталъ проводить жизнь, исполненную трудовъ, подвиговъ и лишеній. Пищею его, главнымъ образомъ, было оленье молоко, которое онъ получалъ отъ оленьихъ самокъ, прибѣ-

гавшихъ по временамъ къ нему въ пустыню. Молокомъ онъ питался каждый день, кромѣ среды и пятницы. Въ эти два дня онъ не принималъ никакой пищи и время проводилъ въ молитвѣ съ воздѣтыми къ небу руками. Святая жизнь Давида низвела на него съ неба даръ чудотворенія.

Въ пустынѣ Гареджійской св. Давидъ основалъ обитель, которая впослѣдствіи обратилась въ знаменитую лавру, эту грузинскую Ѳиваиду, сдѣлавшуюся разсадницей духовно-гражданскаго просвѣщенія для всей юго-восточной Грузіи. По своему уединенію и безмолвію располагающая къ глубокому созерцанію природы и къ благоговѣйному размышленію о ея Творцѣ, Гареджа, казалось, самимъ Промыслomъ была предназначена для иной, высшей, нежели земная, жизни. И дѣйствительно, тутъ, въ безводной и безплодной пустынѣ караязской, возсіяла грузинская Ѳиваида, подобная той, которая существовала въ Египтѣ въ первые вѣка христіанства. Пробудилась окрестная мертвая степь. Чистымъ и свѣтлымъ ключемъ забила въ ней благодатная жизнь отшельниковъ. Неусыпными трудами, смѣняемыми горячими къ Богу молитвами, въ скалахъ пустынныхъ горъ св. Давидъ и его ученики высѣкли множество пещеръ. Архитектоническія формы ихъ показываютъ, что однѣ изъ нихъ устроены по плану церкви, а другія имѣли спеціальное назначеніе служить для жилыхъ помѣщеній иноковъ. Изъ этихъ пещеръ образовался своеобразный обширный монашескій городъ, раскинутый безконечной вереницей на трехъ террасахъ по скату Гареджійской горы. Выдолбленныхъ келій и церквей въ окрестностяхъ Давидо-Гареджійской пустыни насчитываютъ болѣе 5000.

Эта обитель воспитала и подготовила много архипастырей, пастырей и великихъ подвижниковъ церкви иверской, ревниво охранявшихъ чистоту Христовой вѣры посреди темной массы дикихъ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ народовъ, окружавшихъ Грузію.

Устроивъ пещерныя обители и водворивъ въ нихъ порядокъ иноческой жизни, заимствованный изъ Палестины, гдѣ еще ранѣе VI вѣка зародилось грузинское монашество и гдѣ было до 20 монастырей, наполненныхъ исключительно иверійцами [50]), св. Давидъ Гареджійскій захотѣлъ исполнить всегдашнее свое пламенное желаніе видѣть Іерусалимъ и поклониться его святынямъ, и онъ отправляется туда съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Послѣ продолжительнаго и труднаго путешествія по опаснымъ въ то время мѣстамъ, св Давидъ достигъ уже было желаемой цѣли. Но когда странники дошли до мѣста, носившаго названіе «*Вершина Благодати*», откуда открывался взорамъ путешественника священный и дивный въ своемъ величіи Іерусалимъ, внезапный ужасъ объялъ великаго подвижника, и глубокое чувство смиренія проникло въ самую глубину его святой души. Онъ въ раздумьи остановился и отказался продолжать дальнѣйшій путь. «*Какъ я могу осмѣлиться*»—говорилъ онъ—«*своими грѣшными ногами попирать слѣды Богочеловѣка, ходить по мѣстамъ, освященнымъ Его святѣйшими стопами?.*» Напрасно уговаривали его ученики продолжать путь къ Іерусалиму. «*Довольно съ меня и того*»—отвѣчалъ смиренный старецъ,—«*что я своими грѣшными очами удостоился видѣть святыя мѣста, хотя издали*». Учениковъ же своихъ, какъ бы болѣе себя достойныхъ, отправилъ онъ для поклоненія іерусалимскимъ святынямъ, а самъ взялъ себѣ въ благословеніе «*три камня св. земли*», оросилъ ихъ горячими слезами и пошелъ въ обратный путь съ успокоеннымъ сердцемъ, что милосердный Богъ далъ ему возможность увидѣть священный Іерусалимъ, къ которому онъ такъ давно и страстно стремился изъ своей Гареджійской пустыни.

Но такое величіе смиренной души св. Давида не осталось безызвѣстнымъ для жителей Іерусалима.

Въ сонномъ видѣніи патріарху этого города Ильи Господь послалъ своего ангела сказать: «*Мой возлюбленный рабъ Давидъ, приблизившись къ Іерусалиму, взялъ съ собою его благодать. Теперь же отправь скороходовъ, чтобы догнать его, идуща-*

го за городомъ, одѣтаго въ рубища и держащаго въ рукѣ корзинку, въ которой лежатъ три камня, и взявъ у него тѣ камни, возвратить ему только одинъ и сказать: такъ повелѣваетъ тебѣ Богъ—по вѣрѣ твоей—взята тобою благодать Моего города Іерусалима, но Мнѣ угодно, чтобы двѣ части ты возвратилъ Іерусалиму, а третью часть даю для пустыни твоей на память о вѣрѣ твоей». Повѣленіе Божіе было исполнено. Посланные патріархомъ скороходы догнали преподобнаго и разсказали ему все относительно взятыхъ имъ трехъ камней, прося его отъ имени архипастыря іерусалимской церкви войти въ городъ. Великій подвижникъ отъ всего сердца возблагодарилъ Бога за всѣ Его милости къ нему, отдалъ два камня скороходамъ, но исполнить просьбу патріарха изъ чувства глубокаго своего смиренія отказался,—и съ однимъ малымъ камнемъ, вѣсомъ 69 золотниковъ, возвратился онъ, къ общей радости ожидавшей его братіи, въ свою пустыню, гдѣ и положилъ этотъ «*благодатный камень*», отъ котораго до сихъ поръ являются чудеса. [51]).

Вскорѣ св. Давидъ мирно окончилъ свои дни въ возлюбленной имъ пустынѣ, оставивъ воспитанныхъ имъ иноковъ продолжать на землѣ иверской святое дѣло просвѣщенія страны и указывать ей путь къ достиженію идеальнаго человѣческаго счастья чрезъ борьбу съ порочными наклонностями поврежденнаго грѣхомъ сердца [52]).

Не менѣе знаменитъ былъ и третій ученикъ св. Іоанна Зедазнели, преподобный Антоній, основатель Мартмкопскаго монастыря. Этотъ подвижникъ преимущественно посвятилъ себя, по приходѣ своемъ въ Грузію, *миссіонерской* дѣятельности. Онъ прежде всего отправился въ Кахетію на дальній подвигъ благовѣстія среди горцевъ, около Зедазнійской горы, изъ которыхъ многихъ обратилъ въ христіанство. Затѣмъ, обходя съ проповѣдью разныя мѣста Кахетіи, перешелъ Іално, восточный склонъ Зедазнійскихъ горъ. Здѣсь онъ, вмѣстѣ съ своими спутниками, избралъ для жительства Лопотанское ущелье, гдѣ и поселился въ сосѣдствѣ съ дидойцами и лезгинами. Своею подвижническою жизнью и чудесами св. Антоній пріоб-

рѣлъ между жителями горъ много послѣдователей, для которыхъ за рѣкою Алазанью устроилъ монастырь, а самъ, стремясь къ уединенію поселился недалеко отъ мѣстечка Ахмета, но и здѣсь онъ недолго оставался въ неизвѣстности.

Скоро мѣстопребываніе подвижника было открыто мѣстными жителями, и они во множествѣ стали посѣщать его, прославляя Бога за тѣ чудеса, которыя совершались преподобнымъ Антоніемъ среди нихъ. Отсюда смиренный угодникъ Божій, не заботясь о славѣ человѣческой, удаляется въ лѣсную и непроходимую гору Акріанскую, получившую впослѣдствіи отъ его уединенной жизни названіе Мартмкопской. Но и здѣсь этотъ яркій свѣтильникъ былъ найденъ охотниками, преслѣдовавшими дикихъ ланей, которыя питали св. подвижника своимъ молокомъ.

Съ этого времени уединенное мѣсто отшельника сдѣлалось отраднымъ убѣжищемъ для желающихъ подвизаться въ аскетическихъ подвигахъ. Отсюда свѣтъ высокодобродѣтельной и строго-нравственной жизни преподобнаго Антонія озарялъ своими лучами новопросвѣщенныхъ грузинъ и утверждалъ ихъ въ вѣрѣ христіанской. Аскетическая, можно сказать, неземная жизнь св. отшельника, дивный даръ чудотвореній и въ изобиліи даруемыя имъ исцѣленія привлекли къ нему со всѣхъ сторонъ людей, стремящихся къ идеальной жизни и желающихъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ высокимъ запросамъ своей души,—и эти люди быстро наполнили собою мѣсто уединенія св. Антонія, а равно и основанный имъ Мартмкопскій монастырь. Первою заботою преподобнаго явилось устройство между многочисленными иноками самаго порядка общежительной монастырской жизни.

Когда это дѣло было исполнено, св. Антоній выбралъ недалеко отъ своей новой обители уединенное и необитаемое мѣсто на высокомъ утесѣ Мартмкопской горы и воздвигъ для себя каменный столбъ или башню, въ 6 саж. высоты, съ маленькою церковью во имя младшаго

Сумеона Столпника (+596 г.), собственно по инициативѣ котораго каппадокійскіе подвижники и отправились въ Грузію,—и остатокъ дней своихъ провелъ на этомъ высокомъ столбѣ. И здѣсь также уединеніе преподобнаго было нарушаемо мѣстными жителями, которые въ большомъ числѣ приходили сюда молиться предъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, принесеннымъ въ Грузію св. Антоніемъ изъ Сиріи [53]).

Другія обители—св. Іосифа Алавердскаго и Стефана Хирскаго—служили центромъ просвѣщенія и распространенія христіанства въ сѣверо-восточной Грузіи.

Монастыри остальныхъ сирійскихъ отцевъ, игравшіе въ судьбѣ Иверіи немаловажную роль, были также построены и освящены при католикосѣ Грузіи Макаріи.

Миссіонерская дѣятельность свв. сирійскихъ подвижниковъ, этихъ прямыхъ продолжателей апостольскихъ трудовъ св. Нины, привела къ тому что христіанство прочно утвердилось среди оссовъ, шапсуговъ лазовъ, абхазцевъ и другихъ горскихъ племенъ, входившихъ въ составъ грузинскаго царства. Впрочемъ, дѣло это продолжалось, но только въ болѣе широкомъ размѣрѣ, и въ послѣдующіе вѣка грузинскими иноками, монастыри которыхъ представляли собою миссіонерскія станціи-крѣпости, гдѣ именно и группировались главныя силы въ борьбѣ съ инославной пропагандой и антинаціональными стремленіями. Эти миссіонерскія станціи оказали Грузіи великую заслугу въ дѣлѣ распространенія христіанскаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, укрѣпляя въ многострадальномъ народѣ національное самосознаніе, расшатанное и поколебленное иноплеменнымъ владычествомъ, и являясь въ тоже время разсадникомъ многихъ ревностныхъ и просвѣщенныхъ пастырей, учителей, священнослужителей и предстоятелей церкви. Въ тогдашней Грузіи, какъ и въ Россіи, только одно монашество и давало доступъ къ занятію высокихъ степеней церковной іерархіи: католикоса, митрополита, архіепископа и епископовъ.

Подобно свв. Антонію и Ѳеодосію Кіево-печерскимъ, первымъ основателямъ монашества въ Россіи, свв. каппадокійскіе подвижники положили начало пустынножительству, которое во всѣ послѣдующіе вѣка, поднявши духовный ростъ Грузіи, надолго обезопасило ея религіозную святыню, вѣру православную, отъ чужихъ посягательствъ, и это потому, что подвижничество свв. отцовъ не небыло отвлеченнымъ и въ себя замкнувшимся, но, наоборотъ, стояло всегда въ тѣсной и неразрывной связи съ интересами общественно-религіозной жизни и наложило свой отпечатокъ на внѣшній и внутренній бытъ грузинской церкви. Указывая современному ему обществу на высшій идеалъ нравственнаго совершенства, грузинское монашество въ тоже самое время служило для него примѣромъ житейской домовитости, трудолюбія и т. п. Иверскіе отшельники своими трудами, сочиненіями и личными глубоко-назидательными бесѣдами имѣли, внѣ всякаго сомнѣнія, огромное вліяніе какъ въ жизни собственно монастырской, такъ и въ нравственно религіозной тогдашней Грузіи.

Начиная со второй половины VII вѣка и въ теченіе всего дальнѣйшаго времени, когда бѣдствія Иверіи дѣлаются особенно тяжелыми, продолжительными до безпрерывности, отъ разрушительныхъ, какъ снѣжная лавина, нашествій несмѣтныхъ полчищъ фанатическихъ послѣдователей Магомета, стремившихся обратить въ мусульманство силою оружія весь тогдашній міръ,—грузинское иночество, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, является для церкви и страны великой и могучей нравственной силой, цѣлительнымъ бальзамомъ для многострадальнаго государственнаго тѣла православной Грузіи.—*Иверское монашество—милосердный самарянинъ для впадшаго въ руки разбойниковъ грузина.*—Словомъ, всѣ нужды и всѣ потребности древней Грузіи находили самый искренній и сердечный откликъ въ монашествующихъ, которые, стремясь къ отечеству небесному, всегда были самыми вѣрными до послѣднихъ дней своей жизни слугами своего земного отечества—Грузіи. Не ограничиваясь непосредственнымъ воздѣйствіемъ на

умственно-нравственную жизнь народа, грузинскіе монахи, при дѣятельной и весьма щедрой иногда поддержкѣ царей и сановниковъ государства, открывали у себя особенно въ X и XI столѣтіяхъ духовно-учебныя заведенія, въ которыхъ, кромѣ, спеціально-богословскихъ наукъ, преподавали еще поэзію, математику,—архитектуру, пѣніе, иконописаніе, переплетное ремесло и проч. И рѣдкій изъ сыновъ Грузіи не проходилъ начальной школы подъ руководствомъ иверійскаго монаха. Грузинскимъ инокамъ и монастырямъ православная Грузія обязана сохраненіемъ многихъ памятниковъ греческой духовной литературы въ грузинскомъ переводѣ оригиналы которыхъ навсегда утеряны для богословской и исторической науки.

Благодаря просвѣтительному вліянію опытныхъ старцевъ, изъ грузинскихъ монастырей выходили: а) выдающіеся богословы-экзегеты, умѣло и прекрасно выяснявшіе самыя высокія истины христіанскаго ученія, б) замѣчательные философы, подобно пчеламъ, извлекавшіе изъ нѣдръ классической литературы все полезное для своего отечества и даже составившіе свои комментаріи и философскія разсужденія; в) извѣстные историки, слѣдившіе за событіями въ Грузіи, глубиною своего взора проникавшіе въ самый сокровенный смыслъ этихъ событій, отмѣчающіе болѣе выдающіеся изъ нихъ въ своихъ лѣтописяхъ, сопровождая каждую запись тѣми или другими, но непремѣнно благочестивыми разсужденіями и размышленіями; г) краснорѣчивые проповѣдники, пріобрѣтавшіе своимъ вдохновеннымъ словомъ тысячи смиренныхъ слугъ небесному Господину Христу—и, наконецъ, д) великіе поэты, которые въ своихъ произведеніяхъ вдохновлялись словомъ Божіимъ и святоотеческими твореніями.

Труды грузинскихъ иноковъ на пользу родного края, ихъ обширныя рукописныя сокровища, завѣщанныя отдаленному потомству, и теперь продолжаютъ удивлять ученыхъ изслѣдователей древней грузинской письменности своимъ разнообразіемъ и энциклопедическимъ характеромъ.

Сознавая великое просвѣтительное значеніе монастырей, лучшіе изъ грузинскихъ царей ревностно воздвигали иноческія обители «*для мира и молитвы*» какъ въ самой Грузіи, такъ и внѣ оной, и всегда заботились о нихъ, удѣляя на ихъ содержаніе $^1/_4$ всѣхъ государственныхъ доходовъ, освобождали отъ многихъ повинностей и предоставляли имъ право свободно пользоваться доходами съ своихъ земель и распоряжаться своими крестьянами безъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Особеннымъ же покровительствомъ среди царей пользовалась Иверская обитель, основанная въ 980 году на Аѳонѣ, съ ея ученымъ «*братствомъ иверіанъ*», въ которой впослѣдствіи богословская школа съ знаменитой библіотекой имѣла просвѣтительное значеніе и для славянъ, особенно для русскихъ.—[54]).

Богато обезпеченное матеріальное положеніе грузинскихъ монастырей способствовало тому, что они становились пріютами для всѣхъ несчастныхъ, гонимыхъ и угнетенныхъ, которыхъ грузинскіе монахи съ радостію принимали и отводили имъ мѣста для поселенія на монастырской землѣ; изъ этихъ поселенцевъ набиралось католикосское войско, наряду съ царской арміей, защищавшее Грузію отъ нападавшихъ на нее враговъ.

Особенно сильно и ярко выступаютъ заслуги монашества и монастырей въ періодъ времени между XIII—XVI вѣками. Въ это скорбное время естественнымъ послѣдствіемъ магометанскаго гнета былъ упадокъ въ странѣ культурно-политической и нравственно-религіозной жизни грузинскаго народа. На помощь обществу пришла церковь, которая, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, преимущественно монашествующихъ, осуждала его нравственное паденіе и призывала членовъ его уходить изъ развращеннаго пороками міра въ монастырь, какъ единственное убѣжище отъ бурныхъ волненій житейскаго моря. Могучій въ религіозномъ отношеніи духъ грузинскаго древняго иночества нравственно освѣжалъ и воодушевлялъ многострадальный народъ къ мужественному пере-

несенію несчастій въ горькія минуты его историческаго существованія.

Пока процвѣтали монастыри въ Грузіи, пока они исполняли свое назначеніе, православная иверская церковь имѣла въ нихъ надежный оплотъ противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Но не умолимое время и разрушительная рука людей, а также сосредоточеніе дѣятельности монаховъ преимущественно на *«хозяйственной сторонѣ»* монастырской жизни, наложили печать свою на эти религіозно-просвѣтительные центры страны. Безпрерывныя почти нападенія и разоренія Грузіи персами, арабами, хозарами, турками и кавказскими горцами, въ связи съ внутреннимъ разложеніемъ иноческой жизни, сокрушили и разрушили грузинскіе монастыри.

Прослѣдивъ, хотя и бѣгло, исторію первыхъ дней основанія въ Грузіи монашества, переживъ душею его пышный расцвѣтъ и горькіе вѣка его страданій, завершившихся почти окончательнымъ его упадкомъ въ странѣ, нельзя не согласиться въ тоже время съ преосвященнымъ Киріономъ, знатокомъ грузинской церковной исторіи, что, дѣствительно, *«нѣтъ другой христіанской страны, гдѣ монастырская жизнь была бы такъ развита и имѣла бы такое великое историческое значеніе, какъ въ многострадальной Грузіи. Врядъ ли можно найти въ исторіи человѣчества какое либо политическое или церковное общество, которое бы больше принесло жертвъ и больше пролило крови въ защиту православной вѣры и народности, чѣмъ сколько это сдѣлало грузинское духовенство вообще и воспитавшее его монашество въ особенности. Въ наитруднѣйшія и роковыя для страны времена, когда мусульманская сила гремѣла въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, когда имя Магомета возвышалось въ св. Софіи въ Царьградѣ, и когда отъ страха предъ магометанами умолкли колокола на христіанскихъ церквахъ, грузинскіе монахи вели отчаянную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доблестную борьбу не только съ мусульманами, но и съ кознями римской куріи. По огромному вліянію грузинскаго монашества на судьбу отечественной церкви, исторія его сдѣлалась неотъемлемою и самою главною частью грузинской церковно-исторической жизни, ея многоцѣннымъ укра-*

шеніемъ, безъ котораго исторія послѣдующихъ вѣковъ была бы безцвѣтна, непонятна, безжизненна». [55]).

Отпаденіе армянъ отъ православной вѣры произошло по слѣдующей причинѣ. Появились противоборцы постановленіямъ каждаго вселенскаго собора, посѣвающіе плевелы ереси; появились противники и халкидонскаго собора; это были разъяренные волки, Евтихій и Діоскоръ, которые, подобно Арію, Македонію и Несторію, проклятымъ и погибшимъ, возстали противъ тѣхъ, которые были со Христомъ, и сдѣлались причиною погибели безчисленныхъ невинныхъ душъ. Въ царствованіе въ Греціи Аркадія (395—408) и въ Арменіи Аршака армяне были тверды въ греческой вѣрѣ, ибо вѣра эта проповѣдана была имъ Григоріемъ Парѳяниномъ. Они храбро защищали страну свою отъ вторженія персовъ, и цари греческіе помогали имъ и подкрѣпляли. Но Аркадій, сынъ Ѳеодосія, оставилъ армянъ безъ должнаго вниманія, персы одолѣли ихъ, обратили въ бѣгство. Скитающіеся по Элекеціи армяне умоляли Аркадія прислать имъ военную силу, дабы отвоевать Арменію, но онъ не внялъ ихъ мольбамъ. Тогда армяне предпочли предаться персамъ, сдѣлались ихъ данниками и клятвенно увѣрили персидскаго царя, что положатъ голову въ борьбѣ съ греками, соединившись съ персами. Персидскій царь весьма обрадовался и вернулъ армянамъ отечество; нѣкоторое время послѣ того армяне оставались правовѣрными, но потомъ сторонники безбожнаго Несторія убѣдили царя персовъ отторгнуть армянъ отъ правой греческой вѣры и царь Перозъ *) приказалъ армянамъ принять ересь Несторія, армяне отказались принять его предложеніе, но царь повелѣлъ или принять несторіанство, или оставить отечество. Весьма опечалились армяне, устроили совѣщаніе и рѣшеніе дѣла представили на благоусмотрѣніе католикоса Нерсе (Меджина). Онъ же заблагоразсудилъ, что «*въ данную минуту предпочтительнѣе для армянъ отпасть отъ грековъ, нежели лишиться*

*) Ормуздъ III и братъ его Фирузъ царствовали въ Персіи съ 457 по 488 годъ.

отечества и скитаться по чужбинѣ». Они (армяне) послали людей просить царя персовъ дать имъ вѣру яковитскую. Царь прислалъ имъ девять яковитскихъ учителей, хитрыхъ, какъ лисицъ, и они исказили ниву св. Григорія, многими подвигами и слезами выращенную. Учителями этими были Абдидой, Петрозъ, Симонъ, Яковъ, и они принесли книги Филакса Юліана Галикарнасскаго, Тимофея Эллурія и Североса Нашикели, созвали соборъ въ Двинѣ и въ Трисвятую пѣснь внесли слово «*хачецарь*» т. е. «распныйся за ны» и тѣмъ приписали страданіе невредимой силѣ Божества и Безсмертному смерть. Такъ и отпали отъ правой вѣры и, установивъ «*араджори*», сказали: «*это и есть день нашего вѣрованія*», и отвергли постановленіе халкидонскаго собора.

Киріонъ, католикосъ грузинскій и Абаза, католикосъ геретскій (кахетинскій), узнавъ объ этомъ стали упрекать армянъ, что они оставили вѣру, данную Григоріемъ Парѳяниномъ, и стали слушаться Абдиба ассирійскаго и другихъ ересеучителей. Тогда армяне сказали государю персидскому, что грузины держатся вѣры римской. Такія пререканія между грузинами и армянами не прекращались въ католикосство Нерсе, котораго потомъ замѣнилъ Авраамъ. Тогда грузинскій католикосъ Киріонъ низвергъ цуртавскаго епископа Моисея, поставленнаго св. Шушаникою *), и изгналъ его; Авраамъ потребовалъ возвратить отнятую каѳедру—Киріонъ отказалъ. Раздоры увеличились. Авраамъ **), призвавъ араратскихъ священниковъ, сказалъ имъ: «*Или отвергните халкидонскій соборъ, или же откажитесь отъ занимаемыхъ вами мѣстъ*». Нѣкоторые от-

*) Св. Шушаника похоронена въ церкви тифлисскаго Метехскаго замка.

**) Это тотъ самый Авраамъ, который въ 579 году объявилъ паствѣ: „Мы приказали объ иверцахъ: отнюдь не имѣть съ ними сообщенія, ни въ молитвѣ, ни въ ѣдѣ, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, ни въ кормленіи дѣтей, не ходить молиться къ кресту православному въ Мцхетѣ, ни къ кресту Манглиса; не принимать ихъ въ наши церкви; удаляться отъ браковъ съ ними; только покупать и продавать имъ какъ евреямъ". (Каганткатваци, стр. 216).

вергли постановленіе св. халкидонскаго собора, иные же за неповиновеніе были изгнаны. Авраама замѣнилъ Комитосъ, человѣкъ богатый, любящій пышно одѣваться, украшать посохъ свой драгоцѣнными камнями. Споръ о халкидонскомъ соборѣ при немъ еще болѣе разросся. Уступивъ геретинскому католикосу семь епископскихъ каѳедръ, Комитосъ склонилъ и его на свою сторону, сивнельскому (карабахскому) епископу далъ крестъ, дабы онъ ходилъ предъ нимъ какъ католикосъ, расширилъ паству и другихъ епископовъ и такимъ образомъ возстановилъ всю Арменію противъ халкидонскаго собора. Онъ вооружилъ противъ постановленія этого собора нѣкоего Майре-Гвемели, проклятаго Іоанна, называемаго учителемъ, обѣщавъ ему свой престолъ. Комитосъ предложилъ ему перевести еретическія книги Тимоѳея (александрійскаго патріарха, прозваннаго Эллуріемъ), Петроса Гнафа, прозваннаго волкомъ, Северія и др. еретиковъ, и переводы эти сталъ выдавать за сочиненія православныхъ учителей, св. Саака и Моисея, и увѣрилъ въ этомъ всю Арменію. Сочинилъ также много ученій, измѣнилъ каноны и порядки старые, ввелъ новые, лживые. Такъ перепуталось все старое и не утвердилось новое. И все это онъ дѣлалъ рукою Іоанна Майре-Гвемели, который потрудился тщетно, ибо не достигъ желаемаго: всякое зло творилъ для полученія престола (католикосскаго), но напрасно, ибо на престолъ взошелъ нѣкій Христофоръ, врагъ Майре-Гвемели. Христофора свергли, но и это не утѣшило Іоанна, ибо католикосомъ сдѣлался Езра, который сталъ притѣснять хитраго Іоанна. Такъ исполнилось видѣніе св. Григорія о томъ, что наступитъ время, когда нѣкоторыя овцы стада его отпадутъ, превратятся въ волковъ и, напавъ на другихъ овецъ, станутъ пожирать ихъ, и видѣніе св. Саака о томъ, что прекратится царствованіе Аршакуніевъ и святительствованіе рода св. Григорія. Много обѣщаній давалъ царь Хосрой католикосу Нерсе, прозванному Шуай, что по-армянски значитъ Меджинъ-Средній, и онъ, вмѣстѣ съ армянами, отпалъ отъ вѣры греческой и іерусалимской. А

вся Грузія и четвертая часть Арменіи отказались отъ общенія съ армянами при хиротоніи епископовъ, геретинцы и сивны *) сдѣлали тоже самое, но вскорѣ они опять покорились нѣкоему Нерсесу, который красилъ бороду. Католикосъ Іоаннъ, созвавъ соборъ въ Маназкертѣ, постановилъ совершать таинство евхаристіи на опрѣснокахъ съ виномъ, неразбавленномъ водою, и тѣмъ онъ пошелъ противъ св. Писанія, гдѣ апостолъ говоритъ: «*Тріе суть свидѣтельствующіе: Духъ, кровь и вода*». Раздоры продолжались. Умеръ Ваанъ Мамкѳенъ, вернувшій Арменіи правую вѣру царя Тиридата **). Персы овладѣли Арменіей, у дворянъ отняли право управлять страною и передали его епископамъ и хорепископамъ, преданнымъ Персіи. Иные католикосы Арменіи усыновили персидскихъ царей, напримѣръ, Кавада (491—531), епископы возгордились и сдѣлались недоступными даже для дворянъ, оставшихся преданными родному краю. Дворяне не могли вынести такого униженія: Варданъ Мамкѳенъ и др. дворяне возстали, убили персидскаго сатрапа Сурена, дома враговъ предали пламени, а сами съ своими семействами убѣжали въ Константинополь. Императоръ Юстиніанъ, желая избавить церковь отъ раскола, пригласилъ въ Константинополь на соборъ армянскихъ епископовъ, и соборъ этотъ единогласно подтвердилъ и принялъ постановленіе Халкидонскаго собора, предалъ проклятію и анаѳемѣ противниковъ его Тогда строился Софійскій соборъ. Армяне, довольные исходомъ дѣла, испросили позволеніе на ихъ счетъ достроить западныя врата строющагося собора, императоръ принялъ ихъ предложеніе, армяне дали 100,000 серебряниковъ, и съ того времени западныя врата Софійскаго собора стали называться «*армянскими вратами*». Они вернулись въ отечество, гдѣ одни приняли единеніе церквей, иные же, какъ змѣи, возмутили народъ и подняли

*) Сюнію (Карабагъ) грузины называли Сивніей или Сіономъ (Сіони, сіонели—сивнели сюнецъ. Ср. іорели—іврели (о-в).

**) Тиридата, котораго крестилъ Григорій Парѳянинъ. Мамкѳенъ—Мамиконіанъ.

его противъ единенія. Императоръ Маврикій (582—602) послалъ въ Арменію великаго зорваря Мушелъ Мамквена и чрезъ него царемъ Арменіи объявилъ Хосрова, подчинившаго императору свое государство, начиная съ Двина. Мушелъ былъ богато вознагражденъ и отправленъ въ Константинополь, гдѣ онъ не принялъ участія въ торжествѣ празднованія Воздвиженія Креста; царь спросилъ о причинѣ, онъ объявилъ, что не признаетъ постановленія халкидонскаго собора и два естества въ Іисусѣ Христѣ. «*Какъ же все это признали и утвердили*»,—говорилъ ему царь,—«*Варданъ и подобные ему дворяне, а также ваши наставники?*»—«*По невѣжеству или изъ страха предъ вами*»—продолжалъ Мушелъ,—«*пусть ваше христолюбивое царствованіе прикажетъ созвать соборъ и наши наставники откроютъ истину*». Императоръ приказалъ армянскому католикосу Моисею и всѣмъ епископамъ армянскимъ прибыть въ Константинополь для изслѣдованія и утвержденія истины. Моисей не принялъ приглашенія, а посламъ сказалъ: «*Не переступлю я чрезъ рѣку Азацъ, которая служитъ границею Персіи, не буду пить хльба греческаго*»; отказались поѣхать и епископы васпураканскіе, находящіеся подъ властію персовъ, но отправились туда епископъ таронскій и др. подвластные грекамъ епископы, опять изслѣдовали, обсудили, утвердили постановленіе халкидонскаго собора и вернулись въ отечество, гдѣ съ ними не согласились католикосъ Моисей и подвластные персамъ епископы; тогда первые избрали себѣ особаго католикоса, Іоанна Гогвители, и такимъ образомъ раскололась Арменія.

Раздоры между сторонами продолжались до смерти Маврикія (+602), а въ 605 году персы побѣдили грековъ въ Басіанѣ, разграбили городъ Китриджи, въ 606 году Ахмадъ плѣнилъ карнукалакцевъ (эрзерумцевъ) и католикоса Іоанна, сторонника грековъ, и въ томъ же году католикосъ Моисей изгналъ священниковъ, преданныхъ католикосу Іоанну, и они частію отправились въ Грецію, а частію скрылись въ Тао (въ Таоскари).

Прошло нѣсколько лѣтъ. Прибылъ въ Арменію императоръ Ираклій (610—642) и опечалился, что армяне находятся въ заблужденіи. Онъ приказалъ созвать въ Карнукалакѣ (Эрзерумѣ) всѣхъ епископовъ и Эзру, католикоса армянскаго. Всѣ явились на соборъ (въ 628 году), всѣ согласились съ постановленіемъ халкидонскаго собора, дали письменное обязательство, что отнюдь не будутъ жить въ противорѣчіи съ греческой церковью, и разошлись. Вернувшись же въ Двинъ, многіе опять отпали отъ грековъ, католикосъ же Эзра остался вѣренъ грекамъ. По смерти Эзры, католикосомъ сдѣлался Нерсе Ишхнели (†въ 661 г), мужъ праведный и благомыслящій, а послѣ него Анастасій (661—667). Ересь стала усиленно распространяться и разростаться по всей Арменіи. *)

ГЛАВА V.

Начало борьбы Грузіи съ исламомъ. Нашествіе арабовъ. Св. мученикъ Або. Вторженіе въ Грузію Мурвана Глухого и свв. мученики Давидъ и Константинъ, князья Арцветскіе. Борьба грузинъ съ турками-сельджуками. Св. царь Давидъ III Возобновитель и Георгій III.

На зарѣ своей самостоятельной церковно-исторической жизни Грузіи суждено было начать многовѣковую борьбу съ могущественнымъ исламомъ. Въ 642 году полководецъ Омара Халидъ, прозванный *«мечомъ Божьимъ»*, посланъ былъ для завоеванія Иверіи. Карталинія съ Ка-

*) См. газету „Кавказъ“ за 1904 г. № 20. Свѣдѣнія объ этомъ заимствованы изъ „Сказанія“ католикоса мцхетскаго Арсенія (X вѣка).

хетіей, Имеретія, Мингрелія и Абхазія были безжалостно опустошены. Арабы врывались въ церкви и монастыри, въ которыхъ молящихся христіанъ предавали пламени или истребляли мечемъ. Отъ полуживого старика до грудного младенца,—все становилось неизбѣжною жертвою оружія арабовъ, слѣды побѣднаго шествія которыхъ обозначались дымящимися развалинами. Все, что только напоминало здѣсь христіанство, подвергалось разворенію и поруганію. Костьми были усѣяны поля несчастной страны и кровью политы ея нивы, не крики веселья и довольства раздавались съ одного ея края до другого, но плачъ и стоны живыхъ надъ трупами родныхъ и близкихъ сердцу. Во время этого вторженія, по словамъ царевича Вахуштія, были сожжены во Мцхетѣ соборъ и крестовая церковь за Арагвой, что противъ мцхетскаго храма. Изъ послѣдней ограбленъ былъ крестъ, сооруженный еще во времена Миріана, но, вслѣдствіе открывшейся въ пути эпидеміи, погубившей весьма много изъ непріятельскаго войска, былъ возвращенъ съ почестями обратно въ Крестовую церковь. [56]) Царственный Тифлисъ на 400 лѣтъ сдѣлался мѣстопребываніемъ арабскихъ намѣстниковъ.

Особенно же печальна была судьба восточной Грузіи, въ которой арабы преслѣдовали все христіанское. Въ это время Карталиніей правилъ Нерсесъ, сынъ Адарнаса I (619—639) Куропалата, котораго оклеветали его враги предъ эмиромъ сарациновъ Мумни-Абдалой. Нерсесъ былъ вызванъ въ Багдадъ и отданъ подъ стражу, гдѣ три года томился въ заточеніи, не имѣя рѣшительно никакой возможности оказать помощь своимъ бѣдствующимъ подданнымъ, на которыхъ арабы воздвигли страшное гоненіе. Современный этимъ событіямъ дѣписатель въ слѣдующихъ мрачныхъ чертахъ описываетъ состояніе тогдашней Грузіи: «*властелины наши въ настоящее время коварнымъ своимъ ученіемъ многихъ соблазнили и отвратили отъ пути правды и истины Христова Евангелія, отклонили отъ истиннаго ученія Бога Христа тѣхъ, которые за 500 лѣтъ и еще прежде приведены были къ вѣрѣ и благочестію святою благо-

датію крещенія, и нынѣ представляются они то съ юныхъ лѣтъ обращенными къ вѣрѣ магометанъ, то насиліемъ, то вслѣдствіе бѣдности и недостатка, и волнуются, какъ трость, колеблемая вѣтромъ».

Единовѣрные греки, будучи сами обезсилены въ непрерывной борьбѣ съ персами и арабами, тянувшейся около ста лѣтъ, не могли оказать защиты грузинскому народу. Казалось, что раздробленное царство иверское, раздираемое, кромѣ того, бѣдственными племенными и династическими раздорами, находится на краю погибели.

Но милосердный Богъ среди постигшихъ несчастій и гоненій не оставилъ христіанскую страну на произволъ судьбы, внушивъ правителю Багдада, эмиру Альмумену, мысль освободить изъ заточенія невиннаго узника Нерсеса. Получивъ инвеституру на управленіе картвельскимъ царствомъ, Нерсесъ возвратился въ свое отечество, вмѣстѣ съ 18-лѣтнимъ персидскимъ юношею Або. Новое нашествіе эмира на Грузію и новое неудовольствіе его на Нерсеса принудили послѣдняго оставить беззащитную Карталинію и, вмѣстѣ съ Або и своею дружиною, удалиться чрезъ Дарьялы въ страну хозаръ. Здѣсь, внѣ своего отечества, будучи въ совершенной безопасности отъ магометанъ, Або отъ мѣстныхъ священниковъ принялъ св. крещеніе. Изъ Хазаріи Нерсесъ и его неразлучные спутники отправились въ Абхазію, гдѣ, подъ вліяніемъ христіанъ, св. Або все болѣе и болѣе укрѣплялся въ вѣрѣ Христовой и приготовлялся къ принятію мученическаго вѣнца. Стефанозъ, сынъ Гургена, племянникъ Нерсеса, назначенный по распоряженію эмира правителемъ опустошеннаго и раззореннаго карталинскаго царства, упросилъ своего дядю возвратиться въ городъ Тифлисъ. Христіане Абхазіи убѣждали св. Або остаться среди нихъ, говоря, что «*Тифлисомъ, Карталиніей и Кахетіею владѣютъ сарацины, которые, узнавъ о твоемъ происхожденіи, употребятъ всѣ силы и средства снова обратить тебя къ религіи магометанской, и дѣло спасенія, которое ты такъ славно началъ, должно погибнуть*», но св. Або не страшился грозившей ему опасности

и послѣдовалъ за своимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ Нерсесомъ, онъ прибылъ въ Карталинію, и здѣсь примѣромъ своей жизни много содѣйствовалъ укрѣпленію въ вѣрѣ христіанъ грузинскихъ, обличая въ то-же время своихъ единоплеменниковъ и проповѣдуя имъ спасительное ученіе Христа. Ревность его къ христіанству и строго-подвижническая жизнь возбудили глубокую и непримиримую ненависть въ магометанахъ. Начальникъ арабовъ, по доносамъ враговъ св. Або, взялъ его подъ стражу, но, благодаря заступничеству правителя Карталиніи Стефаноза, онъ получилъ свободу, хотя и не надолго. Магометане не переставали увѣщевать св. Або всѣми способами отречься отъ Христа и возвратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ. Самъ эмиръ нѣсколько разъ призывалъ его къ себѣ и уговаривалъ отречься отъ Христа, но всѣ его увѣщанія не имѣли успѣха.

Видя непоколебимую твердость св. исповѣдника, эмиръ приказалъ снова бросить его въ темницу. Предчувствуя, что ему не будетъ пощады, св. Або сталъ готовиться къ мученической смерти. Онъ продалъ свою верхнюю одежду, купилъ на вырученныя деньги ладону и свѣчей и, разославъ ихъ по всѣмъ тифлисскимъ церквамъ, просилъ священниковъ помолиться о немъ Господу, а самъ до разсвѣта въ молитвенномъ подвигѣ ожидалъ прихода своихъ палачей. Пріобщившись въ самый день Богоявленія св. Таинъ, онъ помазалъ голову свою елеемъ и сказалъ: «*теперь я готовъ!*»—Явившіеся воины взяли его изъ темницы, чтобы, согласно безповоротному рѣшенію эмира, подвергнуть смертной казни. Арабы повлекли св. исповѣдника за городъ и во дворѣ храма 40 мучениковъ сняли съ него желѣзныя цѣпи. Радостно сталъ св. Або на колѣни и, сложивъ крестообразно руки, наклонилъ голову свою подъ мечъ, произнося умилительныя слова покаявшагося на крестѣ разбойника. Три раза ударили его тупою стороною меча, въ четвертый же отсѣкли голову.

Не желая, чтобы св. останки его сдѣлались предметомъ почитанія христіанъ, арабы сожгли тѣло мученика

близъ Метехскаго моста, называемаго въ настоящее время «*мостомъ мучениковъ*», а недогорѣвшія кости и пепелъ бросили въ рѣку Куру, на днѣ которой св. Або нашелъ свою безвременную могилу. Въ день смерти (6 января 686 или 690 года), ночью, Господь прославилъ своего мученика: надъ мѣстомъ, гдѣ пылалъ костеръ съ тѣломъ страдальца, явилась ярко-свѣтящаяся звѣзда, озарившая чуднымъ блескомъ весь Тифлисъ, а на другой день изъ подъ Метехскаго моста выходилъ огненный столбъ и, остановившись надъ Курою, освѣщалъ окрестности города. Дивныя эти явленія поразили всѣхъ жителей Тифлиса, и каждый почти изъ нихъ стремился къ тому мѣсту, гдѣ былъ замученъ вѣрный рабъ Христовъ, и земля, обагренная пролитою за истину кровью св. страдальца, получила даръ исцѣленій.

Многіе обитатели города Тифлиса впослѣдствіи для увѣковѣченія въ памяти потомства самаго мѣста мученія св. Або поставили на немъ сначала крестъ, а затѣмъ воздвигли и часовню, которая приписана въ настоящее время къ тифлисскому Спасо-Преображенскому монастырю на Авлабарѣ. [57]).

Мученическая кровь православныхъ сыновъ Грузіи въ нашествіе арабскихъ завоевателей, имѣвшая мѣсто въ 730—1 годахъ, обильно лилась не только въ восточной ея половинѣ, но и въ западной, куда также вторгся съ несмѣтными своими полчищами Мурванъ Глухой, послѣдній халифъ изъ дома Омайядовъ. Вся страна безжалостно подверглась страшному опустошенію, и мѣстные жители Кутаисской губерніи до сихъ поръ сохранили память о немъ, съ плачемъ указывая въ разныхъ мѣстахъ Имеретіи остатки храмовъ и деревень, разрушенныхъ и опустошенныхъ жестокимъ завоевателемъ. Владѣтели восточной части Имеретіи, князья Аргветскіе Давидъ и Константинъ встрѣтили передовыя дружины Мурвана и одержали надъ ними свою первую и единственную побѣду. Раздраженный халифъ двинулся на храбрыхъ побѣдителей со всѣми своими силами и, послѣ несчастной для имеретинцевъ битвы,

отважные князья Давидъ и Константинъ взяты были въ плѣнъ и представлены къ нему въ Кутаисъ на судъ. «*Кто вы, осмѣлившіеся поднять оружіе противъ меня*»?—грозно спросилъ ихъ Мурванъ. «*Развѣ вы не знаете*»—продолжалъ онъ,—«*что я—племянникъ Магомета, которому поклоняется вся Аравія и Персія, и что оружіемъ моимъ покорена вся земля—отъ востока до запада?*»—«*Мы—христіане*», смиренно отвѣтили они—«*а Магометъ, столь славно тобой превозносимый, былъ обманщикомъ и губителемъ людей, и всѣ, кто принялъ его ученіе, обманулись. Не обманывайся и ты, не гордись своею властью. Знай, что Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, въ Котораго мы вѣруемъ, сильнѣе тебя Онъ наказалъ насъ за наши грѣхи, но не совершенно оставилъ,—накажетъ и тебя и весь родъ твой*»!—

Эти слова мужественныхъ братьевъ заставили Мурвана перемѣнить свою тактику въ обращеніи съ ними. онъ попытался тогда ласковыми и льстивыми рѣчами склонить свв. князей къ принятію магометанства, обѣщая предоставить имъ высшія должности при своемъ дворѣ. «*Нѣтъ*», отвѣчали мученики,—«*не хотимъ быть нарушителями обѣтовъ св. крещенія. Дѣлай съ нами, что хочешь, но не думай, что мы отступимъ отъ истинной вѣры своей.*

Тогда раздраженный Мурванъ, подвергнувъ предварительно свв. братьевъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ мученьямъ и пыткамъ, приказалъ бросить ихъ въ темницу, куда чрезъ 10 дней послалъ хитрыхъ и опытныхъ въ вопросахъ вѣры своихъ имамовъ и волхвовъ съ порученіемъ склонить Давида и Константина къ принятію магометанства. Но и эта попытка совратителей окончилась для нихъ полною неудачей, и Мурванъ принужденъ былъ произнести жестокій по исполненію приговоръ: «*подвергнуть обоихъ братьевъ предварительно позорному бичеванію, привязавъ ихъ къ столбу головами внизъ, а затѣмъ, повѣсивъ имъ на шеи тяжелые камни, бросить со скалы въ рѣку Ріонъ*». Свв. мученики просили только дать имъ немного времени для молитвы и облегчить нѣсколько тяжелое бремя. По окончаніи молитвы и бичеванія, они были брошены въ Ріонъ (2 октября 740 года), немного ниже того мѣста, гдѣ находилась церковь

свв. Козьмы и Дамiана, въ старомъ городѣ Кутаисѣ, на горѣ. Въ ту же самую минуту, какъ только совершилась казнь свв. мучениковъ, словно отголосокъ ихъ пламенной молитвы, прокатился по небу ужасный громъ, устрашившiй мучителей—аравитянъ, которые быстро разбѣжались по разнымъ мѣстамъ, но рука Божiя всюду преслѣдовала ихъ: сильный дождь, градъ и внезапное наводненiе истребили большую часть полчищъ Мурвана. Чудный голосъ и небесное сiянiе привлекли на берегъ Рiона нѣкоторыхъ воиновъ изъ отряда погибшихъ такъ грагически Аргветскихъ князей, и они съ честью подняли выброшенныя волнами рѣки тѣла ихъ и положили въ древнемъ погребальномъ склепѣ, надъ которымъ находилась полуразрушенная церковь Благовѣщенiя.

300 лѣтъ лежали здѣсь св. мощи, пока, наконецъ, въ 1040 году мученики—братья въ ночномъ видѣнiи не явились къ царю Баграту и не повелѣли ему открыть мощи ихъ и перенести въ самую церковь. Царь Багратъ торжественно перенесъ святыя тѣла Давида и Константина въ обновленную имъ церковь Благовѣщенiя, которая впослѣдствiи была обращена въ монастырь, получившiй названiе «*Моцаметскаго*», недалеко отъ города Кутаиса, въ 6 верстахъ отъ него по направленiю къ востоку, въ глубокомъ ущельѣ, на крутой скалѣ, окруженной съ трехъ сторонъ такъ называемою Красною рѣчкою,—гдѣ и почиваютъ въ настоящее время открыто, лицемъ къ лицу, въ одномъ деревянномъ гробѣ, вложенномъ въ новую бронзовую раку, покрытую позолотой и серебромъ. [58]) Немного ранѣе палъ мученикомъ, вмѣстѣ со многими своими вѣрноподданными, царь Арчилъ II (668—718).

Почти цѣлое столѣтiе Грузiя служила театромъ всевозможныхъ жестокостей со стороны магометанъ. Въ концѣ VIII вѣка въ западной Иверiи возвышается знаменитый родъ Багратидовъ (Багратiоновъ), который, завладѣвъ грузинскимъ престоломъ, на тысячу лѣтъ соединилъ свою судьбу съ судьбою многострадальнаго царства. Эта новая династiя вела свой родъ отъ iудейскаго царя и пророка

Давида. На фамильномъ гербѣ Багратидовъ, понынѣ сохраняемомъ въ домѣ ихъ потомковъ, князей грузинскихъ, изображается праща, убившая Голіаѳа, гусли Давида, вѣсы—символъ царственной правды и мудрости, и хитонъ Господень; гербъ окруженъ надписью изъ псалма 131: «*клялся Господь Давиду въ истинѣ и не отречется ея: отъ плода чрева твоего посажу на престолѣ твоемъ*». При этой династіи однообразіе исторической борьбы съ персіанами было нарушено нашествіемъ новыхъ завоевателей—аравитянъ, которые съ огнемъ и мечемъ проповѣдывали коранъ тамъ, гдѣ еще не успѣли потухнуть жертвенники огнепоклонства. [59]).

Въ IX столѣтіи арабы все еще крѣпко держатся въ средоточіи Грузіи—Тифлисѣ, обременяя всю страну тяжелою данью; но уже не видно съ ихъ стороны такихъ безпощадныхъ опустошеній, какія отъ нихъ часто терпѣла Грузія, а ослабѣвшій фанатизмъ ихъ даетъ здѣсь больше простора и безопасности самому христіанству. Воспользовавшись ослабленіемъ фанатизма у арабовъ и упадкомъ ихъ престижа, Ашотъ, куропалатъ Грузіи (787—826), нанесъ могуществу ихъ значительный ударъ.

Въ началѣ X вѣка распалась могущественная держава аббасидовъ, просуществовавшая немного болѣе двухъ вѣковъ. Халифатство пало, но православной Грузіи отъ этого не стало легче, такъ какъ ей угрожала новая опасность—нашествіе турокъ. Воспользовавшись слабостію Византіи, не имѣющей возможности дать серьезный отпоръ, турки-сельджуки, подъ предводительствомъ Альпъ-Арслана, въ 1064 г. наводнили раздробленную Грузію несмѣтными полчищами. Тысячи плѣнныхъ грузинъ были сожигаемы въ храмахъ и монастыряхъ: церкви были обращены въ конскія стойла; священники, принося безкровную жертву, сами становились кровавою жертвою у алтаря Господня; старцы и мужи были избиты; женщины насиловались и поругаема была стыдливость юношей. При этомъ опустошеніи, по словамъ Картлисъ-Цховреба, были разорены султаномъ всѣ церкви, села и деревни принадлежа-

щія Мцхетскому храму, за исключеніемъ самаго собора, истреблено было такъ много населенія, что отъ множества валяющихся труповъ, люди не находили мѣста для своего пребыванія. Жители, побросавъ села и деревни, спасались въ горныхъ ущельяхъ и лѣсахъ [60]). Приписывая все постигшее насчастье гнѣву Божію за грѣхи, народъ, по свидѣтельству «Картлисъ-Цховреба», видѣлъ поразительныя явленія на небѣ, изъ багровыхъ облаковъ, носившихся надъ Грузіею, проливные дожди крови и освѣщеніе ночной тьмы какимъ-то ужасающимъ зрѣніе свѣтомъ

Но, наконецъ, грозныя тучи прояснились и на ясно-лазурномъ небѣ печальной Грузіи взошло величественное солнце, въ сіяніи котораго потонулъ полумѣсяцъ, эта эмблема, враждебнаго религіи Христовой, исламизма. Этимъ солнцемъ былъ Давидъ III Возобновитель (1089—1125). При немъ, по словамъ историка С. Баратова, «*долго безмолствовавшія горы и долины Грузіи огласились вновь торжественнымъ звономъ церковныхъ колоколовъ и, вмѣсто рыданій, раздались пѣсни веселыхъ поселянъ*».

Вступивъ на престолъ въ 1088 году 16-ти лѣтнимъ юношею, Давидъ III озаботился прежде всего возстановить миръ и спокойствіе въ своей странѣ, потушить всякіе внутренніе раздоры и междоусобія, исходившіе отъ своеволія и корысти нѣкоторыхъ владѣтельныхъ князей, отпавшія области вновь присоединить къ Грузіи и возстановить поколебленное уваженіе къ св. вѣрѣ и царской власти. Все это, конечно, было дѣломъ нелегкимъ, но оно являлось неотложнымъ и совершилось Давидомъ III съ полнымъ успѣхомъ путемъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ. Возстановивъ внутреннее спокойствіе въ своемъ царствѣ, Давидъ III позаботился очистить страну и отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ вѣры и отечества. Онъ усмирилъ и сдѣлалъ своими подданными нѣкоторыя дикія языческія племена, безпокоившія безпрерывными хищническими набѣгами предѣлы Грузіи, горцевъ—осетинъ, по временамъ разорявшихъ сѣверныя области Иверіи, подчи-

нилъ своей власти и почти всѣхъ обратилъ въ христіанство. Окончательно ослабилъ и злѣйшихъ своихъ враговъ—турецкія полчища, часть которыхъ отвлечена была отъ предѣловъ Грузіи на югъ къ Іерусалиму для борьбы съ крестоносцами.

Умный, просвѣщенный и богобоязненный царь не могъ не обратить своего вниманія и на состояніе церковно-религіозной жизни грузинъ, въ которой много тогда было ненормальнаго. Пользуясь смутнымъ временемъ, люди знатные, хотя и недостойные, захватили епископскія каѳедры и настоятельство главныхъ монастырей, которыми и управляли самовольно, обращая всѣ доходы въ свою личную пользу. Изъ-за корысти поставляли они столь же недостойныхъ священниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы поучать народъ словомъ и жизнію, подавали ему примѣръ крайняго нечестія и разврата Впрочемъ, упадокъ нравственности замѣчался въ то время и во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Вслѣдствіе столкновеній съ язычниками и магометанами, многіе грузины переняли отъ тѣхъ и другихъ нѣкоторые религіозные обряды и обычаи, а потому и религіозно-нравственная жизнь ихъ представляла собою смѣсь христіанскихъ и языческихъ вѣрованій. Въ нѣкоторыя мѣста Грузіи проникли различныя еретическія ученія. Чистотѣ христіанской вѣры грозила, такимъ образомъ, опасность, а глубокій упадокъ нравственности могъ поколебать въ основѣ семейную и общественную жизнь. Давидъ III не могъ, конечно, спокойно смотрѣть на возрастающее зло въ своемъ царствѣ и вынужденъ былъ принять серьезныя мѣры къ его искорененію. Созванный имъ соборъ въ 1103 году въ г. Руисѣ (въ Карталиніи) изъ многихъ епископовъ и священниковъ, оставшихся вѣрными своему высокому призванію, нѣсколько упорядочилъ церковную жизнь· недостойные епископы и пресвитеры были низложены и осуждены на покаяніе. а на мѣсто ихъ избраны были и поставлены достойные люди. На этомъ же соборѣ было утверждено православное исповѣданіе вѣры и изданы многія правила, касавшіяся

церковнаго порядка и поведенія христіанъ. Правила эти были прибиты для обнародованія на каменныхъ столбахъ Мцхетскаго патріаршаго собора и въ Руисскомъ каѳедральномъ храмѣ, гдѣ созванъ былъ соборъ.

Цѣня высоко монастыри и храмы, какъ разсадники духовнаго просвѣщенія, опору православія и средоточіе наукъ, царь Давидъ III много заботился о возстановленіи раззоренныхъ и опустошенныхъ обителей и храмовъ и о построеніи новыхъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ сооруженный имъ въ центрѣ его царства, близъ города Кутаиса, храмъ въ честь св. великомученика Георгія, патрона и хранителя какъ его самого, такъ и всего его царства. Храмъ этотъ, при которомъ вскорѣ же образовалась Гаенатская (Гелатская) обитель, былъ предметомъ особенныхъ заботъ Давида III. Богатствомъ, красотою и обиліемъ разноцвѣтныхъ мраморовъ зданіе это превосходило все, что до того времени сооружалось въ Иверіи. Въ украшеніи этого славнаго и сохранившагося до нашихъ дней святилища принимали участіе и греческіе императоры, родственные царямъ грузинскимъ Царственный строитель и возобновитель Грузіи Давидъ III не жалѣлъ для храмовъ ни золота, ни серебра, заботясь въ то-же время объ обезпеченіи ихъ земельными надѣлами и разными угодьями.

Вообще грузинскія лѣтописи характеризируютъ Давида III, какъ человѣка высокаго христіанскаго благочестія и христіанской настроенности. Любимымъ занятіемъ царя въ домашнемъ быту было чтеніе божественныхъ книгъ. Часто отправляясь въ походъ противъ враговъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ Евангеліе и читалъ его, не слѣзая съ коня. Святая душа Давида сказалась также и въ заботахъ о несчастныхъ и обездоленныхъ судьбою: для нихъ на собственныя средства онъ сооружалъ богадѣльни и больницы, куда часто приходилъ, чтобы утѣшить больныхъ, перевязать имъ раны и собственноручно накормить. Словомъ, во всемъ онъ служилъ достойнымъ подражанія примѣромъ для своихъ подданныхъ.

Народъ жилъ спокойно и благоденствовалъ, вознося къ небу молитвы за любимаго царя. Громкая слава о немъ распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Великая душа Давида III заключалась въ исполинскомъ тѣлѣ въ перстень его, въ прошломъ 1904 году похищенный злоумышленниками изъ Гелатскаго монастыря, могли свободно входить два пальца. Преданіе гласитъ, что онъ имѣлъ неимовѣрную силу, и что собственноручно носилъ громадные камни для постройки храмовъ. Скончался онъ въ 1125 году. Большая гранитная плита съ надписью: «*се покой въ вѣкъ вѣка*»—до настоящаго времени лежитъ надъ его священной для каждаго грузина могилой въ созданной имъ Гелатской обители. [61]).

Послѣ св. Давида III Возобновителя, во время царствованія Георгія III (1150—1172 г.), султаны сельджукскіе и хоросанскіе не разъ соединенными силами нападаютъ на Грузію съ намѣреніемъ разомъ сокрушить ее, какъ преграду, которая задерживала ихъ ожесточенный напоръ на завоеванную крестоносцами Палестину, но грузины мужественно отражали всѣ эти нападенія. Несмотря на происки византійскаго двора, съ завистью смотрѣвшаго на возраставшее могущество грузинскаго царства и потому всячески мѣшавшаго Багратидамъ объединить всѣ грузинскія земли и уничтожить феодализмъ, Грузія усилилась настолько, что уже могла возвысить свой голосъ въ защиту гонимаго православія и, по мѣрѣ силъ, облегчать участь христіанъ Востока. [62]).

ГЛАВА VI.

Вѣкъ знаменитой царицы Тамары. Попытка грузинъ принять участіе въ крестовыхъ походахъ. Нашествіе хоросанскаго султана Джелалъ-Эддина Макберни и монголовъ. Начало римско-католической пропаганды въ Грузіи. Царь Димитрій Самопожертвователь. Прибытіе новыхъ латинскихъ миссіонеровъ въ Грузію.

Вѣкъ знаменитой Тамары (1172—1212), въ лицѣ которой блистательно сочетались царственныя доблести со всѣми добродѣтелями женщины и истинной христіанки, былъ зенитомъ славы Грузіи и благоденствія отечественной церкви. [63])

По смерти грузинскаго царя Георгія III, ближайшимъ наслѣдникомъ престола царскаго оказалась 20-ти-лѣтняя дочь его Тамара, отдавшая вскорѣ свою руку русскому князю Георгію, сыну Андрея Боголюбскаго. Бракъ этотъ оказался несчастнымъ: развратная жизнь Георгія принудила Тамару удалить его отъ себя, и католикосъ, расторгнувъ бракъ, объявилъ царицу свободною вступить во второе супружество. Только убѣжденія духовенства, вельможъ и народа заставили Тамару избрать себѣ супругомъ единокровнаго осетинскаго князя, изъ фамиліи Багратидовъ, Давида Сослана.

Царственная женщина, по выходѣ своемъ замужъ, поставила первою своею задачею усмиреніе сарацинъ, персовъ и турокъ, вторгавшихся съ разныхъ сторонъ въ предѣлы Иверіи и производившихъ въ ней опустошенія. Богъ видимо благославлялъ оружіе грузинъ. Тамара успѣла, хотя и не надолгое время, соединить подъ своею державою Абхазію, Имеретію, Мингрелію, Осетію, часть Дагестана, Карталинію и Кахетію.

Съ могуществомъ Иверіи возрастало и ея богатство, изъ котораго царица многое удѣляла на добрыя дѣла:

она любила сооружать и украшать храмы Божіи какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и внѣ его. Между храмами, построенными Тамарою собственно въ Грузіи, особенно замѣчательны: храмъ во имя Св. Троицы, находящійся въ сѣверной части Кахетіи, на лѣвомъ берегу рѣки Алазани и храмъ во имя Божіей Матери въ Вардзіи, близъ Ахалциха. Ей, между прочимъ, приписываютъ постройку многихъ башень и церквей на вершинахъ высокихъ горъ и въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ. Грузины сохранили любопытное преданіе о способѣ переноски строительнаго матеріала къ мѣсту постройки церквей: когда Тамара намѣревалась сооружать храмъ, то разставляла свое войско въ такомъ порядкѣ, чтобы послѣдній воинъ стоялъ на самомъ мѣстѣ постройки, а первый—у подошвы горы, на берегу рѣки, вообще около строительнаго матеріала. Такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, св. иконы, церковная утварь и проч. На украшенія храмовъ царица не щадила сокровищъ и для содержанія причта жертвовала огромныя помѣстья. Легендарная исторія, приписывающая Тамарѣ всѣ замѣчательные памятники Грузіи, недалека отъ истины, потому, что множество этихъ памятниковъ оставлено именно ею. Она написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи. Церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ ущелій на Черномъ и Каспійскомъ поморьѣ и даже по ту сторону горъ—нѣмые свидѣтели ея величавой эпохи. Въ Карталинскомъ ущельѣ понынѣ видны развалины одного изъ храмовъ, созданныхъ Тамарою, особенно памятнаго тѣмъ, что въ немъ хранилась нѣкогда чудотворная икона Иверской Божіей Матери, драгоцѣнный даръ Тамары осетинскому народу, родственному ей по мужу. Храмъ этотъ два раза былъ разрушенъ пожаромъ, и два раза икону Богоматери находили подъ грудою развалинъ и пепла невредимою. Самый поэтическій памятникъ Тамары—Вардзія, «Замокъ Розъ». Верхнюю Карталинію Тамара почитала лучшимъ перломъ своего вѣнца, и тамъ, въ окрестностяхъ Ахалциха, въ крутой обрывистой ска-

лѣ, она вырубила этотъ роскошный дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ до 360 покоевъ.

Путешественникъ и понынѣ можетъ видѣть остатки этого величественнаго царскаго жилища, въ которомъ среди келій и коридоровъ въ нѣдрахъ земли сохранился храмъ огромныхъ размѣровъ, украшенный фресками, и посреди этихъ фресокъ какое-то странное и волнующее впечатлѣніе производитъ изображеніе самой древней полумиѳической царицы, во весь ростъ стоящей передъ зрителемъ. Тутъ же, въ боковомъ придѣлѣ церкви, виденъ каменный балдахинъ, подъ которымъ, какъ думаютъ, была похоронена Тамара, скончавшаяся въ своемъ любимомъ «Замкѣ Розъ» въ 1212 году. [64]).

Слѣдуя примѣру своего предка, царя Давида III Возобновителя, Тамара посылала богатые вклады въ разныя мѣста Византіи, въ Іерусалимъ, на Аѳонскую гору, Синай и другія мѣста. Щедрость ея въ этомъ отношеніи была безпримѣрная, и о проявленіяхъ ея грузинскія лѣтописи передаютъ немало сказаній. Извѣстенъ, напримѣръ, такой фактъ: собираясь однажды въ Гелатскій монастырь къ обѣднѣ, она прикрѣпляла лалы (драгоцѣнные камни) къ своей царской повязкѣ, и въ это самое время прислуга подошла къ ней сказать, что какая-то нищая проситъ милостыню у дверей ея царскаго терема. Тамара велѣла подождать нищей; но когда, по выходѣ изъ своей палаты, хотѣла подать ей милостыню, то нищей не оказалось. Смущенная царица, упрекая себя, что отказала бѣдной въ милостынѣ, сняла съ себя то, что было причиною ея замедленія, т. е. свою повязку изъ лалъ, и надѣла ее на вѣнецъ иконы Хохульской Богоматери, писанной, по преданію, евангелистомъ Лукою и принесенной въ Грузію апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. Икона эта находится въ настоящее время въ Гелатскомъ монастырѣ.

Отличаясь благотворительностью, Тамара, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно заботилась о просвѣщеніи своего народа. Всюду она открывала народныя церковныя школы, оказывала особое покровительство учителямъ, писателямъ и

ученымъ людямъ. Время ея царствованія считается золотымъ вѣкомъ грузинской литературы какъ духовной, такъ и свѣтской.

Подобно Давиду III Возобновителю, великая царица не могла остаться равнодушною къ тѣмъ безпорядкамъ въ церковныхъ дѣлахъ, какіе появились было въ ея царствованіе. Для искорененія ихъ она созвала изъ епископовъ и священниковъ соборъ во Мцхетѣ, который и установилъ въ грузинской церкви порядки, согласные съ устройствомъ церкви греческой. [65]).

Въ видахъ облегченія судьбы христіанъ восточныхъ и поддержанія пошатнувшейся царской отрасли византійской династіи Комненовъ, Тамара завоевала сѣверную часть Малой Азіи и образовала тамъ особое христіанское государство, которое и вручила находившемуся при ея дворѣ внуку императора Андроника I, Алексію I, давъ ему титулъ Трапезундскаго императора. Эта имперія, какъ политическая база, была воздвигнута въ противовѣсъ варварской династіи латинянъ, чтобы помѣшать окончательному водворенію ея на православномъ востокѣ и при первой же возможности вырвать Византію изъ рукъ крестоносцевъ.

Тамара—лучезарное свѣтило Грузіи—мудрымъ до геніальности своимъ управленіемъ водворила въ своемъ отечествѣ судъ и милость, правду и истину. [66]).

Невольно останавливаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи, странѣ полувосточной, гдѣ женщинѣ въ общественномъ строѣ отведено такое незначительное мѣсто, высшій идеалъ человѣка нашелъ себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины. Св. Нина—идеалъ высоты нравственной, царица Тамара—идеалъ героя и мудраго правителя. Нина и Тамара—самыя любимыя имена грузинъ. [67]).

Съ кончиною Тамары все измѣнилось, какъ будто бы она унесла съ собою въ могилу счастливые дни своей родины. Блистательное царствованіе ея стоитъ на чертѣ всего славнаго и всего горькаго, посѣтившаго Грузію. Преемникъ Тамары—Георгій IV Лаша (1212—1223)—извѣ-

стенъ только тѣмъ, что, будучи извѣщенъ спеціальнымъ посланцемъ отъ крестоносцевъ, собралъ войско и приготовился итти къ нимъ на помощь, но задуманное святое намѣреніе царя не осуществилось вслѣдствіе того, что въ это время нагрянули на Грузію полчища новыхъ завоевателей—монголовъ, которые и отвлекли силы грузинъ отъ Святой Земли. А вскорѣ, затѣмъ, въ 1223 году послѣдовала и смерть самого царя. [68]).

На престолъ вступила Русудань (1223—1247), недостойная дочь Тамары, унаслѣдовавшая отъ знаменитой матери величавую красоту, но не ея царственныя доблести. Онато и была причиною перваго разгрома Грузіи. Претендентъ на ея руку и сердце, хоросанскій султанъ Джелалъ-Эддинъ Макберни, получивъ отъ царицы категорическій въ своемъ сватовствѣ отказъ, въ 1226 году съ огромною арміею двинулся на Грузію, прошелъ съ огнемъ и мечемъ ея южныя провинціи, вырѣзалъ все почти населеніе и взялъ Тифлисъ, которому онъ жестоко огомстилъ за нанесенное ему царицей оскорбленіе. По словамъ лѣтописца, «въ безграничномъ звѣрствѣ своемъ враги истребляли христіанъ такъ, что всѣ улицы, овраги и ямы были переполнены убитыми Султанъ приказалъ разрушить всѣ церкви до основанія, и дерзость его дошла до того, что онъ велѣлъ снять куполъ съ Сіонскаго собора, устроить на высотѣ храма сѣдалище и для входа туда сдѣлать мостъ длинный, высокій и удобный. Были поставлены иконы Спасителя и Сіонской Божіей Матери по срединѣ моста надъ рѣкою. Связанныхъ попарно обоего пола людей приводили къ мосту, принуждали попирать ногами иконы и отказываться отъ вѣры Христовой, а въ случаяхъ сопротивленія отсѣкали имъ головы. Весьма многіе отказывались отъ поруганія святынь, за что и пострадали. Было около 100,000 жертвъ изувѣрства враговъ». Эти бѣдствія длились *пять* лѣтъ. Причина ихъ, по словамъ грузинскаго бытописателя, скрывалась въ томъ, что *цари и правители забыли Бога, законъ и нравственные узы справедливости, отдались раздорамъ, взаимной ненависти и зависти.*

Но не успѣла несчастная страна нѣсколько оправиться отъ этого нашествія, какъ въ ней появился съ своими полчищами Чингисханъ (1155—1227), предавая весь край варварскому опустошенію. Монголы-татары особенно сдѣлались грозою для Грузіи, когда среди нихъ распространялся исламъ, и они отъ побѣжденныхъ народовъ, кромѣ дани, стали требовать еще и религіознаго отступничества. Они распинали грузинъ на крестахъ, стрѣляли въ нихъ, какъ въ цѣль, изъ луковъ, сжигали на кострахъ и сажали на колъ, младенцевъ били о камни, подбрасывали ихъ на воздухъ, подстрѣливая или пересѣкая тѣла ихъ во время паденія... Стоны, плачъ, нечеловѣческіе крики и льющаяся обильно кровь лучшихъ сыновъ страны доставляли имъ потѣху, вызывали на ихъ безобразныхъ лицахъ животное наслажденіе и гомерическій хохотъ; въ волнахъ Куры погибло въ это нашествіе 100,000 человѣкъ мученическою смертью [69]).

Въ это же самое время, когда власть латинянъ въ Сиріи и Палестинѣ стала колебаться подъ мечами сарацинъ, римскій папа рѣшился призвать на помощь грузинскую царицу Русудань, но послѣдняя, сама будучи занята войною съ врагами, не могла исполнить желанія римскаго первосвященника. Она еще ранѣе, лишь только монголы появились на границахъ Грузіи, первая извѣстила о надвигавшейся грозѣ своихъ христіанскихъ сосѣдей и призывала ихъ подняться на защиту христіанской вѣры и культуры, причемъ, въ свою очередь, уже въ 1224 году, обратилась за помощью къ папѣ Гонорію III, и въ своемъ письмѣ къ нему старалась обратить его вниманіе на «*грозный мечъ варваровъ, давно уже висящій надъ странами сьвера* (разумѣется первое опустошеніе Россіи и Крыма монголами), *и который рано или поздно размахнется и надъ католицизмомъ*»; царица извинялась предъ папою, что не могла исполнить даннаго ему обѣщанія о военной помощи противъ сарацинъ; высказывала свою радость по поводу дошедшихъ до нея свѣдѣній, что онъ, папа, посылаетъ въ Сирію императора Фридриха III противъ об-

щихъ враговъ; обѣщается оказать ему, императору, помощь своими войсками для освобожденія Гроба Господня. И грузины, дѣйствительно, вмѣстѣ съ армянами, принимали дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ

Но когда царица Русудань, изнемогая въ борьбѣ съ монголами, вторично, въ 1238 году, стала просить папу Григорія IX оказать ей военную помощь противъ монголовъ, за что обѣщалась, даже, вмѣстѣ съ народомъ, принять «*римскую вѣру*»,—римскій первосвященникъ, ссылаясь на свое собственное затруднительное положеніе, отказалъ царицѣ въ ея просьбѣ и, вмѣсто военной помощи, обѣщался прислать въ Грузію доминиканскихъ монаховъ. Послѣдніе, въ числѣ 7 человѣкъ, не замедлили вскорѣ прибыть въ Грузію для пропаганды католичества. Но всѣ старанія этихъ проповѣдниковъ, за немногими исключеніями, остались совершенно безплодными царица Русудань, не получивъ просимой ею отъ папы поддержки, отвергла и вѣру его [70]).

Но не прошло и десяти лѣтъ послѣ этихъ событій, какъ преемникъ Чингисхана, Гаюкъ-Ханъ наводнилъ полчищами своими всю Азію, и татары снова появляются въ несчастной Грузіи. Какъ Божій бичъ, прошли монголы черезъ страну, налагая «*слой монгольскаго варварства*» на всѣ народы и царства Кавказа. За Гаюкъ-ханомъ слѣдовалъ страшный Батый, уже подчинившій Грузію правильному игу: онъ сдѣлалъ перепись и обложилъ народъ тяжелою данью.

Къ бѣдствіямъ монгольскаго нашествія присоединилось въ 1259 году чреватое бѣдою, вызванное хитрою татарскою политикою, первое раздѣленіе Грузіи на два независимыхъ другъ отъ друга царства. собственно Грузію и Имеретію.

Рабство скоро принесло свои обычные плоды: какъ нѣкогда на Руси, худшіе изъ царей, изъ личныхъ своихъ видовъ въ династическихъ раздорахъ, жертвовали благомъ страны, лучшіе, ратовавшіе за дѣло отчизны, становились жертвами произвола хановъ. Подобно русскимъ князьямъ,

замученнымъ въ ордѣ, погибъ и грузинскій царь Димитрій, прозванный *Самопожертвователемъ* (1270—1289). Вслѣдствіе интригъ, заподозрѣвъ его въ невѣрности, ханъ Аргунъ, стоявшій уже на границѣ Грузіи съ цѣлью мстить народу за мнимую измѣну царя его, потребовалъ Димитрія къ себѣ. Димитрій, зная причину ханскаго гнѣва и несправедливость клеветы, рѣшился лучше пожертвовать собою, чѣмъ вызвать страшное нашествіе на родину. Чтобы обезоружить подозрѣніе хана, онъ взялъ съ собою и малолѣтняго сына своего Давида. Но ничто не могло смягчить подозрительности деспота—Димитрій былъ заключенъ въ тюрьму и обезглавленъ (1289 г.). Бывшіе съ нимъ грузины цѣною золота купили тѣло царственнаго мученика у стражей и тайно перевезли во Мцхетъ. Это была таже судьба, которую пришлось испытать и русскому народу. И потому-то «*изъ всѣхъ національностей, вошедшихъ въ кругъ русскаго отечества*—говоритъ И. Д. Попка—*не найдти нигдѣ русскому человѣку столь искренней и братской дружбы, какъ въ сердцѣ грузина. И Русь и Грузія подружились еще въ тѣ дни общей скорби, когда съ поникшимъ челомъ носили яссакъ въ Золотую Орду, и тамъ встрѣчались. А дружба, завязанная въ общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство*» [71]).

Въ годъ смерти царя Димитрія Самопожертвователя римскій папа Николай IV, желавшій воспользоваться *въ цѣляхъ пропаганды* католицизма въ Грузіи ея печальнымъ въ политическомъ отношеніи положеніемъ, прислалъ сюда новыхъ проповѣдниковъ изъ ордена Fratres fraedicatores, которые приняты были грузинскимъ правительствомъ благосклонно, причемъ они въ царствованіе Георгія V Блистательнаго (1318—1356 г.), свергнувшаго монгольское иго и объединившаго Грузію,—добились учрежденія епископской каѳедры въ самой столицѣ Иверіи—Тифлисѣ. Это происходило въ 1329 году [72]).

ГЛАВА VII.

Минуты отдыха Грузіи отъ бѣдствій. Нашествіе Тамерлана. Новое покушеніе Рима. Странный крестовый походъ.

Возсіявъ, какъ солнце послѣ непроглядной ночи, на омраченномъ горизонтѣ Грузіи, царь Георгій V Блистательный напомнилъ собою лицо предка своего—Давида III Возобновителя. Подобно ему, онъ повсюду создавалъ и возстановлялъ храмы и обители, разрушенные во время долгаго ига монгольскаго и бывшаго въ 1283 году землетрясенія. Ему же приписываютъ устройство быта церковнаго, особенно пострадавшаго въ періодъ владычества монголовъ. Имъ же былъ созванъ соборъ, уничтожившій многіе безпорядки и запретившій нарушеніе каноновъ церковныхъ [73]).

Казалось, многострадальной Грузіи дано было отдохнуть отъ ея золъ, но только для того, чтобы собраться съ силами для новыхъ тяжелыхъ испытаній. Готовилось нашествіе страшнѣе монгольскаго. Тамерланъ явился на горизонтѣ испуганной Азіи При внукѣ Георгія Блистательнаго, Багратѣ Великомъ (1360—1395 г.), необыкновенно счастливо царствовавшемъ уже 25 лѣтъ, гроза, сокрушившая и дальнія и близкія царства, надвинулась на Грузію. Но грозный завоеватель встрѣтилъ здѣсь столь сильное сопротивленіе, какого онъ, по свидѣтельству самихъ монгольскихъ сказаній, не встрѣчалъ при разореніи могущественнѣйшихъ государствъ Китая, Кабула, Бухары и Персіи. Тамерланъ вступилъ въ Карталинію въ 1387 году со стороны Карса со всѣми ужасами варварства, разрушая всѣ крѣпости, не оставляя цѣлою ни одной башни. [74]),

Ужасное зрѣлище представляла тогда Грузія. города и села въ развалинахъ; трупы грудами валялись на ули-

цахъ; смрадъ и вонь отъ ихъ гніенія заражали воздухъ и отгоняли людей отъ прежнихъ ихъ жилищъ, и только хищные звѣри и кровожадныя птицы пировали за такой трапезой. Поля истоптаны и выжжены, народъ разбѣжался по лѣсамъ и горамъ, на сотню верстъ не было слышно человѣческаго голоса... Тѣ, которые спасались отъ меча, умирали отъ голода и холода, ибо безпощадный фатумъ постигъ не только самихъ жителей, но и все ихъ имущество. Казалось, что огненная рѣка промчалась по печальной Грузіи. Небо ея и послѣ этого не разъ освѣщается заревомъ монгольскихъ костровъ, а дымящаяся кровь ея злополучнаго населенія длинною полосою обозначаетъ путь грознаго и жестокаго повелителя Самарканда. [75]).

Царь Багратъ, видя себя не въ силахъ бороться съ страшнымъ завоевателемъ въ открытомъ полѣ, заперся въ тифлисской крѣпости. Кровопролитна была полугодовая осада; но сила одолѣла мужество: царь очутился плѣнникомъ передъ Тамерланомъ. Оставивъ въ Тифлисѣ гарнизонъ, жестокій завоеватель отправился въ Карабахъ, ведя за собою плѣнныхъ и караваны добычи. Изъ Карабаха онъ снова отправилъ войско въ Карталинію съ приказаніемъ истребить все, особенно же св. храмы. Въ это же время опустошенъ и разрушенъ ими Мцхетскій соборъ, причемъ разореніе, произведенное Тамерланомъ, лѣтопись сравниваетъ съ опустошеніемъ Іерусалима Навуходоносоромъ. «*Послѣдній, взявъ драгоцѣнности и св. сосуды, не посмѣлъ коснуться самого храма. Тамерланъ же, не ограничившись тѣмъ, что расхитилъ драгоцѣнныя украшенія, св. сосуды и сокровища собора, дерзнулъ наложить святотатственную руку свою и на самый храмъ, подвергнувъ его разоренію и разграбленію, опустошилъ пристройки собора, разрушилъ ограду вокругъ него, палаты царскія и проч.*» Такому же разоренію подверглись отъ Тамерлана также монастыри—Квабахтевскій и Руисскій въ Карталиніи. [76]).

Пока татары въ точности исполняли приказаніе своего повелителя, Тамерланъ съ огнемъ и мечомъ прошелъ весь Дагестанъ и поселилъ у подножья Кавказа магоме-

танскія племена, чтобы ихъ вліяніемъ удержать въ зависимости обширный край. Съ тѣхъ поръ стало угасать тамъ христіанство, насажденное съ такимъ успѣхомъ Давидомъ III и Тамарою.

Чтобы освободиться отъ плѣна, Багратъ притворно принялъ магометанство и даже предложилъ Тамерлану присоединить къ исламу всѣхъ своихъ подданныхъ, для чего и просилъ у него войска. Тамерланъ осыпалъ царя дарами и отпустилъ съ нимъ 12 тысячный отрядъ. Но по тайному уговору Баграта съ сыномъ этотъ отрядъ поголовно истребленъ на берегахъ Берджуджи. Тогда раздраженный Тамерланъ самъ двинулся на Грузію. Въ окрестностяхъ Тифлиса произошла кровавая сѣча, въ которой погибла пятая часть татарскаго войска, но грузины все же не могли продолжать открытой борьбы и скрылись въ горы

Багратъ вскорѣ умеръ, но сынъ и наслѣдникъ его, Георгій VII (1395—1414), энергически продолжалъ борьбу. Еще нѣсколько разъ Тамерланъ вторгался въ Грузію, но не разу не встрѣтилъ покорности—грузины уходили въ горы, вели партизанскую войну и при каждомъ отступленіи непріятеля отнимали у него обозы и награбленныя сокровища. Наконецъ, при посредствѣ одного изъ любимцевъ Тимура, Георгію удалось примириться съ завоевателемъ цѣною незначительной дани. Разореніе страны послѣ нашествія Тамерлана было громадно, и многія церкви съ тѣхъ поръ такъ и не возстали изъ развалинъ.

Чѣмъ былъ Тамерланъ для покоренныхъ жителей, могутъ служить оставшіеся слѣды его нашествій на Кавказъ и многочисленныя преданія. Не доѣзжая 2-хъ верстъ до Закаталъ съ Мугамлынской переправы, недалеко отъ дороги, съ лѣвой ея стороны, набросана огромная конусообразная куча камней, печально осѣняемая нѣсколькими тутовыми деревьями. Это—слѣдъ страшнаго истребленія всего, что не успѣло спастись тогда въ горы. Тамерланъ имѣлъ обыкновеніе, послѣ поголовнаго избіенія жителей какой-нибудь страны, собирать въ одно мѣсто головы уби-

тыхъ,—ихъ количествомъ онъ измѣрялъ свое могущество и царское величіе. И вотъ въ тотъ разъ головы убитыхъ были собраны и сложены пирамидально на то именно мѣсто, гдѣ находится теперь куча камней, и мѣсто это понынѣ называется «*Башъ-кала*», т. е. башня изъ человѣческихъ головъ.

Уничтожая взрослыхъ, Тамерланъ не оказывалъ никакой пощады и молодой жизни Однажды онъ приказалъ перевязать и уложить малыхъ дѣтей такъ, какъ татары обыкновенно укладываютъ хлѣбъ для молотьбы. Орудіемъ для этой работы служитъ особаго устройства доска, нижняя сторона которой усажена мелкими, острыми камнями; везя эту доску по снопамъ, и выбиваютъ зерна изъ колосьевъ. Этимъ-то варварскимъ способомъ были истреблены дѣти. Въ другой разъ, какъ разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ той эпохи, жители какого то—города, навлекшіе на себя гнѣвъ Тамерлана, выслали для умилостивленія его своихъ дѣтей. При видѣ малютокъ, шедшихъ съ пѣснями изъ корана, въ Тамерланѣ возгорѣлся духъ истребленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ и приказалъ скакать за собой своей конницѣ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями ужасной гибели своихъ дѣтей, растоптанныхъ татарскими конями. [77]). Чтобы вполнѣ охарактеризовать безчеловѣчіе Тамерлана, мы приведемъ здѣсь еще одинъ эпизодъ, сообщаемый преданіемъ, изъ временъ его пребыванія въ Тифлисѣ. Разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Калоубанская церковь св. Георгія, Тамерланъ велѣлъ собрать дѣтей на гумнахъ (кало—гумно, а убани—кварталъ), существовавшихъ вокругъ этой мѣстности, и, когда они были собраны, приказалъ пройтись черезъ нихъ своей дикой кавалеріи. [78]).

Недаромъ Тамерланъ пользовался на Востокѣ страшной славой, и недаромъ съ самымъ рожденіемъ его связана страшная же легенда. Она говоритъ, что младенецъ Тамерланъ появился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови на рукахъ и съ бѣлыми, какъ у старца, волосами.

Послѣ Тамерлана, Георгій, а потомъ братъ его Константинъ тщетно старались возстановить силы страны, причемъ послѣдній, вмѣшавшій въ дѣла турокъ, попалъ даже въ плѣнъ и былъ замученъ съ варварскою жестокостію. Тѣло его покоится въ пещерномъ храмѣ Вардзіи, построенномъ Тамарою, и нѣкоторые принимаютъ могилу его за гробъ великой царицы. [79]).

Опустошительныя нашествія грознаго Тамерлана принесли съ собою тяжелыя и продолжительныя испытанія для грузинской церкви. Всякаго истиннаго сына православной Иверіи гревожила будущая судьба христіанства въ этой странѣ, особенно вслѣдствіе побѣдоноснаго движенія впередъ исламизма. Окончивъ крестовые походы, магометане еще съ большей энергіей стали подавлять и искоренять христіанство въ передней Азіи. Притѣсненія православныхъ грузинъ еще болѣе усилились вслѣдствіе временнаго торжества оружія ислама въ Азіи и Европѣ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. Въ указанномъ промежуткѣ времени въ христіанскихъ странахъ произошло много важныхъ политическихъ событій, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ послѣдующей судьбѣ Грузіи: Россія была покорена монголами, Трапезундская имперія и цвѣтущія православныя государства на Дунаѣ—турками—османами. Но страшныя нашествія мусульманъ и ихъ военныя удачи, къ несчастью, не научили грузинъ и ихъ царей, что *спасеніе страны* заключается единственно *въ объединеніи*. Сынъ Георгія VII, царь Александръ I (1414—1442), который далъ своей родинѣ благоразумнымъ управленіемъ нѣсколько оправиться отъ нанесенныхъ ей ударовъ, подъ конецъ жизни, наперекоръ традиціямъ и политикѣ своей династіи, вздумалъ раздѣлить свое царство между тремя своими сыновьями. Послѣ этой роковой ошибки, междоусобныя распри начали терзать Грузію и быстрыми шагами вели ее къ крайнимъ предѣламъ истощенія [80]).

Побѣдоносный надъ врагами въ началѣ своего царствованія, Александръ I сдѣлалъ много и для уврачеванія

ранъ страны и для народнаго просвѣщенія; ему же принадлежитъ и заслуга возстановленія изъ развалинъ великолѣпнаго Мцхетскаго собора. Но на концѣ дней своихъ, утомленный царственными заботами, Александръ удалился въ обитель и принялъ иноческій санъ, передавъ престолъ сыну своему Вахтангу IV. Какая обитель приняла подъ мирную сѣнь свою царственнаго труженика—неизвѣстно. Въ пустынѣ Гареджійской показываютъ могилу царя-инока Александра; но и въ грамотахъ Мцхетскаго собора записано также, «что смиренный царь Александръ устроилъ для себя особый погребальный придѣлъ, не смѣя возлечь въ обновленномъ имъ соборѣ». [81]).

Въ царствованіе Александра I сдѣлано было со стороны Рима самое сильное покушеніе къ совращенію грузинъ въ латинство на Флорентійскомъ соборѣ (1437—1439 г.). Несчастныя политическія обстоятельства заставили Грузію, Арменію и Византію просить помощи папъ, сильныхъ въ то время своимъ могуществомъ на Западѣ, и принять участіе на соборѣ, созванномъ во Флоренціи по вопросу о соединеніи церквей—восточной и западной. Въ числѣ представителей грузинской церкви на соборѣ этомъ находился митрополитъ Іоаннъ, который, не смотря на убѣжденія папы Евгенія IV, византійскаго императора и другихъ сторонниковъ уніи, оказался твердъ въ православіи и не сдѣлалъ рѣшительно никакихъ уступокъ латинской вѣрѣ. Когда же папа и императоръ Палеологъ стали прибѣгать къ хитрымъ и полунасильственнымъ мѣрамъ, чтобы заставить православныхъ епископовъ подписать опредѣленіе собора, то митрополитъ Іоаннъ счелъ благоразумнымъ тайно бѣжать изъ Флоренціи въ Венецію, а оттуда чрезъ Константинополь благополучно прибылъ въ Грузію, которая такимъ образомъ осталась вѣрной православію [82]).

Три года спустя послѣ своего отреченія отъ царской власти, Александръ I умеръ, а вслѣдъ за нимъ сошелъ въ могилу сынъ его Вахтангъ,—и Грузія осиротѣла. Начинается эпоха не тѣхъ бѣдствій, которыя воспитываютъ

духъ единства и любви къ родинѣ, не нашествіе иноплеменныхъ и борьба противъ нихъ,—настаетъ время раздѣленія, воспитавшаго духъ раздоровъ, соперничества царей и кровавыхъ междоусобій.

И съ этихъ поръ нѣкогда единая грузинская земля становится не поприщемъ защиты самобытности народной, но ареной борьбы турокъ и персовъ, изъ которыхъ каждый претендуетъ на вліяніе и обладаніе многострадальной Грузіей. Изъ повѣсти доблестной исторія Грузіи становится исторіей только нашествій. Такъ, въ 1518 году Тифлисъ берутъ, разоряютъ храмы и ставятъ въ немъ мечети персы, въ 1578 году тоже дѣлаютъ турки, воюя съ персами и изгоняя ихъ изъ Грузіи и такъ далѣе. Къ довершенію бѣдствій, старые враги, лезгины, пользуются слабостью страны и набѣги ихъ становятся безпрестанными. Десятки тысячъ суровыхъ питомцевъ горъ ежегодно спускаются въ долины и грабятъ Грузію съ двухъ сторонъ. или переправлялись черезъ Алазань у Сигнаха и опустошали Кахетію, или же пробирались горами Ганджійской и Эриванской области въ Ахалцихъ и вторгались въ Самхетію и Карталинію.

Въ цѣломъ рядѣ царей, если и являются свѣтлыя личности, какъ, напримѣръ, Леванъ I Кахетинскій (1520—1574 г.), доставившій своему царству нѣсколько лѣтъ благоденствія, то они не измѣняютъ всетаки общаго хода дѣлъ и совершенно безсильны освободить страну отъ вражескихъ нашествій и внутреннихъ раздоровъ.

Изъ событій этой мрачной эпохи выдвигается развѣ странный и по поводамъ и по исполненію крестовый походъ съ цѣлью защиты Гроба Господня отъ одной магометанской секты въ пользу другой. Походъ этотъ былъ совершенъ въ 1524 году по просьбѣ турецкаго султана Солимана, призывавшаго грузинскихъ царей въ Іерусалимъ для освобожденія Гроба Господня «*изъ рукъ невѣрныхъ*»; онъ, вѣроятно, разумѣлъ подъ именемъ невѣрныхъ—мусульманъ-шіитовъ. Грузинская лѣтопись говоритъ, что главнымъ военоначальникомъ похода явился

Леонъ, царь кахетинскій, и что ему содѣйствовали своими силами цари Имеретіи и Карталиніи. Крестовый походъ этотъ несомнѣненъ, потому—что имя великаго Леона записано на мраморѣ Голгоѳы Лѣтопись же поясняетъ коротко, что святой гробъ былъ освобожденъ, и «*цари, осыпавъ своими благостынями святыя мѣста, со славою возвратились въ отечество*» [83]).

Не менѣе любопытный походъ совершенъ былъ, по разсказу византійскаго историка Пахимера, въ началѣ XIV вѣка. Кацанъ-ханъ, повелитель восточныхъ татаръ, въ войскѣ котораго находился полкъ, всецѣло составленный изъ грузинъ, нанося тяжкія пораженія арабскому султану, дошелъ до самаго Іерусалима и чуть не овладѣлъ этимъ городомъ. Онъ подошелъ къ нему, главнымъ образомъ, изъ желанія вознаградить своихъ иберовъ, которые, какъ онъ зналъ, очень огорчались тѣмъ, что сарацины, враги Спасителя, владѣютъ «*животворящимъ Его памятникомъ*» и оскверняютъ его. Хотя Кацану и не удалось то, чего онъ желалъ, но всетаки онъ нанесъ сильное пораженіе войскамъ султана [84]).

ГЛАВА VIII.

Нашествіе шаха Аббаса. Св. мученица, царица Кетевань. Знаменитые дѣятели изъ среды грузинскаго духовенства въ трудныя времена бѣдствій, пережитыя Грузіей.

Съ Александромъ II Кахетинскимъ (1574—1605 г.) мы вступаемъ въ эпоху персидскаго шаха Аббаса Великаго, напомнившаго Грузіи времена Батыя и Тамерлана. По представленіямъ народнымъ уже самое рожденіе его

было знаменіемъ грядущихъ бѣдъ, отмѣченныхъ пророческою катастрофою. Въ тотъ самый вечеръ и въ ту самую минуту, когда Шахъ-Аббасъ родился, великое землетрясеніе, какъ знаменіе Божьяго гнѣва, разрушило древнѣйшую святыню Грузіи—обитель св. Георгія, находившуюся въ окрестностяхъ города Телава. Это землетрясеніе, о которомъ свидѣтельствуютъ и лѣтописи конца XVI вѣка, было до такой степени мѣстное, что его не слышали даже въ Телавѣ, отстоящемъ отъ монастыря не далѣе какъ въ 20 верстахъ. Царь былъ въ это время на охотѣ Въ тихій и ясный вечеръ, окруженный придворными, охотниками и тѣлохранителями, онъ проѣзжалъ мимо обители, зурна оглашала лѣса и горы, азарпеша переходила изъ рукъ въ руки и никто не хотѣлъ смотрѣть на старцевъ, вышедшихъ за монастырскую ограду съ поклономъ Вдругъ прокатился подземный гулъ, земля встрепенулась, и вѣковыя зданія покровителя Иверіи покачнулись, наклонились долу и рухнули съ ужасающимъ трескомъ. Что произошло тогда въ царскомъ поѣздѣ, трудно и изобразить. Большинство всадниковъ вылетѣло изъ сѣделъ; многіе упали вмѣстѣ съ конями, царь былъ въ числѣ послѣднихъ, и при паденіи тяжко расшибся. Между тѣмъ наступили сумерки, налетѣла съ горъ страшная буря; туча нависла надъ Телавомъ, и смущенный народъ, собравшійся навстрѣчу царю, пустился по домамъ. Тогда изъ толпы возвысился грозный обличительный голосъ какого-то юродиваго.—«*Тавады, нацвалы и народъ!*» вскричалъ онъ. «*Въ вашихъ глазахъ поникъ къ землѣ величайшій изъ храмовъ православной земли. Его высокое чело отразило бури вѣковъ, а теперь поникло—въ тихій часъ вечера, въ кроткомъ сіяніи умирающаго дня. Поистинѣ, это—великое знаменіе грядущихъ на насъ бѣдъ, ибо неправды наши превзошли высоту нашихъ храмовъ. Въ эту самую минуту родился въ Ираніи жрецъ, который придетъ заклать нашу свободу и путь его обагрится нашею кровію. Плачьте, грузины!—родился Шахъ-Аббасъ*». Прошли десятки лѣтъ, и шахъ-Аббасъ является властителемъ Ирана (1585—1628) [85]), прозванный за свои военные под-

виги львомъ Ирана. Онъ, какъ черная туча, висѣлъ надъ православной Грузіей. По кровавымъ слѣдамъ шаха Тамаза, выселившаго изъ Грузіи 30.000 жителей, и Аббасъ I задумалъ направить свои силы на Карталинію и Кахетію. Уладивъ дѣла свои съ турками и опасаясь вліянія Россіи надъ единовѣрною Грузіею, Шахъ-Аббасъ рѣшился однимъ ударомъ сокрушить въ послѣдней христіанство, выселить непокорныхъ жителей въ Персію, сравнять съ землею храмы Божіи и, такимъ образомъ, укрѣпить ихъ въ рабствѣ персидскомъ. О нашествіи этого шаха на Грузію было предсказано многими отцами грузинской церкви, изъ нихъ можно указать на преподобнаго Арсенія, мощи котораго почиваютъ въ Давидо-Гареджійской пустынѣ. Эта обитель первая приняла удары персидскаго завоевателя [86]).

Преданіе сохранило намъ разсказъ о кровавой расправѣ Шахъ-Аббаса, совершенной имъ весною 1617 года въ одномъ изъ монастырей Гареджійской пустыни, каменистой, безводной, прорытой ущельями. Подъ развалинами монастырскаго храма, внутри алтаря понынѣ стоитъ престолъ, а на немъ, вмѣсто священной утвари,—человѣческія кости, связанныя крестообразно. Это все, что осталось отъ 6000 иноковъ, которые были избиты въ святую пасхальную ночь по повелѣнію Шахъ-Аббаса. Существовалъ обычай, по которому братія всѣхъ 12 обителей Гареджійской пустыни собиралась въ пасхальную заутреню именно въ эту лавру, какъ большую изъ всѣхъ; къ тому же великій день былъ храмовымъ праздникомъ этой обители. И вотъ, 6000 иноковъ со свѣчами въ рукахъ обходили церковь, построенную на вершинѣ горы, и воспѣвали радостно «*Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славити*»,—не воображая, какъ сами они были близки къ переходу въ вѣчность, въ небесныя обители. Далеко за Курою, на краю обширной степи Караязской, увидѣлъ Шахъ-Аббасъ ночью необыкновенное освѣщеніе—какіе-то огни двигались и мерцали на вершинѣ горы, тамъ, гдѣ

онъ предполагалъ совершенную пустыню. «*Что за они*»?—спросилъ изумленный шахъ.—«*Это Гареджійскіе пустынники празднуютъ свою пасху*»—отвѣчали ему. «*Истребить ихъ!*»

Напрасно приближенные шаха представляли ему, что пустынники не носятъ оружія, никому не дѣлаютъ зла, а, напротивъ, за всѣхъ молятъ Бога, и что самъ пророкъ повелѣваетъ щадить такихъ молитвенниковъ. Шахъ ничего не слушалъ. Къ разсвѣту отрядъ конницы прискакалъ въ лавру. Шла литургія, и только что иноки пріобщились Св. Таинъ, какъ вломились персы—и черезъ нѣсколько мгновеній 6000 труповъ лежало на церковномъ помостѣ, залитомъ алою кровью.

Съ тѣхъ поръ запустѣла большая часть обителей пустыни Гареджійской. Церковь причла погибшихъ къ лику мучениковъ, а благочестивый царь Арчилъ собралъ св. кости и соорудилъ надъ ними небольшую церковь. [87]).

Вслѣдъ за гибелью Гареджійскихъ иноковъ пламя пожаровъ и потоки христіанской крови охватили и Карталинское царство, въ которомъ на царскомъ тронѣ сидѣлъ шуринъ Шахъ-Аббаса—Лаурсабъ. Этотъ походъ льва Ирана причинилъ Грузіи много зла. Шахъ обоихъ сыновей царя Теймураза обратилъ въ евнуховъ, мать же его Кетевань за отказъ измѣнить вѣрѣ отцовъ, послѣ жестокихъ пытокъ, подвергъ, мученической смерти. [88]).

Кетевань происходила изъ царскаго рода Багратидовъ. Съ дѣтства она изучала Св. Писаніе и отличалась высокими нравственными качествами. Когда она достигла зрѣлыхъ лѣтъ, родители выдали ее замужъ за царевича Давида, сына Кахетинскаго царя Александра, не подозрѣвая, что вѣнецъ *царскій*, котораго они искали для своей дочери, долженъ былъ обратиться въ болѣе свѣтлый—*мученическій*; ибо ея высокая доля сдѣлалась впослѣдствіи виною всѣхъ ея страданій. Со смертью мужа ея Давида, царствовавшаго только полгода, окончилась счастливая жизнь для Кетевани и началась скорбная. Праздный кахетинскій престолъ занялъ вторично престарѣлый Александръ, который вскорѣ злодѣйски былъ убитъ своимъ

роднымъ сыномъ Константиномъ. Началась продолжительная кровавая междоусобица между братьями—Константиномъ, захватившимъ въ свои руки престолъ, и Ираклемъ, и эта борьба волновала и ослабляла Кахетинское царство. Все это видѣлъ и зналъ Шахъ-Аббасъ и, по мановенію его руки, многочисленное персидское войско, какъ грозная туча, надвинулась къ предѣламъ Кахетіи и Карталіиі. Князья кахетинскіе, считая виновникомъ предстоящихъ бѣдствій Константина, лишили его жизни, а на престолъ посадили Теймураза, единственнаго сына Кетевани. Теймуразъ хотѣлъ защищаться противъ грозныхъ полчищъ своихъ враговъ, но малодушіе овладѣло кахетинскими князьями. Они собрались къ юному царю и умоляли его не навлекать ужасовъ войны на ихъ цвѣтущія долины, умоляли и мать царя—Кетевань—итти къ шаху и быть предъ нимъ ихъ заступницею, въ той надеждѣ, что женскія слезы, соединенныя съ богатыми дарами, смягчатъ его сердце. Колебалась сначала Кетевань итти къ Шахъ-Аббасу, но убѣжденная настойчивыми мольбами народа, рѣшилась пожертвовать собою для спасенія многихъ тысячъ. Кетевань встрѣтила шаха въ Елисаветполѣ (въ Ганджѣ). Аббасъ принялъ ее съ большою почестью и посадилъ ее рядомъ съ собою, но подъ личиною этой любезности въ душѣ шаха скрывались коварные замыслы. Аббасъ спрашивалъ Кетевань, почему не пришелъ самъ Теймуразъ заключить дружескій союзъ съ персами, и потребовалъ въ заложники старшаго его сына—Леона. Требованіе было исполнено. Тогда Шахъ сослалъ Кетевань съ ея обоими внуками въ персидскій городъ Ширазъ, гдѣ отроковъ ожидала ранняя смерть, а бабку ихъ—мученическій вѣнецъ. Деспотъ началъ съ беззащитныхъ дѣтей Теймураза—Леона и Александра,—которыхъ онъ приказалъ ослѣпить. Они не вынесли этой мучительной операціи и вскорѣ скончались

Вся злоба теперь Шаха-Аббаса обратилась на Кетевань. Будучи заключена въ темницу, царственная плѣнница устроила въ ней маленькую церковь, и духовникъ

Георгій, раздѣлявшій съ ней горькую участь плѣненія, ежедневно совершалъ для страдалицы литургію. Постомъ и молитвенными колѣнопреклоненіями изнуряла царица свое тѣло, приготовляя себя къ мученическому подвигу за имя Христа. Надъ нею повторились всѣ искушенія и самый образъ страданія мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Началось съ обольщеній черезъ своихъ приближенныхъ шахъ увѣрялъ царицу въ глубокомъ уваженіи, предлагалъ раздѣлить съ нею брачное ложе, и въ тоже время обѣщалъ почитать ее, какъ мать, и совѣщаться съ нею въ дѣлахъ государственныхъ, если она приметъ магометанство. Но царица Кетевань мужественно отвергала дѣлаемыя ей Шахъ-Аббасомъ предложенія, за что и была осуждена имъ на казнь. Много ею перенесено жестокихъ мученій и пытокъ, и она, какъ твердая скала, осталась непоколебимой въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Великій мученическій подвигъ царицы завершился тѣмъ, что раскаленнымъ котломъ накрыли ея царственную голову, и подъ этимъ новымъ вѣнцомъ она окончила свои земные дни. Это было 13 сентября 1624 года.

По смерти Кетевани, на площади, гдѣ было громадное стеченіе народа, само небо засвидѣтельствовало побѣду св. мученицы надъ врагами Христа: три свѣтлыхъ столба опустились на тѣло замученной царицы и освѣщали его. Безчеловѣчный шахъ приказалъ тогда вынести тѣло ея за городъ и бросить въ болото, куда сваливали всю городскую нечистоту. Небесный свѣтъ не переставалъ и тутъ стоять надъ тѣломъ св. мученицы, пока жившіе въ Ширазѣ ея единовѣрцы не предали его временному погребенію. Черезъ годъ христіане открыли могилу ея, но, къ ужасу своему, не нашли въ ней тѣла такъ трагически погибшей грузинской царицы. Тайна разъяснилась вскорѣ: латинскіе монахи Августинскаго ордена, бывшіе тогда при персидскомъ дворѣ, просили шаха дать имъ тѣло св. мученицы и за это предлагали ему большую денежную сумму; но шахъ рѣшительно отказалъ въ этомъ. Тогда монахи тайно розыскали тѣло царственной страдалицы, ко-

торое и сохраняли у себя до времени. Чтобы пріобрѣсти расположеніе царя Теймураза, который снова принялъ бразды правленія въ своемъ царствѣ, и утвердиться прочнѣе въ Грузіи съ цѣлью пропаганды въ ней, монахи отдѣлили отъ мощей св. главу и правую руку и послали эту святыню ему въ даръ. Царь съ великимъ торжествомъ, при пѣніи псалмовъ, встрѣтилъ свою мать, царицу-мученицу. Весь народъ грузинскій радовался тогда, что въ лицѣ Кетевани пріобрѣлъ себѣ новую покровительницу и заступницу своего многострадальнаго отечества передъ престоломъ Господнимъ. Съ большимъ торжествомъ иверійцы проводили св. останки великомученицы до каѳедральнаго Алавердскаго Георгіевскаго србора, гдѣ и положили ихъ подъ престоломъ. Остальныя же части св. мощей католическіе монахи въ богатой ракѣ тайно отправили въ Римъ и положили въ усыпальницѣ св Петра, гдѣ онѣ и находятся въ настоящее время. [89]).

Шахъ-Аббасъ, въ конецъ опустошившій православную Грузію, не могъ, какъ видно изъ приведеннаго разсказа о страданіяхъ св. царицы Кетевани, ослабить въ грузинахъ преданность ихъ къ отечественной церкви. Православная вѣра, всегда торжествующая въ бѣдствіяхъ, еще болѣе просіяла въ это время среди лучшихъ представителей грузинскаго народа,—она открывала имъ въ самой смерти неизсякаемый источникъ жизни. Были, конечно, случаи и отрицательнаго характера. многіе грузины подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ жизни, измѣняли православію и дѣлались магометанами, но такіе печальные факты являлись въ данномъ случаѣ простыми исключеніями въ религіозно-нравственной настроенности грузинскаго народа. Шахъ-Аббасъ отлично понималъ, какую стихійную силу представлялъ собою послѣдній и какъ дружно и мужественно ополчался онъ на затрогивающихъ самое священное для него—религію; поэтому, оставивъ народъ въ покоѣ, онъ только отъ царей потребовалъ принятія ислама, справедливо разсчитывая на то, что примѣръ царя-ренегата найдетъ подражателей и среди народа, особенно среди его аристократіи. [90]).

Одновременно съ персами и грозныя турецкія силы вторглись въ Грузію, опустошая все на своемъ пути, со стороны Тріалетскихъ горъ. Передовой грузинскій отрядъ, посланный подъ предводительствомъ двухъ лучшихъ грузинскихъ полководцевъ Захарія и Ярали, былъ истребленъ, вмѣстѣ съ предводителями, въ горныхъ тѣснинахъ, и непріятель занялъ Манглисъ и Квельту. Въ Квельтѣ турки схватили священника Ѳеодора, извѣстнаго въ то время своими учеными трудами, и, подъ угрозою смерти, потребовали отъ него, чтобы онъ провелъ въ мѣстопребываніе царя летучій отрядъ, намѣревавшійся захватить Лаурсаба. «*Не пожертвую вѣчною жизнію временной, не буду предателемъ царя*»,—сказалъ себѣ этотъ грузинскій Сусанинъ. Онъ завелъ враговъ въ непроходимыя горныя дебри, и, спасши царя, самъ погибъ мучительною смертію въ виду Эртацминдскаго храма [91]).

Въ эти-то бѣдственныя времена изъ нѣдръ народа вновь выдвинулось сильное вѣрою и надеждою на Бога духовенство, имѣвшее неотразимое вліяніе на царей и на магометанскую аристократію и глава духовенства—католикосъ—является не разъ въ дальнѣйшей исторіи Грузіи иниціаторомъ освободительныхъ движеній, строгимъ обличителемъ магометанскихъ царей и заступникомъ предъ поработителями за православный народъ. Для примѣра укажемъ на католикоса Доментія и настоятеля Давидо-Гареджійской пустыни Іоанна Саакадзе, которые не хотѣли терпѣть всѣхъ ужасовъ и беззаконій своего несчастнаго времени и явились мужественными обличителями царя-магометанина Іессея (1714—1746). Этотъ же католикосъ, побуждаемый любовью къ отечеству и вѣрѣ православной, осмѣлился явиться къ турецкому султану въ Константинополь съ ходатайствомъ о свободѣ, спокойствіи и благоденствіи церкви, но, къ сожалѣнію, эта просьба католикоса была оставлена безъ всякихъ послѣдствій, а самъ онъ, по интригамъ одного турецкаго паши, былъ отправленъ на одинъ изъ греческихъ острововъ въ ссылку, гдѣ и скончался [92]).

Вообще о грузинскомъ духовенствѣ того времени, конечно, въ его лучшихъ представителяхъ, должно сказать, что, хотя магометане и старались его привлечь на свою сторону, оказывая ему милости и благоволеніе, оно всегда служило примѣромъ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ и любви къ своему отечеству. Пастыри грузинской церкви въ эти несчастныя времена являлись примирителями враждовавшихъ царей и непокорныхъ феодаловъ, а также и сотрудниками ихъ въ подвигахъ на пользу отечества; они ободряли унывавшій народъ, раздѣляли съ нимъ всѣ горести и подкрѣпляли его силы внушеніемъ ему надежды на Провидѣніе; нѣкоторые же изъ нихъ томились въ узахъ и отъ голода, но ничто, даже пытки и страданія не могли заставить ихъ забыть священныя обязанности своего сана. [93]).

Но и здѣсь, какъ и среди прочихъ сословій страны, были и такіе пастыри которые пользовались бѣдственными обстоятельствами времени въ своихъ личныхъ и эгоистическихъ интересахъ, на несчастіи другихъ создавая собственное благополучіе, и образовали собою ряды непризванныхъ дѣятелей на нивѣ Христовой. Къ счастью народа, такихъ пастырей было немного.

ГЛАВА IX.

Борьба грузинскаго духовенства съ римско-католической пропагандой. Попытка мусульманъ обратить Сіонскій соборъ въ мечеть. Нашествіе персидскаго шаха Надира. Вторженіе въ страну турокъ и персидскаго шаха Ага-Магомета-хана. Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Въ бѣдственныя времена нашествія на Грузію персовъ и турокъ иверскому духовенству приходилось еще бороться съ постепенно усиливающейся римско-католи-

ческою пропагандою. Дѣло въ томъ, что съ начала XVII вѣка, когда прочно-организованное латинское миссіонерство наводнило собою всѣ государства міра, римскіе монахи разныхъ орденовъ во множествѣ стали посѣщать и Грузію. Такъ, съ 1625 года утвердились въ ней миссіонеры Ѳеотинскаго ордена, а еще ранѣе, именно въ 1615 году, въ городѣ Гори появилось въ первый разъ нѣсколько монаховъ капуцинскаго ордена и, нанявъ тамъ дома, пытались сблизиться съ жителями. Оба эти ордена, одновременно дѣйствовавшіе въ Грузіи, не были похожи на прежнихъ католическихъ миссіонеровъ. Они держались строгаго и разумнаго плана въ своихъ дѣйствіяхъ, были чрезвычайно осторожны, а потому и весьма опасны для церкви иверской. Капуцины явились въ видѣ медиковъ, предлагавшихъ свои услуги народу даромъ, чѣмъ, разумѣется, пріобрѣли любовь народа и имѣли среди него успѣхъ, особенно у армянъ. Папа Урбанъ VIII, извѣщенный о благотворной и не безрезультатной для римской куріи дѣятельности католическихъ миссіонеровъ, послалъ въ 1626 году особаго проповѣдника Авита-Боли къ царю грузинскому съ наказомъ «*основать постоянную миссію*» въ г. Гори. Этотъ опытный въ своемъ дѣлѣ дипломатъ, явившись подъ видомъ врача и почитателя древней Иверіи, успѣлъ пріобрѣсти расположеніе царя и войти въ сношеніе съ грузинскимъ католикосомъ Захаріей, вслѣдствіе чего католическіе миссіонеры добились согласія открыть въ городѣ каплицу и убѣдили грузинское правительство снестись по этому поводу съ папою. Въ 1629 году царь и католикосъ дѣйствительно снеслись съ Урбаномъ VIII письмомъ, въ которомъ донесли ему о данномъ ими дозволеніи латинскимъ миссіонерамъ имѣть каплицу въ г, Гори. Папа отвѣтилъ также дружественнымъ посланіемъ на имя католикоса Захаріи и лестнымъ письмомъ царю. Въ 1631 году Авита-Боли обрадовалъ папу Урбана извѣстіемъ объ успѣхахъ своего посольства среди грузинскаго и армянскаго населенія страны. Поощренный такими благопріятными для пропаганды обстоятельствами, папа

въ 1635 году отправилъ въ Грузію новую партію капуциновъ съ намѣреніемъ «*учредить постоянную миссію*» въ самой столицѣ Грузіи—Тифлисѣ. Главнымъ предметомъ занятій этихъ миссіонеровъ было поселить и утвердить въ умахъ православныхъ грузинъ благоговѣніе къ главѣ западной церкви и тѣмъ приготовить путь къ совращенію ихъ въ латинство, причемъ старалась распускать въ Грузіи мнѣніе, что грузины родственны католическимъ иберамъ, т. е. испанцамъ. Мнѣніе это поддерживалось и папами. Льстя высшимъ сановникамъ страны и самому царю, католическіе миссіонеры въ тоже самое время старались сблизиться и съ простымъ народомъ, оказывая ему всякаго рода помощь, особенно во время болѣзни. Безкорыстные монахи эти въ большинствѣ случаевъ безплатно оказывали медицинскую помощь больнымъ и даромъ отпускали изъ своихъ аптекъ необходимые медикаменты, а затѣмъ, расположивъ къ себѣ сердца паціентовъ, ловко и незамѣтно старались вселить въ нихъ мысль объ истинности католичества. Такими средствами миссіонеры пріобрѣли расположеніе народа и даже православнаго духовенства. Скоро они захватили въ свои руки и образованіе дѣтей высшаго класса. Но уваженіе къ нимъ еще болѣе возросло, когда они стали изучать и разрабатывать грузинскій языкъ и литературу. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ и благосклонномъ отношеніи къ нимъ населенія, миссіонеры эти раскинули сѣти пропаганды широко по всей Грузіи. Въ городахъ—Кутаисѣ, Гори, Тифлисѣ и Ахалцихѣ изъ совращенныхъ ими грузинъ и армянъ образовались значительныя общества грузино-католиковъ и армяно-католиковъ. Успѣхъ католическихъ проповѣдниковъ продолжался до 1755 года, когда они, совративъ въ латинство самого католикоса Антонія I (†16 декабря 1790 г.), и нѣсколько высшихъ грузинскихъ іерарховъ, были изгнаны изъ Грузіи. Впрочемъ, съ возвращеніемъ въ отечество католикоса Антонія I изъ Россіи, они снова было появились въ Иверіи, гдѣ и дѣйствовали до 1844 года, пока, наконецъ, окончательно на бы : ı изгнаны изъ предѣловъ ея

русскою правительственною властью. [94]). Въ связи съ безпрерывными почти нашествіями враговъ римско-католическая пропаганда, опытною рукою проводимая въ жизнь при неумѣломъ и слабомъ противодѣйствіи ей со стороны грузинскаго духовенства, въ средѣ котораго она даже нашла себѣ ревностныхъ адептовъ,—нанесла церкви иверской немаловажный вредъ, отторгнувъ отъ нея многихъ ея сыновъ.

Но всего тяжелѣе пришлось грузинамъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, когда магометане, подстрекаемые своимъ нафанатизированнымъ духовенствомъ, простерли свои руки на самыя святилища и захотѣли въ самой столицѣ православнаго царства осквернить Сіонскій соборъ, обративъ этотъ пятнадцативѣковый христіанскій памятникъ въ мечеть, и чуть было не замолкли пѣсни Сіона въ Сіонскомъ храмѣ. Султанъ турецкій Ахмедъ III въ 1726 году далъ приказаніе Исаакъ-пашѣ Ахалцихскому обратить Тифлисскій Сіонскій соборъ, подобно древнему константинопольскому храму св. Софіи, въ мечеть. Приказаніе султана подлежало исполненію въ субботу Ѳоминой недѣли Въ это несчастное для Грузіи время тифлискимъ митрополитомъ былъ Доментій (изъ рода князей Орбелiановыхъ), повергнутый этимъ распоряженіемъ султана въ печаль и уныніе. Въ такомъ критическомъ положеніи святитель Доментій, сопровождаемый сіонскимъ соборнымъ духовенствомъ, является къ князю Гиви Амилахвари (1689—1754), прося его заступничества и помощи въ дѣлѣ избавленія грузинской церкви и народа отъ поруганія древней религіозной святыни многострадальной Иверіи. Какъ глубокорелигіозный и истинно-преданный сынъ православной церкви, Гиви Амилахвари выступилъ въ эту печальную годину самымъ сильнѣйшимъ защитникомъ ея насущныхъ интересовъ, возставъ противъ безчеловѣчнаго распоряженія султана, просьбами и угрозой принудилъ Исаака-пашу отмѣнить исполненіе столь унизительнаго для православнаго народа и церкви фирмана султана. Въ ознаменованіе этого событія выдана была князю

Гиви Амилахвари грамота на поминовеніе его и его потомства въ Сіонскомъ соборѣ ежегодно въ субботу на Ѳоминой недѣлѣ.

Слѣдствіемъ тяготѣвшаго надъ Грузіей турецкаго ига было насильственное обращеніе въ мусульманство ахалцихскихъ грузинъ, изъ жизни которыхъ нельзя пройти молчаніемъ слѣдующій эпизодъ. Ахалцихскимъ пашалыкомъ во второй половинѣ XVIII вѣка управлялъ могущественный Аджи-Ахмедъ-паша, который, какъ свидѣтельствуютъ, будучи тайно крещенъ придерживался правилъ православной христіанской вѣры, въ чемъ мусульманское правительство и подозрѣвало его. Дѣйствія его въ духѣ христіанства обнаружились въ то время, когда онъ въ 1772 году построилъ въ ахалцихской крѣпости мечеть по плану православной церкви, предсказывая, что Ахалцихъ нѣкогда будетъ взятъ христіанами. которые и обратятъ мечеть въ православную церковь. За это предсказаніе паша былъ казненъ своимъ правительствомъ чрезъ отсѣченіе головы, но оно дѣйствительно исполнилось съ поразительною точностью въ 1828 году. [95]).

Новое нашествіе персіанъ подъ предводительствомъ Надиръ-шаха не имѣло особенно губительныхъ послѣдствій для православной Грузіи. На первыхъ порахъ своего владычества онъ благосклонно относился къ религіозному чувству грузинъ. Разсказываютъ, что однажды царевичъ Ираклій, представляясь Надиръ-шаху въ Кандагарѣ, былъ пораженъ неожиданнымъ вопросомъ: «*не примешь-ли ты мусульманскую вѣру?*» Какъ не былъ молодъ Ираклій Теймуразовичъ, но не потерялся отвѣтить: «*Ваше Величество, вольны сдѣлать со мною, что угодно, но измѣнять вѣрѣ Христовой, въ которой я воспитанъ, не могу*». Тогда Надиръ, смягчивъ голосъ, сказалъ: «*не бойся, я не сдѣлаю тебя мусульманиномъ*»! Сохранился также и отзывъ его о грузинскомъ народѣ, данный имъ при посѣщеніи монастыря св. Антонія Мартмкопскаго, въ присутствіи его намѣстниковъ, которымъ онъ сказалъ: «*не ожесточайте грузинъ, сильныхъ военною славою, знакомыхъ съ военными потрясеніями, многократ-*

но колебавшими ихъ царство, но не вѣру въ христіанскаго Бога»! Однако, въ концѣ своего царствованія покоритель Индіи и Персіи Надиръ-шахъ перемѣнилъ свою политику и сталъ притѣснять грузинъ, наложивъ на нихъ непосильную дань въ 1747 году, и только смерть его избавила Иверію отъ тяжкаго разоренія. [96]).

Несмотря, однако, на всѣ эти ужасы, пережитые Грузіей въ столь тяжелые для нея дни, вѣра въ народѣ и на этотъ разъ была непоколебима, доказательствомъ чего служитъ слѣдующій фактъ въ числѣ плѣнницъ находилась грузинка изумительной красоты. Персъ, которому она досталась, вздумалъ обратить ее въ мусульманскую вѣру, но всѣ его усилія были напрасны, и невольница оставалась непреклонною. «*Всякій разъ*—говоритъ по этому поводу одинъ персидскій историкъ,—*какъ только заговаривали съ нею объ этой необходимости, плѣнница вынимала изъ кармана маленькіе образа и горячо молилась Богу объ избавленіи ея отъ искушенія. Молитва грузинки была такъ искренна, что обладатель ея чуть не сдѣлался самъ поклонникомъ этихъ же образовъ* [97]).

Одновременно съ Персіею, имѣвшею въ виду преимущественно восточныя провинціи Грузіи, на западныя ея владѣнія, начиная съ 1574 года и до 1754, постоянно нападали турки, внося туда свою культуру и свою религію, безпощадно истребляя на своемъ пути древнѣйшіе христіанскіе памятники, на мѣстахъ которыхъ они водружали свои мечети съ высокими минаретами, и голосъ муэдзина смѣнялъ собою такъ много говорящій христіанскому сердцу звонъ церковныхъ колоколовъ.

Длинный рядъ бѣдствій, испытанныхъ Грузіей въ ея тысячелѣтней исторической жизни закончился послѣднимъ нашествіемъ персидскаго шаха Ага-Магомета-хана въ 1795 году, который задолго до своего вторженія въ страну приказалъ сказать царю Ираклію: «*оставь русскихъ, отрекись отъ нихъ, и дружба наша будетъ ненарушима вовѣки*»!—*На это Ираклій мужественно отвѣтилъ гордому повелителю Ирана;* «*не только шахъ съ его войсками, но если бы даже вся Азія ополчилась на*

меня, и въ такомъ случаѣ я не измѣню Россіи» Тогда Ага-Магометъ ханъ рѣшился жестоко отомстить многострадальной Грузіи за ея преданность единовѣрной Россіи и поспѣшно двинулъ свои войска къ предѣламъ Иверіи. Наступили злополучные сентябрскіе дни, принесшіе съ собою окончательное разореніе страны. Съ ничтожнымъ войскомъ въ 7000 человѣкъ храбрѣйшій изъ царей Ираклій бодро пошелъ навстрѣчу 70000 персидской арміи, приказавъ въ тоже время доставить въ Тифлисъ изъ Кавтисхевскаго монастыря мощи св. Евстафія и выставить на мосту, чтобы молитвами угодника испросить у Всевышняго дарованіе побѣды надъ врагами. Рѣшительная битва произошла на Крцанискомъ полѣ. Богу не угодно было за грѣхи народа даровать грузинамъ побѣду—они были совершенно разбиты, несмотря на отчаянное мужество какъ самого героя—царя, такъ и его малочисленной, но славной дружины. Тифлисъ, съ его дворцами и великолѣпными храмами, былъ взятъ персами и, по повелѣнію шаха, обращенъ въ груды развалинъ.

12-го сентября, въ злополучный вторникъ, около двухъ часовъ пополудни, полчища персіанъ, ворвавшись въ городъ, заняли татарскій кварталъ, и начался безпримѣрный въ исторіи народа погромъ. Это было по счету 29-е разореніе столицы грузинскаго царства. Даже шіитская мечеть не могла спасти укрывавшихся въ ней жителей; озлобленные сопротивленіемъ, враги проникли и въ нее, умертвили всѣхъ находившихся тамъ обывателей, за исключеніемъ дѣтей въ возрастѣ 12—15 лѣтъ, которыхъ, вмѣстѣ съ награбленною добычею, увели въ Соганлугъ, гдѣ была главная квартира Ага-Магомета-хана. Шахскіе солдаты, по словамъ исторіографа послѣдняго, показали невѣрнымъ грузинамъ образецъ того, чего они должны ожидать для себя въ день судный.

Есть преданіе, что во время разоренія Тифлиса 50 человѣкъ жителей, неуспѣвшихъ бѣжать изъ города, отдались подъ защиту св. Давида, и на святой горѣ, быть можетъ, даже въ той самой пещерѣ, гдѣ теперь стоитъ

гробница Грибоѣдова—спаслись отъ смерти и плѣна. Персіане, разорявшіе и грабившіе городъ, по какому-то необъяснимому обстоятельству, ни разу не всходили на гору, увѣнчанную стариннымъ монастыремъ, долженствовавшимъ, какъ бы кажется, привлечь собою алчныхъ грабителей. Очень можетъ быть, что они опасались найти тамъ скрытую засаду; но какъ бы то ни было святая обитель укрыла и спасла всѣхъ тѣхъ, которые въ ней искали спасенія.

13-го сентября совершился въѣздъ шаха въ Тифлисъ. Столица, залитая кровью, окутанная дымомъ пожаровъ, была разрушена почти до основанія. Духовная семинарія и церковно-приходскія школы, вмѣстѣ съ другими правительственными учрежденіями, были преданы на жертву пламени, разграблены и разрушены съ чисто вандальскою жестокостью. Все, что такъ заботливо съ неутомимымъ трудолюбіемъ было собираемо и созидаемо грузинами въ продолженіи многихъ вѣковъ, погибло безвозвратно въ теченіе только нѣсколькихъ дней.

Насталъ, наконецъ, для Тифлиса болѣе страшный, чѣмъ предыдущіе, день—14 сентября, когда отечественная наша церковь празднуетъ Воздвиженіе Креста Господня. Кто-то распустилъ слухъ, что главными подстрекателями царя Ираклія въ нежеланіи признать власть Персіи были духовныя лица. Ага-магометъ-ханъ, провѣдавъ объ этомъ, немедленно приказалъ собрать всѣхъ духовныхъ лицъ столицы. Совпаденіе этого приказанія съ праздникомъ Воздвиженія св Креста какъ бы послужило напоминаніемъ свыше пастырямъ грузинской церкви о священной обязанности самоотверженія,—указывало, что имъ предстоитъ пострадать во имя того спасительнаго креста, который несъ на своихъ плечахъ Богочеловѣкъ, идя на вольныя страданія. Безчеловѣчный шахъ повелѣлъ, въ назиданіе потомства, всѣхъ ихъ казнить. Расправа была недолгая: палачи перевязали имъ руки и побросали съ высокаго берега въ Куру, въ волнахъ которой священномученики нашли себѣ вѣчное упокоеніе. Исключеніе было

сдѣлано для маститаго митрополита Досиеея, духовника царицы Дарьи. Его персіяне застали на колѣняхъ предъ иконою Божіей Матери, схватили и съ виноградной террасы его собственнаго дома бросили въ Куру несвязаннымъ. Покончивъ съ духовенствомъ города Тифлиса, персы бросились разрушать храмы Божіи.

Церкви были наполнены трупами убитыхъ. Въ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ они сожгли чудный иконостасъ, расхитили дорогіе священные сосуды и содрали золотыя ризы съ иконъ. Въ общей суматохѣ уцѣлѣвшій отъ смерти какимъ-то чудомъ ученый протоіерей Іоаннъ Осешвили успѣлъ спасти драгоцѣнную икону Сіонской Божіей Матери, которая была прислана изъ Москвы царевичемъ Георгіемъ, сыномъ Вахтанга VI, въ 1726 году, и замѣнила собою древнюю икону Богоматери пропавшую безслѣдно при разрушеніи Тифлиса Магометъ-Куш-ханомъ (1723—1729). Протоіерей Іоаннъ Осешвили вынесъ эту икону на плечахъ изъ Тифлиса, а затѣмъ она впослѣдствіи опять была внесена въ храмъ Сіонскій. Разрушительная рука персіанъ коснулась и колокольни собора.

Варвары не довольствовались поруганіемъ храмовъ, они двинулись на авлабарскій мостъ, гдѣ были выставлены мощи св. Евстафія. Здѣсь они произвели новое звѣрство, привели къ святынѣ захваченныхъ въ этотъ день плѣнныхъ, приказывали имъ св. мощи попирать ногами и вообще производить надъ ними различныя поруганія. Но ни одинъ изъ христіанъ столицы, по разсказамъ очевидцевъ, не захотѣлъ исполнить требованія злодѣевъ. Ослушники были брошены въ Куру, а вслѣдъ за ними и св. мощи, попранныя предварительно ногами. Рѣка была загромождена трупами; слышны были отчаянныя вопли тонувшихъ людей въ пучинѣ отнынѣ священной Куры, этого грузинскаго Іордана. Всѣ эти душу раздирающія сцены продолжались 8 дней. Мусульмане словно плавали въ крови христіанской. Ага-Магометъ-ханъ вполнѣ удовлетворилъ свою месть.

Первопрестольный городъ Мцхетъ—грузинская Москва—былъ также выжженъ персами, которые порывались подвергнуть той же участи и знаменитый Мцхетскій храмъ, но были остановлены отъ исполненія этого намѣренія начальникомъ отряда ханомъ Нахичеванскимъ. «*Не слѣдуетъ осквернять святыню народа и гробы его царей*», сказалъ онъ своимъ войскамъ. Монастырское имущество было совершенно разграблено, и повсюду валялось множество убитыхъ. Намѣстникъ и монашествующіе, предъ уходомъ своимъ, спрятали монастырскія имущества въ потаенномъ мѣстѣ, внутри стѣны, въ которой отверстіе было сдѣлано въ самомъ верху и закладывалось такимъ же камнемъ, какъ и прочіе. Но, спрятавъ ихъ, по торопливости, монахи оставили у того самаго мѣста лѣстницу, а это обстоятельство подало поводъ догадаться персіанамъ, что именно тутъ находятся сокрытыя имущества, которыя и были похищены ими.

20 сентября 1795 года Ага-Магометъ-ханъ съ богатою добычею и многочисленными плѣнными двинулся обратно въ Персію, опасаясь мести царя Ираклія, который въ это время поспѣшно собиралъ войска и готовился отрѣзать шаху путь къ отступленію его въ Персію.

Состояніе разоренной столицы грузинскаго царства послѣ персидскаго погрома извѣстный въ то время духовный ораторъ, митрополитъ Амвросій Некресели, передаетъ въ слѣдующихъ словахъ «*Не собственными-ли глазами видѣли мы тѣ страшную скорбь и печаль, поджоги, опустошенія и плѣненія, кои ниспосланы были на насъ Богомъ отъ рукъ невѣрныхъ за великія прегрѣшенія наши... Что думали бы, если бы увидѣлъ вы человѣка посреди разъяреннаго и взволнованнаго моря, сидящаго въ одной маленькой лодкѣ, оставшагося безъ лодочника,—человѣка, у котораго изъ рукъ выпали бы весла, и онъ, страшно перепуганный, носился бы по волнамъ моря .. Взволнованное море—это самый гнѣвъ Божій на насъ; маленькая лодочка—это постоянно стѣсненная врагами страна наша; несчастные люди, постоянно полные печали и возбуждающіе въ жителяхъ сожалѣнія,—это мы сами, обитатели Грузіи: лодочникъ—это наша надежда и*

предстательство, Пресвятая Богородица; весло и кормило—это молитва и просьба наша къ Богу. Стѣснены мы сильно въ этой маленькой лодкѣ» ..

Полное разстройство внутренней государственной жизни, существовавшія и ожидавшіяся междоусобицы и крайняя опасность отъ внѣшнихъ враговъ,—не могли быть устранены собственными силами Грузіи въ то время, и она должна была естественно обратиться за покровительствомъ и помощью къ единовѣрной и могущественной Россіи, къ которой искони обращались грузинскіе цари въ тяжкія минуты своей жизни. Послѣдній царь грузинскій Георгій XII предъ своею кончиною (+1800 г. декабря 28), съ согласія всѣхъ чиновъ своего государства и народа, просилъ императора Павла I принять Иверію въ свое вѣчное подданство. Императоръ Александръ I, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ покровительство народу единовѣрному, вручившему свой жребій великодушной защитѣ Россіи

12 сентября 1801 года былъ обнародованъ къ грузинскому народу ВЫСОЧАЙШІЙ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и грузинское царство, какъ самостоятельное, перестало существовать. Съ того времени въ лицѣ Россіи явилась для Грузіи великая благодѣющая сила, безъ которой она давно была бы стерта съ лица земли подъ безпощадными ударами персовъ и турокъ, и свѣтъ христіанской религіи померкъ бы въ ней навсегда, какъ померкъ онъ въ близъ лежащихъ къ ней провинціяхъ Малой Азіи. [98]).

ГЛАВА X.

Сношенія Грузіи съ единовѣрной Россіей, подготовившія собою окончательное ея сліяніе съ послѣдней. Русскій князь Святославъ у подошвы Кавказа. Возникновеніе Тмутараканскаго княжества. Родственныя связи русскихъ князей съ владѣтелями кавказскихъ народовъ. Монгольское иго—средство тѣснѣйшаго единенія русскихъ съ грузинами. Могущество Россіи привлекаетъ къ себѣ взоры грузинъ въ бѣдственныя времена ихъ политической исторіи. Посольства Грузіи въ Россію и этой послѣдней въ Грузію. Вступленіе Грузіи въ подданство Россіи и подчиненіе церкви грузинской Св. Суноду.

Длинными вѣками созидалась та тѣсная связь православной Грузіи съ нашимъ отечествомъ, которая, какъ цементъ, навсегда и прочно соединила двѣ единовѣрныхъ страны въ одну православную семью. Самое же начало сношеній Грузіи съ Россіей относится еще къ X вѣку, когда храбрый русскій князь Святославъ, опустошивъ царство хозаровъ на Дону, простеръ затѣмъ оружіе свое на подошвы Кавказа и, разбивъ тутъ, около 967 года, яссовъ и касоговъ, т. е. осетинъ и черкесовъ, утвердилъ господство русскихъ на берегахъ Кубани, на островѣ Тамани, подъ названіемъ Тмутараканскаго княжества, которое въ 1036 году перешло во власть Ярополка, затѣмъ имъ правилъ сынъ Святослава Владимировича—Глѣбъ. Съ этимъ княземъ изъ Кіева прибылъ преподобный Никонъ, устроившій здѣсь монастырь. Въ 1064 году двоюродный братъ князя, Ростиславъ Владимировичъ, будучи обдѣленъ удѣломъ, собралъ удальцовъ и, прибывъ на Тамань, выгналъ Глѣба, а самъ занялъ его мѣсто. По смерти Ростислава Тмутараканью правилъ Давидъ Игоревичъ, а около IIII года княжество это было завоевано половцами.

Въ лѣтописяхъ говорится также, что великій князь Изяславъ, сынъ Мстислава Великаго, былъ женатъ на абазинской княжнѣ, безъ сомнѣнія, христіанкѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что дружественныя сношенія русскихъ съ горскими народами, какъ единовѣрцами, скрѣплялись узами родства еще во времена сѣдой древности. Грузинскія лѣтописи, на которыхъ основывается Карамзинъ, говорятъ, что въ 1171 году юная Тамара, дочь царя Георгія III сочеталась бракомъ съ сыномъ Андрея Боголюбскаго, княземъ Георгіемъ, но бракъ этотъ, какъ извѣстно, былъ крайне несчастливъ. Внутренняя и духовная связь между Москвою и Грузіею съ этого времени не прекращалась. Сильное тяготѣніе къ единовѣрной Россіи было фактомъ далеко не случайнымъ, и рука помощи сѣвернаго великана съ этого времени какъ бы виднѣлась въ туманной дали грядущихъ событій.

Но, кромѣ войнъ и брачныхъ союзовъ, и торговля связывала Русь съ Кавказомъ. По словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Фадлана, русскихъ купцовъ много встрѣчалось въ столицѣ хазарскаго царства. Отсюда они отправлялись и къ берегамъ Каспійскаго моря. Иногда русскія дружины посѣщали эти берега для грабежа. Свѣдѣнія о такихъ грабительскихъ походахъ мы находимъ у арабскихъ писателей. Послѣ исчезновенія Тмутараканскаго княжества (въ XII вѣкѣ) сношенія Руси съ Кавказомъ прерываются и затѣмъ возобновляются въ XIII вѣкѣ, благодаря монгольскому игу. Русскіе князья, митрополиты и архіереи, во время своихъ обязательныхъ поѣздокъ въ Орду, и русскіе люди, бывшіе въ ней по торговлѣ должны были знакомиться съ самыми отдаленными странами обширной монгольской имперіи. Въ лѣтнее время Орда постоянно перекочевывала съ мѣста на мѣсто, странствуя то около Каспійскаго моря, то у береговъ Азовскаго, то у Чернаго, то въ Закавказьѣ. Русскіе купцы, а также русскіе плѣнники встрѣчались въ Ордѣ съ представителями различныхъ кавказскихъ народовъ и знакомились съ ними. Естественно, что въ древней русской литературѣ отражаются слѣды этого знакомства [100]).

Наконецъ, знакомству русскихъ съ Кавказомъ способствовали и аѳонскіе монастыри. На Аѳонской горѣ были монастыри и русскій и грузинскій; съ этими монастырями и Русь и Кавказъ,—особенно Грузія, имѣли постоянныя сношенія. Здѣсь встрѣчались русскіе съ кавказцами, особенно же съ грузинами, и знакомились другъ съ другомъ [101]).

Но когда именно начались сношенія собственно московскаго правительства съ народами Кавказа, пока неизвѣстно. Есть основанія предполагать, что такія офиціальныя сношенія начались въ XV вѣкѣ. Всѣ наши свѣдѣнія ограничиваются тѣми извѣстіями, которыя мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ и мимоходомъ брошенныхъ замѣткахъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи или встрѣчавшихся съ русскими послами при иноземныхъ дворахъ. Извѣстно также, что первыя дипломатическія сношенія московскаго правительства съ Персіей начинаются во второй половинѣ XV вѣка, при Іоаннѣ III. Русскіе послы, проѣзжая въ Персію черезъ Кавказъ могли вступать въ сношенія съ владѣтелями кавказскихъ народовъ [102]).

Въ этомъ же вѣкѣ дни несчастій, послѣдовавшихъ за раздѣленіемъ царства грузинскаго на четыре независимыя государства—Имеретію, Кахетію, Самхетію и Карталинію, обуреваемыя почти непрерывными нашествіями враговъ,—очень скоро сдѣлали необходимымъ обращеніе грузинскаго царя къ Россіи, и уже третій кахетинскій царь, Александръ I (1492—1511), искалъ защиты въ русскомъ царѣ Іоаннѣ III называя его «надеждою христіанъ и подпорою бѣдныхъ» [103]).

Московское правительство не могло въ эту эпоху оказать фактической помощи Грузіи, не могло оно и дипломатическимъ путемъ заступиться за нее передъ турецкимъ султаномъ. Но, какъ выше было сказано, московское правительство въ это время вступило въ дипломатическія сношенія съ Персіей, что не могло не быть извѣстнымъ въ Грузіи. Естественно предположить, что, завязывая сношенія съ Москвою, царь Кахетіи Александръ

надѣялся впослѣдствіи добиться заступничества Россіи за единовѣрную Грузію передъ персидскимъ шахомъ.

Послѣ этого посольства извѣстія о сношеніяхъ Московскаго государства съ Грузіей прерываются болѣе чѣмъ на полустолѣтіе.

Эти сношенія возобновились только при Іоаннѣ Грозномъ. Но и въ этотъ промежутокъ времени въ Москвѣ продолжаютъ слѣдить за судьбами Грузіи и соболѣзновать о ней. Иногда о Грузіи напоминаютъ въ Москвѣ и послы изъ иноземныхъ государствъ, пріѣзжавшіе въ Россію для переговоровъ и для заключенія союза противъ общаго всѣмъ христіанамъ врага, турецкаго султана Такъ, бывшій въ 1518 году въ Москвѣ при Василіи III посолъ римскаго императора Франциск-де-Колла, убѣждая на аудіенціи царя прекратить войну съ Польшей и направить оружіе противъ турокъ, перечислялъ земли, захваченныя послѣдними, и въ числѣ ихъ Грузію [104]).

По завоеваніи царства Казанскаго и Астраханскаго, царь Іоаннъ IV Грозный началъ внушать страхъ магометанамъ, защищая кавказскіе христіанскіе народы и грозя нехристямъ. «Утвержденіе въ устьяхъ Волги,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній Прикавказья; князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ крымцевъ, и потому, какъ скоро увидали у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, свободной торговлѣ въ Астрахани, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно, волею-неволею, затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на востокъ, къ Кавказу и за него» [105]).

Начиная съ 1552 года, въ Москву стали пріѣзжать князья черкесскіе, грузинскіе и кабардинскіе съ изъявленіемъ покорности и вѣчной дружбы. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ и отдавали ихъ на воспитаніе царю. Когда царь Іоаннъ Грозный овдовѣлъ, то, по примѣру прежнихъ князей, искалъ себѣ невѣсту въ семействахъ азіатскихъ владѣтелей. Ему особенно понравилась

дочь знатнѣйшаго изъ князей Черкесіи Гемрюка, Марія, съ которою царь въ августѣ 1561 года и вступилъ въ бракъ. Съ этого времени дружба и родство русскихъ съ грузинами уже не прекращались, а вліяніе ихъ на кавказскія страны, напротивъ, стало постепенно расти. Царь, считая даже эти земли законною собственностью, придалъ къ своему обширному титулу наименованіе «*повелителя черкесскихъ, грузинскихъ и иныхъ князей*».

При царѣ же Іоаннѣ Грозномъ основалось на Терекѣ русское укрѣпленіе, необходимое для пограничныхъ наблюденій нашихъ, подъ названіемъ «*Терки*» [106]). Это былъ своего рода «*острогъ*» на подобіе тѣхъ остроговъ, которые строились въ Сибири при распространеніи въ ней русской колонизаціи, изъ которыхъ впослѣдствіи возникли многіе сибирскіе города Построенъ онъ былъ на границѣ, отдѣлявшей кабардинскія земли отъ кумыцкихъ, и находился въ вѣдѣніи астраханскихъ воеводъ Городъ этотъ то оставлялся русскими, то снова занимался по просьбѣ черкесовъ.

Имѣются интересныя свѣдѣнія о дѣятельности терскихъ казаковъ на Кавказѣ, объ участіи ихъ въ защитѣ Грузіи. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича они уже конвоируютъ пословъ московскихъ въ Грузію и обратно. Мало того, терскихъ казаковъ мы встрѣчаемъ и въ самой Грузіи, гдѣ они, находясь на службѣ у карталинскихъ и кахетинскихъ царей, несли сторожевую службу по ущельямъ. Вѣроятно, они и раньше бывали тамъ. [107]).

Столѣтіе спустя, Александръ II кахетинскій (1574—1605), опасавшійся мщенія Персіи за склонность къ туркамъ, тайно посылалъ въ Москву духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ слезною просьбою къ царю Ѳеодору Іоанновичу, прося принять Кахетію подъ свою высокую руку и тѣмъ исхитить ее изъ рукъ невѣрныхъ. «*Настали*—писалъ онъ—*времена ужасныя для христіанства: мы, единодушные братья христіанъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ; одинъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу; бью тебѣ челомъ до лица земли, да будемъ твои во вѣки вѣковъ*». [108]).

Въ апрѣлѣ 1587 года послы кахетинскаго царя, получивъ отвѣтъ, что «*царь Ѳеодоръ Александра князя подъ свою царскую руку и въ оборонь хочетъ взять*», отправились въ обратный путь къ царю Александру, вмѣстѣ съ русскими послами—Биркинымъ, Пивовымъ и Полухановымъ, которые были посланы «*царя къ вѣрѣ привести*». Послѣдніе, вернувшись въ Москву въ октябрѣ 1588 года, донесли царю Ѳеодору, что, согласно данному имъ наказу, они царя Александра, дѣтей его и чиновныхъ людей привели къ крестному цѣлованію за всю иверскую землю. Вмѣстѣ съ ними прибыли въ Москву и новые послы кахетинскаго царя—князь Капланъ, старецъ Кириллъ и Куршитъ, впервые привезшіе «*поминки*», согласно крестоцѣловальной записи, и бившіе царю челомъ также и о томъ, чтобы царь «*исправилъ вѣру христианскую и очистилъ царство Иверское отъ невѣрныхъ*».

Послѣдняя ихъ просьба была исполнена, и съ послами кахетинскаго царя, кромѣ пословъ царя Ѳеодора—князя Звенигородскаго и дьяка Антонова, въ Грузію (въ мартѣ 1589 г.) поѣхали и посланные отъ патріарха Іова «*учительные люди*» съ грамотой къ царю и грузинскому митрополиту Николаю. [109]).

Грамота Іова къ грузинскому царю проникнута чувствомъ соболѣзнованія о несчастной судьбѣ Грузіи и желаніемъ ободрить царя Александра и поощрить его на дальнѣйшее служеніе православной церкви и благу своего народа. Это задушевное слово россійскаго патріарха должно было ободрить Александра и подвигнуть его на усердное служеніе церкви и своему народу. Такимъ же теплымъ чувствомъ согрѣто посланіе Іова къ иверскому митрополиту, котораго онъ убѣждаетъ заботиться о чистотѣ вѣры.

Но, обѣщая грузинскому царю помощь противъ его враговъ, русское правительство ставило ему на видъ, при какихъ условіяхъ онъ можетъ сохранить покровительство Россіи. Вотъ эти условія: царь Александръ и его преемники должны всегда быть преданы Россіи, никогда не при-

соединяться къ врагамъ ея, быть всегда въ союзѣ съ воеводами астраханскими и терскими. Сверхъ того, русское правительство требовало, чтобы царь Александръ примирился съ зятемъ своимъ Симеономъ, царемъ Карталинскимъ, и заключилъ съ нимъ вѣчный міръ. Россія хорошо знала и помнила вредъ внутреннихъ усобицъ и старалась прекратить ихъ среди единовѣрнаго народа.. Но вскорѣ обнаружилось, какъ трудно поддерживать царя Александра. Очевидно, онъ «*не могъ организовать у себя національной обороны противъ своихъ враговъ и всѣ свои надежды возлагалъ исключительно на помощь Россіи*». Этотъ фактъ мы подчеркиваемъ, потому, что онъ повторяется до конца XVIII вѣка и вызываетъ различныя недоразумѣнія какъ въ сношеніяхъ Грузіи съ Россіей, такъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ этихъ сношеній. Согласно своему обѣщанію, Ѳеодоръ Іоанновичъ послалъ войско изъ города Терки во владѣнія Шевкала, врага Грузіи. Войско это взяло Терки, но, затѣмъ, не получивъ условленной поддержки со стороны грузинскаго царя, оно было разбито дагестанскими горцами, причемъ погибло 3000 русскихъ воиновъ. Александръ оправдывался на упреки московскаго правительства тѣмъ, что русскія войска дѣйствовали съ моря, а его войскамъ мѣшали пройти къ Теркамъ горы, забывая, что тѣ же самыя горы не мѣшали однако шевкаламъ вторгаться въ его владѣнія. [110]).

Отправленные въ Грузію изъ Москвы послы повезли съ собою церковные сосуды, книги, ризы, «*всякое украшеніе церковное*»—образа, краски и проч. 16 октября 1589 года они были приняты царемъ Александромъ, а въ маѣ слѣдующаго 1590 года отпущены имъ обратно въ Россію.

Въ продолженіе этого времени духовныя лица посольства исполнили всѣ возложенныя на нихъ порученія. осмотрѣли монастыри и церкви въ Кахетіи и свои подробныя замѣчанія о всемъ ими видѣнномъ занесли въ статейный списокъ; подали учительную грамоту патріарха Іова, за отсутствіемъ грузинскаго митрополита, Алавердскому архіепископу Гавріилу, а по возвращеніи перваго, вели съ

нимъ рѣчи о духовныхъ дѣлахъ; были «*на соборѣ*» у митрополита «*объ исправленіи вѣры христіанской*»... По привезеннымъ ими донесеніямъ, не все въ христіанскихъ церквахъ было «*по преданію свв. апостолъ и свв. отецъ правиламъ*»: престолъ не украшенъ, сорочки, препоясанія, антиминса, индитіи, креста и евангелія на престолѣ нѣтъ, а на жертвенникѣ на святыхъ сосудахъ не было никакихъ изображеній ни деисуса, ни крестовъ. Московское духовенство не разъ рѣшительно отказывалось служить въ такихъ храмахъ литургію и требовало дозволенія освятить ихъ вновь, но такъ какъ на это оно получило положительный отказъ, то во все время своего пребыванія въ Кахетіи оно ни разу не служило литургіи, а только молебны, часы, вечерни и утрени. По этому вопросу между ними и грузинами неоднократно происходили споры; московскія духовныя лица вели объ этомъ разсужденія и съ грузинскимъ митрополитомъ, но они не привели ни къ какимъ результатамъ каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи. Въ ноябрѣ 1590 года посольство возвратилось въ Москву, сопровождаемое новыми послами кахетинскаго царя Александра—княземъ Сулейманомъ и Хуршитомъ, прибывшими съ тѣмъ же челобитьемъ, съ которымъ обращался къ царю Ѳеодору и ранѣе того новый подданный, съ просьбою о помощи противъ шамхала тарковскаго. Помощь, уже и ранѣе оказанная не разъ и не два, была обѣщана снова; съ увѣдомленіемъ объ этомъ и были отправлены въ Кахетію Плещеевъ и Кудринъ (1591—1592), съ которыми также были посланы новые иконописцы въ обмѣнъ на оставленных въ Грузіи и грамота отъ патріарха Іова къ царю Александру. Грузины и послѣ этого неоднократно возобновляли свои просьбы о помощи, поддерживая все время (1593—1599 г.) дипломатическія сношенія съ русскими. [111]).

Вообще говоря, у грузинскихъ царей XVI и XVII вѣковъ создалось, повидимому, преувеличенное представленіе о могуществѣ московскаго государя. Доказательствомъ этого можетъ служить случай, происшедшій при томъ же царѣ Александрѣ. Однажды турки потребовали отъ Але-

ксандра запасовъ и пропуска ихъ войскъ чрезъ его землю въ Дербентъ и Баку. Александръ, разсчитывая на сильную поддержку со стороны Россіи, далъ рѣзкій и смѣлый отвѣтъ: «*Съ запасомъ черезъ свою землю не пущу и своихъ запасовъ не дамъ; я—холопъ царя русскаго и турецкаго не боюсь*». Когда объ этомъ стало извѣстно въ Москвѣ, то Александру дали знать, чтобы онъ жилъ съ турскимъ султаномъ, переланивая его, пока промыслъ надъ нимъ учинится. [112]). Вышло недоразумѣніе. Александръ, вѣроятно, полагалъ, что русскому царю легко будетъ вступить изъ-за него во всякое время въ войну и съ Турціей...

Во всякомъ случаѣ вина его заключается въ томъ, что, когда шли переговоры о вторженіи во владѣнія Шевкала, онъ не высказался опредѣленно о томъ, при какихъ именно условіяхъ онъ двинется со своимъ войскомъ на поддержку русскаго отряда. Понадѣявшись на то, что грузины, хотя бы и съ небольшимъ войскомъ, отвлекутъ часть силъ Шевкала, русскіе взяли Терки, а затѣмъ, какъ мы говорили, большая часть русскаго отряда была истреблена. Во всякомъ случаѣ было ясно, что Московское государсгво въ концѣ XVI вѣка еще не могло, при всемъ своемъ желаніи, поддерживать такихъ отдаленныхъ владѣній, какъ Грузія. Царь Ѳеодоръ умеръ въ 1598 году.

Со вступленіемъ на престолъ Бориса Годунова отношенія московскаго правительства къ народамъ Кавказа не измѣнились [113]). Къ новому царю на московскомъ престолѣ Борису, вскорѣ же по его восшествіи, кахетинскій царь Александръ обращается съ челобитьемъ держать его подъ царскою рукою въ обереганьѣ и защищеньѣ, какъ держалъ его царь Ѳеодоръ. И дѣйствительно, отношенія Московскаго государства къ Кахетіи за все время царствованія Бориса остались тѣ же, что были и при царѣ Ѳеодорѣ; впрочемъ, перемѣны въ нихъ и нельзя было ожидать, такъ какъ одно и тоже лицо руководило внѣшними сношеніями Москвы за все время обоихъ царствованій. Можно даже сказать, что московское правительство теперь еще болѣе благоволило въ Кахетіи; оно, какъ и прежде, посылало

свои войска противъ ея враговъ; царь Борисъ хотѣлъ даже войти съ нею въ еще болѣе близкія сношенія: московскимъ посламъ въ Кахетіи (1604—1605) Татищеву и Иванову, между прочимъ, поручено было «*тайное*» дѣло— сосватать среди грузинскихъ царевичей и царевень дочери царя Бориса жениха, а сыну его невѣсту.

Наступившее послѣ смерти Бориса «*смутное время*» въ Московсковскомъ государствѣ прервало наши дипломатическія сношенія съ Кахетіей. Это прекращеніе нашихъ сношеній съ ней зависѣло и отъ происшедшей въ ней перемѣны правленія. Наши послѣдніе, предъ смутнымъ временемъ, послы въ Грузію Татищевъ и Ивановъ были очевидцами того, какъ сынъ царя Александра Константинъ, жившій у персидскаго шаха, мусульманинъ, обманнымъ образомъ напалъ на Кахетію, убилъ своего отца и брата и самъ взошелъ на грузинскій престолъ. И какъ воспитанникъ и посаженникъ персидскаго шаха, и какъ мусульманинъ, онъ, естественно, тяготѣлъ къ послѣднему и не чувствовалъ особенной симпатіи къ Московскому государству, а тѣмъ менѣе заискивалъ въ его расположеніи. Поэтому то мы и не встрѣчаемъ извѣстій, чтобы онъ вступалъ въ какія либо сношенія съ Московскимъ государствомъ.

Перерывъ сношеній продолжался до тѣхъ поръ, пока на грузинскій престолъ не восходитъ Теймуразъ, что произошло уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Романова; но характеръ ихъ теперь уже значительно измѣняется. Съ одной стороны, у московскаго правительства такъ много дѣла внутри своего государства, что оно уже не имѣетъ возможности обращать большее вниманіе на Кахетію, оказывать ей какую-либо существенную помощь своими военными силами, въ которыхъ оно само очень нуждается; съ другой стороны, Кахетія въ это время стала данницей Персіи, съ которой, какъ естественно, и пришлось бы вступить въ борьбу Московскому государству, что тогда, конечно, было ему не по силамъ, вслѣдствіе чего русскіе не предпринимали никакихъ рѣ-

шительныхъ мѣръ въ защиту Кахетіи и даже какъ бы сторонятся самыхъ сношеній съ нею. Между тѣмъ, царь Теймуразъ, ведшій съ персидскимъ шахомъ постоянную войну изъ-за своего престола, съ котораго его шахъ не разъ прогонялъ, сильно желалъ быть въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Московскому государству, въ которыхъ былъ его предшественникъ царь Александръ, почему неоднократно и обращался чрезъ своихъ нарочитыхъ пословъ съ челобитьемъ объ этомъ въ Москву. Въ 1619 году явилось къ царю Михаилу Ѳеодоровичу посольство отъ кахетинскаго царя Теймураза съ просьбой оказать ему защиту противъ персовъ и принять его подъ свое покровительство подобно тому, какъ предки его находились подъ покровительствомъ русскихъ царей, начиная съ царя Іоанна IV. Въ письмѣ своемъ Теймуразъ жаловался на персидскаго шаха, разорившаго Грузію и взявшаго къ себѣ его мать и его дѣтей, и, между прочимъ, говорилъ, что князья іурійскій и мингрельскій, исповѣдующіе христіанскую вѣру, узнавши о возобновленіи сношеній его съ русскимъ царемъ, просили его написать царю, чтобы онъ благоволилъ принять ихъ подъ свое покровительство, и что они желаютъ вѣчно быть его подданными. Всѣ эти владѣтели несчастной Грузіи просили, кромѣ того, русскаго царя прислать имъ какого-нибудь посла, который собственными глазами увидѣлъ бы слѣды опустошеній, причиненныхъ шахомъ Грузіи, и своимъ прибытіемъ въ эту страну оказалъ бы ей нѣкоторую помощь, такъ какъ это обстоятельство произвело бы, безъ сомнѣнія, извѣстное впечатлѣніе на ихъ враговъ. Но просьба князей о присылкѣ посла не была исполнена.

Также неудачно было и второе посольство Теймураза въ 1623—1624 годахъ. Въ отвѣтной грамотѣ, которую привезъ въ свое отечество грузинскій архіепископъ Ѳеодосій, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ увѣдомлялъ только Теймураза, что на свое заступничество за него передъ шахомъ Аббасомъ получилъ въ отвѣтъ, что онъ, шахъ, нападалъ на Грузію за то, что Теймуразъ не сдержалъ

своего слова быть въ союзѣ съ нимъ и соединился съ его врагомъ, турецкимъ султаномъ, и что ради дружбы съ царемъ Михаиломъ онъ, шахъ, согласенъ отдать Теймуразу его царство, его мать и дѣтей, если онъ самъ пріѣдетъ за ними въ Персію; отъ помощи же деньгами царь Михаилъ отказывался, ссылаясь на то, что казна Московскаго государства вся истощена и разграблена его врагами—поляками и литовцами. Насколько эти отвѣты были непріятны Теймуразу, видно изъ того, что первый посолъ его, игуменъ Харитонъ убѣжалъ изъ боязни лишиться жизни въ чужую страну, гдѣ и умеръ; а другого посла, архіепископа Ѳеодосія, Теймуразъ за привезенный изъ Москвы отвѣтъ хотѣлъ было казнить, и тотъ спасся только тѣмъ, что убѣжалъ въ Турцію.

Въ такомъ положеніи находились сношенія Московскаго государства съ Грузіей, когда въ столицу царства русскаго прибылъ новый посолъ отъ Теймураза, архимандритъ (нареченный митрополитъ) Никифоръ, добившійся отправленія въ 1637 году изъ Москвы къ царю Теймуразу особаго посольства, въ составъ котораго входили и духовныя лица, а также иконописцы, кречетники, фонарщики, оконные мастера и проч. Посольство это должно было вести переговоры съ царемъ Теймуразомъ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ желалъ вступить въ подданство Московскому государству, привести его къ присягѣ въ вѣрности подданства и собрать возможно болѣе подробныя свѣдѣнія о Грузіи. Духовнымъ лицамъ посольства дано было, кромѣ того, еще особое порученіе—осмотрѣть въ Грузіи церкви и чудотворныя мощи, а также исправить и устранить могущіе встрѣтиться имъ недочеты въ церковно-богослужебной практикѣ этой страны. Свое вниманіе духовныя лица должны были, кромѣ того, обратить и на осмотръ различныхъ святынь, находящихся въ Грузіи, особенно же добыть точныя свѣдѣнія о хитонѣ Господнемъ.

Русское посольство прибыло послѣ долгихъ мытарствъ, испытанныхъ на пути въ Кахетію, 1 августа 1638 г.,

и только 9 сентября было принято въ Алавердскомъ монастырѣ царемъ Теймуразомъ. На другой день, 10 сентября, послы, по приглашенію царя, были у обѣдни, которую совершалъ самъ архіепископъ; это было первое богослуженіе, которое они видѣли въ православной Грузіи. Церковь, въ которой служили, была трехпрестольная, но въ двухъ предѣлахъ не было иконостаса и потому она казалась однопрестольной. Главный престолъ былъ восьмиугольный, а престолы предѣльные были примкнуты къ стѣнамъ, такъ что кругомъ ихъ нельзя было ходить. Когда послы пришли въ церковь, въ которой находился и царь Теймуразъ съ своимъ семействомъ и азнаурами, архіепископъ уже стоялъ среди церкви на коврѣ, а остальные служащіе, которыми проскомидія была уже совершена, находились въ алтарѣ. Выйдя оттуда, они облачили архіепископа въ святительскія одежды, подпоясали его простымъ поясомъ. Затѣмъ изъ алтаря принесены были крестъ деревянный, рѣзной, греческой работы, и зажженная тройная свѣча. Архіепископъ, взявъ ихъ въ правую руку, всталъ около алтаря, «*поднялъ руки и персты разтопырилъ*» и обращался на всѣ четыре стороны, «*будто осѣнялъ обѣма рукама*». Возвратившись на свое мѣсто, онъ, вмѣстѣ съ стоявшими на правомъ крылосѣ двумя епископами и однимъ мірскимъ человѣкомъ, пѣлъ «*долю, мало не часъ времени*», послѣ чего былъ совершенъ отпускъ, и началась уже собственно литургія. Московскій архимандритъ Іосифъ занесъ въ свой статейный списокъ не мало замѣчаній относительно ея совершенія въ грузинской церкви. Онъ говоритъ, напримѣръ, что архіепископъ «*входу и молитвъ архіерейскихъ не говорилъ и не дѣйствовалъ и книга у него въ рукахъ не бывала*», что архіепископъ во время малаго входа цѣловалъ евангеліе въ верхній край, а не въ подножіе распятія Христова; относительно чтенія евангелія замѣчаетъ, что діаконъ держалъ оное въ лѣвой рукѣ, а читалъ его по простой книгѣ, по которой ранѣе читали апостолъ, и, прочтя, отдалъ ее «*мужику*», а евангеліе подалъ архіепископу; во время великаго входа архіепи-

скопъ, принявъ дискосъ и чашу, поставилъ ихъ на престолъ, «*не показавъ на церковь*»; послѣ него «*не затворили царскихъ дверей завѣсою*», такъ что всѣ люди видятъ «*какъ совершаютъ тайную жертву*»; по возгласѣ діакона. «*возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы*» не бываетъ между служащими цѣлованія въ уста, вмѣсто чего «*они другъ съ другомъ головами съ обѣихъ сторонъ стыкаются*»; при произнесеніи словъ: «*пріимите, ядите*»... «*архіепископъ, вмѣсто того, чтобы показать на агнецъ «двѣма персты»,—«поводитъ надъ дискосомъ всею рукою, длань вверхъ держа»;* относительно дальнѣйшихъ дѣйствій до причащенія Святыхъ Таинъ онъ замѣчаетъ, что они «*кабы походили на службу*».

По окончаніи литургіи, послы приглашены были царемъ Теймуразомъ на обѣдъ, котораго имъ пришлось подождать не-малое время, пока повара принесли и поставили заразъ все приготовленное къ обѣду. Одинъ изъ грузинскихъ священниковъ прочиталъ «*Отче нашъ*», а архіепископъ, «*сидя, руку мало приподнялъ и, персты растопыря, показалъ тѣмъ дѣломъ, кабы благословилъ пѣсть*».

Послѣ обѣда послы возвратились домой, а 11 сентября присутствовали на обѣдѣ у грузинскаго архіепископа, за которымъ завязалась нелишенная интереса бесѣда русскаго архимандрита Іосифа съ верховнымъ представителемъ грузинской церкви. Архіепископъ сказалъ, что русскіе видѣли ихъ, грузинъ, службу, а теперь они должны показать имъ, какъ служатъ въ Россіи. Архимандритъ Іосифъ попросилъ предѣлъ, въ которомъ русское духовенство, *предварительно освятивъ его*, и будетъ служить. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что въ Грузіи теперь церкви стоятъ безъ крестовъ; алтари съ церковью не разгорожены; царскихъ дверей нигдѣ нѣтъ; хотя и есть завѣса, но грузинское духовенство ею не пользуется, такъ что всѣ присутствующіе видятъ совершеніе таинства. *А какая же послѣ того тайна, если она всѣмъ явна?* И ребята входятъ въ алтарь въ однихъ зипунишкахъ черезъ царскія двери... Бесѣду эту прекратилъ

самъ архіепископъ, сказавъ: «*мы съ вами о вѣрѣ не будемъ спорить*».

Чрезъ недѣлю послѣ того, 18 сентября, русское-духовенство совершило богослуженіе въ присутствіи царя Теймураза, его семьи и свиты. Русское богослуженіе очень понравилось царю Теймуразу.

У пословъ нашихъ было слишкомъ много свободнаго времени, которое они посвящали наблюденію за совершеніемъ церковныхъ службъ въ Грузіи. Описывая службу, бывшую 8 февраля 1639 года въ одной сельской церкви, архимандритъ Іосифъ говоритъ, что пришелъ попъ, а за нимъ «*малецъ*» принесъ кошель, откуда попъ и вынулъ всю церковную утварь. На престолѣ постелилъ платокъ, поставилъ на немъ деревянные сосуды, безъ креста и другихъ на нихъ священныхъ изображеній; вмѣсто звѣздицы, слѣпилъ двѣ свѣчки, перегнувъ ихъ, поставилъ на дискосъ, и совершалъ проскомидію «*въ одномъ чекменѣ*», надѣвъ ризы только тогда, когда началъ литургію. Во время литургіи пѣлъ самъ попъ—«*иное толсто добрѣ, иное тонкимъ голосомъ*»; по окончаніи обѣдни, «*малецъ*» собралъ всѣ сосуды съ престола и, положивъ въ кошель, унесъ ...

23 апрѣля 1639 года, по окончаніи обѣдни, тутъ же въ церкви была подписана царемъ Теймуразомъ и его ближними людьми запись о подданствѣ ихъ и всей грузинской земли московскому царству, и они были приведены къ крестному цѣлованію въ вѣрности исполненія этого договора. Причина, почему такъ долго царь Теймуразъ не подписывалъ крестоцѣловательной записи, скрывается въ томъ, что приближенные его совѣтовали ему объявить московскому правительству, что онъ тогда сдѣлаетъ это, когда ему пришлютъ войско противъ опустошавшихъ Грузію лезгинъ И одинъ только митрополитъ Никифоръ настойчиво требовалъ, чтобы царь и его приближенные безусловно подписали крестоцѣловательную запись, иначе онъ отказывался быть посредникомъ въ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ Такимъ образомъ свѣтскіе чины нашего посольства исполнили порученіе,

возложенное на нихъ въ Москвѣ, и хотѣли ѣхать домой. Архимандриту Іосифу хотѣлось покончить также, не смотря на многія со стороны грузинъ препятствія, и съ своимъ порученіемъ—прочесть рѣчи о духовныхъ дѣлахъ съ цѣлью устраненія замѣченныхъ имъ недочетовъ въ грузинской церковно-богослужебной практикѣ, что и было исполнено имъ только 26 апрѣля, да и то въ отсутствіи царя и архіепископа. Рѣчи архимандрита Іосифа, изложенныя дидактическимъ, положительнымъ тономъ, относились, главнымъ образомъ, до а) устройства и убранства церквей, или б) до совершенія богослуженія въ грузинской церкви или, наконецъ, в) до различныхъ обычаевъ и самой жизни грузинъ. Онъ дѣлаетъ также замѣчаніе относительно посвященія (хиротоніи) въ священныя степени, говоритъ, что въ Грузіи ставятъ въ попы и діаконы очень молодыхъ, 12 лѣтъ и менѣе, не женатыхъ, что послѣ поставленія дозволяется жениться и оставляется на волю поставленному—быть ли ему священнымъ лицомъ или простымъ міряниномъ, и что грузинскіе епископы, не смотря на то, что рукополагаютъ въ священники и діаконы, сами не посвящены въ архіерейскій санъ. На ряду съ указаніемъ такихъ важныхъ особенностей грузинской церкви, какъ, напримѣръ, крещеніе не черезъ три погруженія, а черезъ одно, мы встрѣчаемъ въ рѣчахъ Іосифа и замѣчанія объ особенностяхъ маловажныхъ, какъ, напрм., о крашеніи духовными и свѣтскими лицами ногтей и т. п. Какъ къ важному, такъ и къ маловажному, Іосифъ относится одинаково, и о самомъ неважномъ онъ замѣчаетъ, что это де *«чюже святсй соборной и апостольской церкви»*, но нигдѣ ничего не говоритъ, почему нужно поступать такъ, а не иначе, почему именно грузины поступаютъ неправильно и почему правильно будетъ дѣлать такъ, какъ онъ говоритъ. На такой характеръ рѣчей, вѣроятно, вліяло и то обстоятельство, что его собесѣдники—грузины ко всѣмъ его различнымъ объясненіямъ и указаніямъ относились вполнѣ безразлично: они почти совсѣмъ не возражали ему, на его обличенія они

обыкновенно говорили, что то или другое они дѣлаютъ потому, что такъ повелось у нихъ изстари, но если-де угодно, то они исправятся, станутъ дѣлать такъ, какъ онъ говоритъ. Очевидно, они въ этомъ случаѣ поступали не такъ, какъ хотѣли, а какъ имъ было велѣно царемъ Теймуразомъ, не желавшимъ имѣть по этому поводу какихъ либо недоразумѣній съ Москвою.

Вскорѣ послѣ этихъ рѣчей о духовныхъ дѣлахъ, наши послы отбыли изъ Кахетіи, именно 28 апрѣля 1639 года, и прибыли въ Москву, вмѣстѣ съ посланникомъ Теймураза, митрополитомъ Никифоромъ, около 20 января 1640 года. Посланіе царя Теймураза къ московскому государю, привезенное митрополитомъ Никифоромъ, представляетъ высокій интересъ во многихъ отношеніяхъ. Оно знакомитъ насъ и съ личностью энергичнаго и разумнаго грузинскаго митрополита, бывшаго въ Москвѣ посломъ отъ Теймураза и близко принимавшаго къ сердцу все, что касалось грузинскаго народа и грузинской церкви,—и съ состояніемъ царя и его совѣтниковъ, которое они переживали во время сношеній съ московскимъ правительствомъ. Изъ этой грамоты мы подробно узнаемъ и о томъ, что церковь грузинская пришла въ упадокъ, что даже священниковъ не хватаетъ, причемъ Теймуразъ жалуется въ ней на Дадіана, мингрельскаго владѣтеля, который старается его, царя, оклеветать передъ шахомъ, донося послѣднему о сношеніяхъ его съ Москвою, что вообще Дадіанъ поступаетъ не по-христіански. «Самъ Дадіанъ,—пишетъ Теймуразъ,—былъ прежде въ дружбѣ съ нами, а какъ убилъ дядю своего и взялъ его жену и развелся со своею законною женою, продаетъ каждый годъ отъ 10 до 15 тысячъ дѣтей, чему весь свѣтъ свидѣтель; онъ дѣлаетъ христіанскихъ дѣтей турками и посылаетъ туркамъ подарки, и султану и визирю, по 120 дѣтей въ годъ и даетъ туркамъ дань». Количество продаваемыхъ дѣтей изъ злобы къ Дадіану Теймуразъ, очевидно, сильно преувеличиваетъ, но самый фактъ продажи безспоренъ. Дадіанъ, по словамъ Теймураза, выжегъ своему зятю, князю Симону Гу-

рійскому, глаза, а Гурію отдалъ одному архіепископу, который сдѣлался и духовнымъ и свѣтскимъ ея владѣтелемъ. Этотъ архіепископъ, по словамъ Теймураза, продаетъ ежегодно отъ 10 до 12 тысячъ дѣтей и платитъ туркамъ дань, «*кого казнитъ, кого вѣшаетъ, и литурію служитъ*». «Дадіанъ,—говоритъ Теймуразъ,—хочетъ истребить царское имя въ Иверской землѣ и считаться въ ней единымъ царемъ». Теймуразъ проситъ московскаго царя не вѣрить Дадіану и не слушать пословъ его, которые, какъ извѣстно, въ 1639 году были присланы мингрельскимъ владѣтелемъ въ Москву съ просьбою принять и его подъ высокую царскую руку. Въ отвѣтъ на эту просьбу Дадіана изъ Москвы отправлены были русскіе послы въ Зугдиды, тогдашнюю резиденцію мингрельскаго правителя, съ порученіемъ собрать подробныя свѣдѣнія о государствѣ Дадіана и о состояніи въ немъ церкви.

Та цѣль, для которой настоящее посольство 1637—1640 г.г. ѣздило въ Грузію, была вполнѣ достигнута· оно закрѣпило, съ одной стороны, подданство царя Теймураза Московскому царству, приведя его къ присягѣ на данничество, а съ другой стороны, собрало довольно подробныя свѣдѣнія о Грузіи, въ томъ числѣ и о церковной жизни грузинъ, что составляло, какъ мы видѣли, спеціальную цѣль принадлежавшихъ къ его составу духовныхъ лицъ. Послѣднія, впрочемъ, исполнили не все, что имъ указано было сдѣлать, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ.

Этотъ пробѣлъ былъ восполненъ въ 1652 году прибывшимъ въ Грузію русскимъ монахомъ Арсеніемъ Сухановымъ, бывшимъ здѣсь въ первый разъ въ составѣ посольства 1637—1640 годовъ. Онъ посѣтилъ церковь Мцхетскаго монастыря, въ которомъ и ночевалъ. Здѣсь онъ съ особеннымъ интересомъ осматривалъ то мѣсто, гдѣ подъ столбомъ *положена Риза Христа Бога нашего, цѣла вся, нерушена*». Самъ католикосъ и многіе изъ сопутствующихъ послѣднему духовныхъ лицъ объяснили Арсенію Суханову, какимъ образомъ очутилась здѣсь Риза Господня, причемъ

познакомили его съ содержаніемъ преданія по этому вопросу, помѣщеннаго нами на первыхъ страницахъ настоящаго труда. Разсказъ этотъ о хитонѣ Господнемъ и самое его мѣстонахожденіе особенно должны были заинтересовать Арсенія Суханова. Выше мы говорили, что отправленнымъ въ Грузію въ 1637 году русскимъ посламъ, съ которыми ѣздилъ и Арсеній, поручено было, между прочимъ, провѣрить слова царя Теймураза и его пословъ, утверждавшихъ, что хитонъ Господень неповрежденнымъ находится въ Мцхетскомъ соборѣ, посольство не могло исполнить этого порученія, потому что Карталиніей въ то время завладѣлъ персидскій шахъ. Арсеній имѣлъ теперь возможность изслѣдовать это дѣло, провѣрить разсказы грузинъ о мѣстонахожденіи хитона Господня. Вопросъ этотъ былъ очень важенъ для московскаго правительства потому, что, какъ извѣстно, персидскимъ шахомъ Аббасомъ въ 1625 году была доставлена въ Москву «*часть нѣкая*» срачицы Христовой. Оно тогда же производило изслѣдованіе о ней, но, не смотря на это, всѣмъ своимъ посламъ, ходившимъ въ Грузію, наказывало—собрать возможно болѣе подробныя свѣдѣнія о хитонѣ Спасителя во Мцхетскомъ соборѣ. Этому желанію московскаго правительства Арсеній Сухановъ и удовлетворилъ полученными имъ на этотъ разъ отъ католикоса и другихъ грузинскихъ духовныхъ лицъ уже извѣстными намъ свѣдѣніями.

Въ Мцхетскомъ монастырѣ Арсенію расказывали и о чудѣ, ежегодно бывающемъ 10 ноября у церкви св. великомученика Георгія, [114]) именно—что въ каменной церковной оградѣ, запечатанной съ вечера печатями государя и католикоса Дадіанскихъ, пріѣзжающихъ сюда нарочно ради этого дня, невѣдомо откуда появлялся живой быкъ, котораго тутъ же убивали и съѣдали. Чтобы убѣдить нашего старца въ достовѣрности событія, повѣствователи разсказали ему случай съ однимъ туркомъ, не хотѣвшимъ вѣрить этому чуду до тѣхъ поръ, пока въ церковной оградѣ не очутился его собственный быкъ. «*На другое лѣто*» послѣ сдѣланнаго туркомъ заявленія, когда пришло время

снимать печати, и, вмѣстѣ съ нимъ, вошли въ ограду, быкъ находившійся въ ней, оказался принадлежащимъ ему. Турокъ, «*еще не вѣря тому*», поѣхалъ домой и отъ жены своей узналъ, что его быкъ пропалъ именно въ тотъ день, въ который нашли его въ церковной оградѣ. Тогда онъ возвратился назадъ и принялъ крещеніе. Какъ увѣряли Арсенія, только это чудо и держало мингрельцевъ въ христіанской вѣрѣ, въ противномъ случаѣ они давно бы обасурманились. «*У нихъ же и гвозди, которыми былъ привожденъ Христосъ, и веревка, которою Онъ былъ привязанъ, да риза Богородицы*». [115]).

Въ самый годъ пребыванія Арсенія Суханова въ Грузіи царь Теймуразъ отправилъ ко двору царя Алексѣя Михайловича вдовствующую царицу Елену съ ея сыномъ Николаемъ Давидовичемъ. На Терекѣ они были ограблены горскими хищниками, почему государь Алексѣй Михайловичъ послалъ юному царевичу Николаю золотую персидскую камку, матери его пять аршинъ чернаго сукна и сообщилъ, что боярину князю Пронскому и воеводамъ астраханскимъ предписано принять его, царевича, и мать его, въ Астрахани, а весною дать ему возможность достигнуть Москвы и снабдить его надежными судами и провожатыми. [116]).

Въ это же самое время, около 1650 года, царь Алексѣй Михайловичъ обратился съ грамотой къ персидскому шаху Аббасу II по дѣламъ Грузіи. Въ началѣ своей грамоты Алексѣй Михайловичъ говоритъ, что Грузія—земля христіанская и что со времени царя Ѳеодора Іоанновича она находится въ подданствѣ русскаго государя. Затѣмъ онъ напоминаетъ шаху, что еще въ прошломъ году посылалъ къ нему пословъ и просилъ его, чтобы онъ «*братской пріязни, дружбы и любви ради*», Грузіи не чинилъ никакихъ насилій. Онъ напоминаетъ также, что шахъ, въ отвѣтъ на эту просьбу, обѣщалъ повелѣть грузинскаго царя оберегать, чтобы грузинскому царю отъ подвѣдомственныхъ шаху людей обидъ и насилій чинимо не было. «*Нынѣ мы*,—пишетъ въ заключеніе Алексѣй Михайло-

вичъ,—*извѣстились, что ваши, брата нашего, военноначальники изъ Шемахи и Ганджи выступили съ войскомъ на царя Теймураза въ Грузію, надѣлали тамъ много зла, побили большое число грузинцевъ, умертвили сына царя Теймураза Давида и выгнали изъ Грузіи царя Теймураза съ ближними его, и что теперь царю Теймуразу отъ людей вашихъ, брата нашего, чинятся обиды и разоренія. Въ присутствіи же бояръ нашихъ и думныхъ людей нашего царскаю величества, посланникъ вашъ Мухаммедъ-Кули-Бекъ, бывъ спрошенъ, объявилъ, что царю Теймуразу и всей Грузіи обиды, разоренія и бѣды приключились безъ нашего соизволенія отъ Рустемъ-хана тифлисскаю*». Напоминая затѣмъ Шахъ-Аббасу братскую пріязнь, дружбу и любовь, существовавшія между царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и предшественниками Шахъ-Аббаса, Алексѣй Михайловичъ убѣдительно просилъ его запретить Рустемъ-хану чинить Теймуразу и всей Грузіи обиды и разоренія: онъ просилъ также, чтобы Шахъ-Аббасъ повелѣлъ возвратить Теймуразу отнятое имущество. *Но ходатайство это не имѣло успѣха.*

Спустя два года, Теймуразъ снова прислалъ въ Москву посольство и снова жаловался на то, что Шахъ-Аббасъ притѣсняетъ его и «*не повинуется Его Величеству*» Въ этой грамотѣ, между прочимъ, онъ выразилъ свое согласіе отправить въ Москву царевича Николая, и дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе: [117]) 27 декабря 1653 года царевичъ Николай прибылъ въ Москву, вмѣстѣ съ матерью своею Еленою, кн. Кайхосро Аврамовымъ и архимандритомъ Германомъ. Мать царя Ираклія (+1710 г.) Елена, по прибытіи въ Москву, поспѣшила посѣтить Свято-Троицкую Сергіеву лавру. Памятникомъ ея пребыванія здѣсь остался «*крестъ напрестольный, серебрянный, позолоченный, грузинской работы*», пожертвованный ею монастырю 30 апрѣля 1654 года.

Въ 1655 году царю Теймуразу послано было 6000 ефимковъ и много соболей. Что же касается присылки Теймуразу войска и пушечнаго снаряда, россійскій государь писалъ къ царю грузинскому, что по случаю войны съ Польшею, удовлетворить сему требованію не можетъ, но что

по возвращеніи войска изъ похода, онъ, Теймуразъ, безъ помощи оставленъ не будетъ. Грузинскій царь благодарилъ русскаго государя за его вниманіе къ нему и доводилъ до его свѣдѣнія, что шахъ, не довольствуясь похищеніемъ у него двухъ сыновей и дочери, требуетъ еще и внучку его, дочь царевича Давида, говоря: «*далъ внука своего* (царевича Николая) *государю московскому, ты долженъ дать мнѣ своего внучку*». [118]).

Несчастный Теймуразъ, лишенный Шахъ-Аббасомъ своего царства, бѣдствовалъ по прежнему. Не имѣя яснаго представленія о затруднительномъ положеніи своего покровителя, царя Алексѣя Михайловича, занятаго въ это время тяжелою войною съ Польшею, Теймуразъ сильно огорчался безучастнымъ отношеніемъ къ нему московскаго правительства. Горькій упрекъ слышится въ словахъ его грамоты, съ которою онъ обратился къ московскому царю въ 1656 году. Онъ благодаритъ Алексѣя Михайловича за радушный пріемъ внука и за то, что царь взялъ его съ собою въ походъ на поляковъ Онъ писалъ, что, узнавъ объ этомъ походѣ, «*велѣлъ отслужить молебенъ съ архіереями и іереями, чтобы Богъ далъ побѣду*». Но тутъ же прибавилъ: «Было повелѣніе Твоего Царскаго Величества· если ты, царь Теймуразъ, пошлешь мнѣ внука своего, то я тебѣ дамъ войско—завладѣть твоею землею... Я исполнилъ твое повелѣніе, такъ и ты окажи мнѣ милость, дай мнѣ войско, да будетъ иверская земля твоимъ государствомъ, подобно тому, какъ ты и другимъ государствомъ повелѣваешь. Шахъ, когда я послалъ тебѣ внука моего, озлился на меня и хочетъ меня поймать и погубить».

Въ томъ же году пріѣхалъ къ Теймуразу въ Имеретію государевъ посланникъ Жидовиновъ съ ефимками и соболями. Персидскій шахъ выгналъ меня изъ государства,—жаловался ему Теймуразъ,—и я живу теперь въ Имеретіи, у зятя своего Александра; но отъ него мнѣ помощи никакой нѣтъ: скуденъ я всѣмъ, а въ свое государство отъ непріятелей ѣхать не смѣю. Онъ объяснилъ царскому послу, что ему нѣтъ уже иного исхода, какъ пере-

селиться въ Россію; онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе выѣхать въ Москву съ семействомъ и близкими людьми. Это было въ 1656 году. [119]).

Въ 1658 году пріѣхалъ въ Москву самъ царь Теймуразъ съ цѣлью тѣснѣе сблизиться съ своимъ высокимъ покровителемъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, былъ у государя на аудіенціи и далъ присланнымъ къ нему кн. Хилкову и дьяку Лопухину свѣдѣнія о Грузіи. Въ 1659 году грузинскій царь Теймуразъ былъ отпущенъ на родину. Ему отказано было въ воинской помощи, которую онъ испрашивалъ, опять подъ предлогомъ войны съ Польшею и выдано было 6000 рублей и соболей на 3000 рублей.

Въ слѣдующемъ году 3 іюня выѣхали изъ Россіи въ Грузію царевичъ Николай и мать его Елена Леонтьевна въ сопровожденіи грузинскихъ пословъ и пристава Димитрія Волынскаго, долженствовавшаго сопровождать путешественниковъ до границъ Грузіи. Но они изъ Астрахани опять вернулись обратно въ Москву, ибо въ Грузіи случились опасныя волненія. Но вскорѣ послѣ того они успѣли пріѣхать въ Грузію и отправиться въ Персію. Здѣсь Николай (Ираклій) принужденъ былъ принять магометанскую вѣру, чтобы получить грузинскій престолъ. Въ 1661 году Теймуразъ, не получивъ помощи ни откуда, отправился къ самому шаху и въ Персіи окончилъ дни свои въ иноческой жизни [120]) въ 1663 году.

Грузія не могла дождаться, чтобы Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича управилась когда-либо со своими европейскими врагами и могла начать войну въ отдаленномъ Закавказьѣ. Грузинскіе цари указывали на персіянъ, какъ на главныхъ враговъ своихъ, отъ которыхъ русскій царь долженъ оборонять ихъ. Но между Россіей и Персіей установились дружественныя отношенія, которыя неудобно было порывать въ виду затруднительнаго положенія Россіи въ ея отношеніяхъ къ западнымъ сосѣдямъ, полякамъ и шведамъ. Во взаимныхъ же отношеніяхъ Россіи, Персіи и Грузіи въ это время все дѣло вертѣлось въ одномъ вопросѣ. въ чьемъ собственно поддан-

ствѣ должна находиться Грузія? Русскіе послы въ 1653 году поставили ребромъ этотъ вопросъ. „Грузинская земля" — говорили они персидскимъ дипломатамъ— „православной христіанской вѣры греческаго закона и грузинскіе цари— издавна подданные нашихъ великихъ государей". „Нѣтъ,— отвѣчали шаховы ближніе люди, — „Теймуразъ и вся грузинская земля въ подданствѣ у нашихъ шаховъ". Этотъ отвѣтъ персидскихъ государственныхъ людей слишкомъ ясенъ: продолжать начатое дѣло можно было только съ оружіемъ въ рукахъ, а для этого у Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича не было никакой возможности.

Въ первые годы XVIII столѣтія Грузія стала было оправляться отъ вынесенныхъ прежде бѣдствій. Преданный православію, грузинскій царь Вахтангъ VI (1701—1724) современникъ Петра Великаго, ревностно заботился о возстановленіи разоренныхъ и сооруженіи новыхъ храмовъ, устроеніи церковнаго благочинія, столь сильно пошатнувшагося въ несчастныя и бѣдственныя для Грузіи времена, заведеніи школъ и распространеніи богослужебныхъ и священныхъ книгъ, для чего учредилъ въ Тифлисѣ типографію. Но скоро обстоятельства измѣнились. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, онъ понялъ, что безъ посторонней поддержки ему не удастся окончательно утвердиться въ Грузіи и обезпечить будущность своего народа. Тогда онъ въ 1719 году обратилъ свои взоры къ странѣ, гдѣ царствовалъ прославленный своими побѣдами Петръ Великій. Начались переговоры, ускорившіе то предпріятіе, о которомъ Петръ Великій думалъ давно: мы разумѣемъ его экспедицію въ Дагестанъ. Еще передъ началомъ этого предпріятія Петръ I писалъ Вахтангу, что въ скоромъ времени надѣется быть въ предѣлахъ Персіи, что польза христіанства,—какъ это и обѣщано было Вахтангомъ,— требуетъ соединенія его войскъ съ русскими. Но нерѣшительность Вахтанга, отложившаго свой походъ до весны 1723 года, причемъ онъ объ этомъ своемъ рѣшеніи даже не увѣдомилъ Петра I, сдѣлала то, что Грузіей былъ упущенъ

удобный моментъ окончательнаго своего освобожденія отъ нападавшихъ на страну со всѣхъ сторонъ враговъ.

Правда, побѣды русскаго оружія надъ персидскимъ шахомъ въ 1722 году на время подорвали силу персовъ въ Грузіи; но, взамѣнъ ихъ, здѣсь утвердились турки и несчастной странѣ пришлось страдать не меньше. Персы, не желая добровольно уступить ее туркамъ, возобновили свои набѣги, турки принуждали грузинъ къ исламу. Многіе изъ нихъ измѣняли вѣрѣ, иные бѣжали въ Россію и поселялись тамъ, церковныя дѣла пришли въ разстройство. Въ какомъ тяжкомъ положеніи была въ это время Грузія, видно изъ письма грузинскаго католикоса Доментія къ Петру Великому. Вотъ что пишетъ Доментій «Невѣрные одержали верхъ надъ паствою моею въ Грузіи и надъ братомъ нашимъ Вахтангомъ. Они расхитили иконы, кресты, сожгли церкви, истребили много христіанскихъ душъ, опустошили города и деревни. Если бы мы стали подробно описывать положеніе здѣшнихъ дѣлъ и доложили бы вамъ о нихъ, это продолжалось бы слишкомъ долго... Человѣку, подобному мнѣ, въ этомъ положеніи невыносимо оставаться, такъ какъ невѣрные преодолѣли насъ». Въ концѣ своего письма католикосъ выражаетъ надежду, что ему удастся переселиться въ Россію.

Приведенный отрывокъ изъ письма католикоса Доментія наводитъ на грустную мысль *объ упадкѣ въ грузинскомъ духовенствѣ XVIII вѣка того духа подвижничества, того самоотверженія, которымъ отличалось оно въ предыдущія времена.* Перечисливъ имена епископовъ, оставившихъ Грузію и удалившихся въ Россію съ царемъ Вахтангомъ въ 1724 году, грузинскій историкъ Платонъ Іосселіани выражаетъ скорбь свою въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ: «*Тщетно разсѣянная и поплѣненная лезгинами паства искала своихъ владыкъ духовныхъ, обязанностію коихъ считалось во мнѣніи народа искупленіе изъ рукъ невѣрныхъ и представительство у временныхъ поработителей*». Главными виновниками этихъ ужасныхъ бѣдствій грузинскаго народа историкъ считаетъ

царей-вѣроотступниковъ. «*Трудно*,—говоритъ онъ,—*измѣрить тяжесть креста, подъ которымъ стонала христіанская Грузія въ продолженіе страшнаго періода царей-магометанъ, носившихъ тяжесть власти подъ вліяніемъ разрушительныхъ началъ управленія персидскаго*» [121]).

Петръ Великій не могъ оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ единовѣрнаго народа и, въ виду настоичивыхъ просьбъ самого царя Вахтанга, отдалъ генералу Матюшкину въ маѣ 1723 года, командовавшему русскимъ отрядомъ въ Дагестанѣ, приказъ отправиться на помощь царю Вахтангу въ Грузію, но отрядъ этотъ, очевидно, не дошелъ до мѣста своего назначенія; вѣроятно, онъ остановился въ Теркахъ. Въ 1724 году Вахтангъ былъ лишенъ шахомъ престола и переселился въ Россію. Въ 1725 году Петръ Великій умеръ.

Сношенія Грузіи съ Россіей при преемникахъ Петра Великаго то прерывались, то снова возобновлялись, но особеннаго интереса и историческаго значенія не имѣли вплоть до вступленія на престолъ Екатерины II, при которой Грузія въ 1783 году стала подъ покровительство Россіи и грузинская церковь подчинилась Св. Сѵноду, а католикосъ Антоній I возведенъ въ званіе синодальнаго члена [122]). Этотъ пастырь былъ ревностнымъ сотрудникомъ царя Ираклія по устроенію церковному; онъ перевелъ на грузинскій языкъ много полезныхъ книгъ и заботился о распространеніи просвѣщенія въ Грузіи; между прочимъ, завелъ школы епархіальныя и двѣ семинаріи, возстановилъ при содѣйствіи царя тифлисскую типографію, и та приступила къ изданію богослужебныхъ книгъ. Въ трактатѣ, заключенномъ въ 1783 году между царемъ грузинскимъ Ираклiемъ II и Россіей, артикулъ 8-й гласитъ: «Ея Императорское Величество соизволяетъ, чтобы католикосъ или начальствующій архіепископъ грузинскій состоялъ мѣстомъ въ числѣ россійскихъ архіереевъ въ 8 степени, именно послѣ тобольскаго, жалуя ему навсегда титулъ святѣйшаго сѵнода члена, о управленіи же грузинскія церкви и отношеніи, каковое долженствуетъ быть

къ сунoду россійскому, о томъ составить особый артикулъ» [123]). Были ли составлены затѣмъ эти правила, опредѣляющія отношенія церквей другъ къ другу, неизвѣстно.

Мусульманскія государства, желѣзнымъ кольцомъ окружавшія Грузію, сильно были встревожены и озадачены заключеніемъ договора Грузіи съ Россіей въ 1783 году Тяжело имъ было разстаться съ долго и нѣжно лелѣянными сладкими мечтами и надеждами на окончательное порабощеніе Грузіи, этого роскошнаго уголка земного шара, такъ щедро надѣленнаго всѣми благами и дарами природы. Жестокій Ага-Магометъ-ханъ, шахъ персидскій, какъ извѣстно, страшно отомстилъ Ираклію II за сдѣланный имъ рѣшительный шагъ сближенія съ Россіей. Не успѣла Грузія оправиться отъ нанесенныхъ ей ранъ, какъ въ 1798 году скончался незабвенный герой Кавказа, благоговѣйно воспѣваемый въ народныхъ пѣсняхъ, Ираклій II Теймуразовичъ. На карталино-кахетинскій престолъ вступилъ сынъ его Георгій XII. Но при новомъ царѣ Грузіи не суждено было наслаждаться спокойствіемъ, необходимымъ для упорядоченія потрясеннаго государственнаго организма, такъ какъ возникшія въ самой царской семьѣ неурядицы изъ-за порядка престолонаслѣдія, породившія нѣсколько враждебныхъ другъ другу партій, обѣщали разразиться надъ страною цѣлою бурею. Грузіи угрожало раздробленіе на удѣлы, съ возникновеніемъ которыхъ древнее православное царство, такъ долго и храбро боровшееся за христіанскую религію противъ ислама, рушилось бы совершенно. Видя силы государства окончательно истощенными непрестанными нашествіями враговъ, грузинскій царь Георгій XII Иракліевичъ вознамѣрился окончательно предать свое царство могущественной и единовѣрной Россіи. Для осуществленія этого царь Георгія XII снарядилъ особое посольство въ С.-Петербургъ. Переговоры грузинскихъ пословъ съ русскими дипломатами затянулись на довольно продолжительное время и вызвали необхо-

димость обратной отправки пословъ въ Грузію для подписи выработанныхъ условій царемъ Георгіемъ XII. Императоръ Павелъ I согласился присоединить грузинское царство къ Россіи съ предоставленіемъ грузинамъ во внутреннемъ управленіи полной свободы [124]), въ каковомъ смыслѣ и былъ имъ подписанъ манифестъ 22 декабря 1800 года. Между тѣмъ послѣдовавшая 28 числа того же мѣсяца смерть царя Георгія XII не дала возможности ему закрѣпить условія собственноручною подписью. Не смотря на это, манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи все же былъ объявленъ въ С.-Петербургѣ 18 января, а въ Тифлисѣ 16 февраля 1801 года. «*Я хочу,*—писалъ императоръ Павелъ,—*чтобы Грузія была губернія, и такъ тотчасъ и поставьте ее въ сношеніе съ сенатомъ, а по духовной части съ сунодомъ, не трогая ихъ привилегіи*» [125]).

Частнѣе въ отношеніи духовнаго управленія предполагалось образовать двѣ епархіи: тифлисско-карталинскую и телаво-кахетинскую, первую во 2-мъ, а послѣднюю въ 3 классѣ. Въ обѣихъ епархіяхъ проектировалось учредить дикастеріи, семинаріи, а въ городахъ духовныя правленія, въ епархіи же тифлисской, кромѣ того, должность коадъ-ютера, подъ названіемъ епископа горійскаго [126]). Но смерть двухъ вершителей судьбы Грузіи—императора Павла I и царя Георгія XII—оставили всѣ эти предположенія неисполненными и задержала на время рѣшеніе вопроса о присоединеніи Грузіи къ Россіи, которое окончательно завершилось, какъ извѣстно, только 12 сентября 1801 года. Съ опубликованіемъ манифеста Императора Александра I «*могучій орелъ Россіи осѣнилъ Грузію крылами своими, Громовержецъ съ высоты небеснаго семизвѣздія сѣвера внялъ мольбамъ православной Иверіи. Онъ присоединилъ сиротствующую къ царскому гнѣзду своему и ей возвратилъ похищенное ястребами ислама и изувѣрства*».

Независимо указанныхъ сношеній чисто политическаго характера, мы видимъ таковыя же сношенія между русскимъ и грузинскимъ духовенствомъ на почвѣ собственно церковной. Кромѣ участія представителей грузин-

ской церкви на соборѣ, созванномъ въ 1666 году противъ русскаго патріарха Никона, во все продолженіе XVIII вѣка мы видимъ въ Москвѣ, Новгородѣ и другихъ значительныхъ городахъ Россіи многихъ изъ грузинскихъ іерарховъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимали самостоятельныя россійскія каѳедры. Таковы извѣстный католикосъ грузинскій Антоній I, удалившійся изъ Грузіи въ Россію и занявшій тутъ, по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, праздную Владимірскую архіерейскую каѳедру; архіепископъ Іосифъ Самебели, назначенный по указу императрицы Анны Іоанновны намѣстникомъ новогородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича и священноархимандритомъ Юрьевскаго монастыря; затѣмъ св. Іоаннъ Манглели—епископъ, архимандритъ московскаго Знаменскаго монастыря Николай, подавшіе, вмѣстѣ съ Самебели, въ 1743 году императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ докладную записку о необходимости снаряженія къ осетинамъ миссіи; архимандритъ Пахомій и нѣкоторые другіе монашествующіе изъ грузинъ-же, отправленные русскимъ правительствомъ въ 1746 году къ осетинамъ въ качествѣ миссіонеровъ-проповѣдниковъ Слова Божія; Гаіозъ Бараташвили, епископъ Моздокскій, а впослѣдствіи архіепископъ Астраханскій, получившій образованіе въ Московской славяно-греко-латинской академіи и своими вполнѣ благотворными трудами много содѣйствовавшій успѣхамъ русско-грузинской миссіи среди разныхъ кавказскихъ горцевъ, и многіе другіе. Этотъ самый Гаіозъ, тогда еще архимандритъ, присутствовалъ при заключеніи трактата 1783 года въ качествѣ ассистента католикоса Антонія I и, будучи сторонникомъ идеи соединенія Грузіи съ Россіей, впослѣдствіи извѣстною своею рѣчью старался вселить эту идею въ сердца и умы своихъ соотечественниковъ и, дѣйствительно, успѣлъ въ своихъ стремленіяхъ, вызвавъ въ грузинскомъ народѣ сильнѣйшее желаніе скорѣйшаго осуществленія этого возсоединенія [127]).

Примѣчанія и цитаты.

Введеніе

1) Внѣ всякаго сомнѣнія, Александръ Македонскій познакомился съ идеей о невидимомъ Богѣ, Творцѣ вселенной, въ бытность свою въ Іерусалимѣ, городѣ монотеистовъ—іудеевъ.

2) Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ и біографіяхъ. В. Потто. С.-ПБ. 1885 г., т. I, стр. 219—221.—Исторія груз. церкви до конца VI в. Мих. Сабининъ. С.-ПБ. 1887 г., стр. 22—26.—Очерки изъ исторіи Грузіи Романовскаго. Тифлисъ 1802 г., ст. 31—38.—Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церк. исторіи. Свящ. П. А. Протопоповъ. Москва 1901 г., стр. 1—3.

ГЛАВА I.

1) Кавказская война... В. Потто. С.-ПБ. 1885 г., т. I, стр. 221.

2) Исторія Грузіи, на груз. яз., стр. 135.

3) Мцхетъ находится въ Тифлисской губ., Душетскаго уѣзда, отъ Тифлиса въ 22 верстахъ, при сліяніи двухъ рѣкъ Куры и Арагвы. Въ древности былъ столицею царей и мѣстопребываніемъ католикосовъ, а нынѣ небольшое селеніе.

5) Очерки изъ исторіи Грузіи Романовскаго, стр. 39.

5) Потомки Иліи за безнравственную жизнь сыновей его, Офни и Финееса, осуждены были Богомъ умирать въ среднихъ лѣтахъ своей жизни. 1 Цар. II, 22—36.

6) Исторія груз. церкви до конца VI в., стр. 2—4.

7) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 40.

8) Исторія груз. церкви до конца VI в., стр. 5—10.

9) Краткое жизнеописаніе главн. дѣятелей груз. церк. исторіи, стр. 3—4.

10) Духовный Вѣстникъ Груз. экзархата за 1891 г., № 19, стр. 15.

11) Исторія груз. церк. до конца VI в., стр. 11—18. Краткая исторія груз. церкви Пл. Іосселіани. С.-ПБ. 1843 г., стр. 1—5.

12) Духовн. Вѣстникъ Груз. экзархата за 1891 г., № 19, стр. 16.

13) Брошюра „Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь". Сост. И. Н. Одесса, 1900 г., стр. 7—15.

14) Исторія груз. церкви до конца VI в, стр. 13

15) Богословская Энциклопедія. Изд. проф. Лопухина. С.-ПБ. 1902 г., т. III стр. 170.

16) Исторія груз. церкви до конца VI в, стр. 16.

17) Краткая исторія груз. церкви Пл. Іосселіани, стр. 4.

ГЛАВА II.

18а) Прошли послѣ того цѣлые вѣка, и въ Грузіи изъ-за этого креста началась жестокая междоусобица между двумя сильнѣйшими княжескими фамиліями Амилахвари и Гурамовыми. Первые основывали свое право на этотъ крестъ потому, что онъ срубленъ былъ среди ихъ лѣсовъ, а Гурамовы—потому, что онъ водруженъ былъ на землѣ, принадлежащей ихъ предкамъ. Споръ этотъ, какъ и всѣ средневѣковые споры, разрѣшился кровавою битвою, и такъ какъ Гурамовы понесли жестокое пораженіе, то Амилахвари завладѣли крестомъ и перенесли его въ Чалы (въ Карталиніи), гдѣ онъ въ настоящее время и сохраняется въ стѣнахъ мѣстной церкви. Крестъ этотъ—святыня, древнѣе которой уже нѣтъ ничего во всей христіанской Иверіи. См. статью В. А. Потто „Князь Иванъ Гивичъ Амилахвари“ въ иллюстрированномъ прибавленіи къ № 18 „Тифлисскаго Листка“ за 1900 годъ.

18б) Храмъ этотъ, извѣстный подъ именемъ „Свэти-Цховели“—такая же религіозная и историческая святыня грузинъ, какъ для насъ, русскихъ, Успенскій соборъ въ Москвѣ. Послѣ разгрома Грузіи Тамерланомъ, храмъ этотъ былъ обращенъ въ груды развалинъ, но въ началѣ XV вѣка груз. царь Александръ выстроилъ соборъ по старому плану. Въ настоящій же свой видъ Мцхетскій соборъ приведенъ въ XVIII столѣтіи, при извѣстномъ царѣ историкѣ Вахтангѣ V. Въ немъ похоронено много древнихъ и новѣйшихъ царей, а также и католикосовъ Грузіи.

19) Потомки его существуютъ и въ настоящее время и извѣстны во Мцхетѣ подъ фамиліей Гедевановыхъ. Они одни только имѣютъ право на жительство въ оградѣ Мцхетскаго собора.

20а) Присланное въ даръ Константиномъ Великимъ царю Миріану подгрожіе св. Креста уносено было назадъ въ Грецію императоромъ Иракліемъ въ концѣ 629 года, при правителѣ Грузіи Адарнасѣ, сынѣ Бакара III; возвращенное вновь, оно сохранялось въ Ананурскомъ храмѣ, по военно-грузинской дорогѣ, откуда пропало при послѣднемъ грузинскомъ царѣ Георгіи XII. См. исторію груз. церкви до конца VI в., стр. 41.

21) Гвоздь Спасителя хранится нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, подаренный Россіи царемъ Арчиломъ въ 1686 году. См. тамъ-же, стр. 13, и изслѣдованіе Садзагелова въ журналѣ „Пастырь“ 1892 г., №№ 1 и 2.

22) Одна изъ этихъ иконъ, а именно икона Божіей Матери, стоитъ нынѣ въ Руисскомъ соборномъ храмѣ, въ средней Карталиніи, весьма за-

мѣчательная по своей древности; а другая—Спасителя въ Алавердскомъ каѳедральномъ соборѣ, хранящаяся въ ризницѣ величественнаго храма.

23) Эрушети находится въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, по обѣимъ сторонамъ верховья рѣки Куры. Здѣсь существуетъ величественный храмъ, построенный отъ имени Константина Великаго. Онъ имѣлъ епископа, управлявшаго епархіями Эрушетскою и Артаанскою. Храмъ нынѣ въ развалинахъ. Христіанство подавлено здѣсь въ концѣ XVII вѣка. Пл. Іосселіани. Жизнеописанія святыхъ груз. церкви, стр. 41.

26) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели. А. Натроева. Тифлисъ. 1901 г., стр. 80—158. Исторія груз. церкви до конца VI вѣка, стр. 2—48. Кавказская война..., стр. 222—225. Очерки изъ исторіи Грузіи..., стр. 42—61. Краткая исторія груз. церкви. П. Іосселіани, стр. 1—19.

ГЛАВА III.

27) О немъ см. въ главѣ IV настоящаго очерка.

28) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рожд. Христова до 1879 г. Архим. Арсенія. С.-ПБ. 1880 г., стр. 225.

29) Сказаніе о св. ап. Симонѣ Кананитѣ, объ основаніи Ново-Аѳонской обители въ Абхазіи, на Кавказѣ, и о нѣкоторыхъ знаменіяхъ надъ сею обителью. Ст. Сов. А. Г. Изданіе 7-е. Одесса, 1900 г., стр. 37—38.

30) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Изданіе Кавказ. Горскаго Управленія. Вып. II. Тифлисъ. 1869 г., стр. 21—22.

31) Тамъ-же, стр. 18—19.

32) Тамъ-же, стр. 22—23 и „Очерки Кавказа“ Евгенія Маркова. Изд. Вольфа. С.-ПБ. 1887 г., стр. 170—180.

33) Православн. Богослов. Энциклопедія. Изд. проф. А. П. Лопухина. С.-ПБ. 1902 г., т. Ш, ч. I, стр. 549—550.

34) Подробности см. въ „Очеркахъ Кавказа“ Евгенія Маркова, стр. 181—189.

35) „Духовн. Вѣстн. Грузин. Экзархата“ за 1892 г., № 10 и 11-й.

36) Свѣдѣнія о Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ и его дѣятельности на пользу церкви заимствованы изъ соч. „Исторія груз. церкви до конца VI в.“ М. Сабинина. С.-ПБ. 1877 г., стр. 72—99.

37) Подробности о ней можно найти въ цитованномъ сочиненіи В. Потто „Кавказская война“..., стр. 225—226.

38) Тамъ-же, стр. 226.

39) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели. А. Натроевъ. Тифлисъ. 1901 г., стр. 166—172.

40) Описаніе древностей города Тифлиса. Плат. Іосселіани. Тифлисъ. 1866 г., стр. 96—97.

41) Тамъ-же, стр. 92.

42) Тамъ-же, стр. 23—24.

43) Кавказская война. , стр. 226.

44) Монастырь „Неусыпающихъ“ былъ основанъ въ V вѣкѣ въ Константинополѣ преподобнымъ Александромъ (+430 г.), по смерти котораго, иноки этой обители переселились въ Виѳинію, сѣверо-западную область Малой Азіи, гдѣ основали свой монастырь и откуда впослѣдствіи возвратились опять въ Константинополь. „Неусыпающими“ иноки этихъ монастырей назывались потому, что въ обителяхъ ихъ богослуженіе совершалось непрерывно, въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. См. „Житія Святыхъ“ на русскомъ языкѣ. Изд. Московской Синодальной типографіи. Москва 1902 г., ноябрь, стр. 238, примѣчаніе.

45) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели. А. Натроевъ. Тифлисъ. 1901 г., стр. 437—456; Исторія грузинской церкви до конца VI в., стр. 94—95 и 101. Краткая исторія груз. церкви. Іл. Іосселіани, стр. 142—152.

ГЛАВА IV.

46) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церк. исторіи. Свящ. И. А. Протопоповъ. 1902 г. Москва, стр. 17.

47) Тамъ-же, стр. 17—20; Муравьевъ „Грузія и Арменія“, т. I, стр. 334. Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели, стр. 187.

48) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церк. исторіи, стр. 26—27.

49) Подробную исторію этой обители и подвиговъ св. Шіо можно читать въ брошюрѣ „Преподобный отецъ нашъ Шіо Мгвимскій и его монастырь“. М. Квирилы. 1902 г., стр. 1—54.

50) Подробности въ брошюрѣ М. Г. Джанашвили—„Грузинскія обители внѣ Грузіи“. Тифлисъ. 1889 г.

51) Подробности объ этомъ камнѣ въ брошюрѣ „Повѣствованіе о чудодѣйственномъ благодатномъ камнѣ Давидо-Гареджійской пустыни“. Е. К. Тифлисъ. 1899 г., стр. 1—15.

52) Наивозможно полная исторія жизни св. Давида и его монастыря изложена въ брошюрѣ „Давидъ Гареджели и его лавра“. Е. К. Тифлисъ. 1901 г., стр. 1—14. Ср. Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церковной исторіи. Свящ. И. А. Протопоповъ. Москва. 1901 г., стр. 23—24.

53) Свѣдѣнія о жизни св. Антонія см. въ брошюрѣ „Жизнь и подвиги преп. Антонія Столпника, чудотворца Мартмкопскаго“. Е. К. Изд. 2-е. Тифлисъ. 1899 г., стр. 1—13.

54) Изъ этой обители, по просьбѣ патріарха Никона и соизволенія царя Алексѣя Михайловича, 13 октября 1648 года былъ привезенъ въ Москву точный списокъ съ чудотворной иконы Иверской Богоматери, пользующейся благоговѣйнымъ уваженіемъ всего русскаго народа, особенно же москвичей. Отсюда же были взяты и многія рукописныя церковно-

богослужебныя книги, по которымъ сдѣлано исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ.

55) Епископъ Кіріонъ. Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества. Тифлисъ. 1899 г., стр. 1—54.

ГЛАВА V.

56) Вахуштій. Исторія Грузіи. Тифлисъ. 1885 г., стр. 126.

57) „Св. Або, мученикъ тифлисскій". Брошюра епископа Кіріона. Тифлисъ. 1889 г., стр. 1—14.

58) Брошюра „Моцаметскій монастырь и житіе св. мучениковъ и князей Давида и Константина". Свящ. Г. Хелидзе. IV изд. Кутаисъ. 1902 г., стр. 1—16.

59) Кавказская война.. , стр. 226—227.

60) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели..., стр. 193—194.

61) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей грузинской церковной исторіи, стр. 32—38.

62) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ, Е. К. Тифлисъ. 1889 г., стр. 21.

ГЛАВА VI.

63) Тамъ-же, стр. 22.

64) Кавказская война..., стр. 235—236.

65) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церковной исторіи, стр. 38—41.

66) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба..., стр. 22 и 24.

67) Кавказская война..., стр. 236.

68) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 68.

69) Тамъ-же, стр. 25—28.

70) Статьи Ѳ. Д. Жорданія, напечатанныя въ газетѣ „Кавказъ" за 1885 годъ.

71) Кавказская война..., стр. 236—237.

72) Статьи Ѳ. Д. Жорданія, напечат. въ газетѣ „Кавказъ" за 1885 годъ.

ГЛАВА VII.

73) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели, стр. 192.

74) Кавказская война, стр. 238.

75) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба Грузіи, стр. 32.

76) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели, стр. 197.

77) Кавказская война, стр. 238—240.

78) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 31.
79) Кавказская война, стр. 240 – 241.
80) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 33—34.
81) Кавказская война, стр. 241.
82) Статьи Ѳ. Жорданія въ газетѣ „Кавказъ“ за 1885 г.
83) Кавказская война, стр. 241—246
84) Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ Гана. Ч. II, стр. 52 –53.

ГЛАВА VIII.

85) Кавказская война, стр. 241—246.
86) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 35—36.
87) Кавказская война, стр. 253—254.
88) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 35—36.
89) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церк. исторіи, стр. 41—46.
90) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 36—39.
91) Кавказская война, стр. 249.
92) Краткая исторія груз. церкви, Пл. Іосселіани. С.-ПБ. 1843 г., стр. 121—123.
93) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 106.

ГЛАВА IX.

94) Статьи Ѳ. Д. Жорданія, напеч. въ газетѣ „Кавказъ“ за 1885 годъ.
95) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба, стр. 72—73.
96) Тамъ-же, стр. 40—43.
97) Тамъ-же, стр. 96.
98) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церк. исторіи, стр. 46—48. „Духовный Вѣстникъ Груз. Экзархата“ за 1894 г., № 19. Кавказская война, стр. 225—304. Двѣнадцативѣковая борьба, стр. 1—113.

ГЛАВА X.

99) Брошюра Б. С. Эсадзе—„Очеркъ сношеній Россіи съ единовѣрной Грузіей и прибытіе русскихъ въ Иверію“. Тифлисъ. 1899 г., стр. 1—7.
100) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 131—133.
101) Тамъ-же, стр. 133.
102) Тамъ-же, стр. 134.
103) Кавказская война, стр. 243.
104) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 135—136.
105) Тамъ-же, стр. 136—137.

106) Очеркъ сношеній Россіи съ единовѣрной Грузіей, стр. 7—8.

107) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр, 138—139.

108) Кавказская война, стр. 243—244.

109) Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе С. Бѣлокурова. Москва. 1891 г., ч. I, стр. 115—116.

110) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 142—143.

111) Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе С. Бѣлокурова. Москва. 1891 г., ч. I, стр. 116—117.

112) Соловьевъ—„Исторія Россіи“, II, 527.

113) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 146—147.

114) Разумѣется церковь св. великомученика Георгія въ Илори, въ 2 верстахъ отъ Чернаго моря, между Сухумомъ и Редутъ-Кале, въ Абхазіи, на самой границѣ ея съ Самузарканью.

115) Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе С. Бѣлокурова. Москва, 1891 г., ч. I, стр. 117—155 и 298—301. Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 131—161.

116) Газета „Кавказъ“ 1903 г., № 340.

117) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 162—164.

118) Газета „Кавказъ“ 1903 г., № 340.

119) Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 164—165.

120) Газета „Кавказъ“ 1903 г., № 340.

121) Платонъ Іосселіани.—„Историческій взглядъ на состояніе Грузіи подъ властью царей—магометанъ“. Тифлисъ. 1849 г., стр. 82.

122) А. Доброклонскій. Руководство по исторіи русской церкви. Москва. 1893 г. Вып. IV, стр. 45—46, и Очерки изъ исторіи Грузіи, стр. 150—260.

123) Бутковъ. Матеріалы для исторіи Кавказа. Ч. II, стр. 125.

124) Подробная выписка изъ Высочайше утвержденнаго доклада 15 ноября и конфиденціальной записки гр. Растопчина 14 ноября 1800 г. Дубровинъ. Ист. войны и влад. рус. на Кавказѣ. т. III, стр. 337—339.

125) Тамъ-же, стр. 359. Акты Кавказск. Арх. Комис., т. I, стр. 413.

126) Н. Дубровинъ. Георгій XII, послѣдній царь Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи, стр. 200—201.

127) Краткій очеркъ исторіи груз. церкви и экзархата за XIX стол. Е. К. Тифлисъ. 1901 г., стр. 7—18.

Из Собр. Фонда
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. ЛЕНИНА